

Вопросы элитологии Issues in Elitology

— TOM 3, NO 2

Issues in Elitology

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Vol. 3, No 2

doi: 10.46539/elit.v3i2

Вопросы элитологии

Исследовательский электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 3, No 2

doi: 10.46539/elit.v3i2

Table of Content

POLITICAL ELITE STUDIES

Darya V. Makovskaya, Gennadii V. Kosov

Ethnic Elite in the Victimization of Ethnic Communities 13

Elena N. Maksimova

Dynamics of Destabilization Potential Ukrainian Political Elites 28

Denis A. Mirgorod

Military Elites in the Political Process of the Middle Eastern and North African Countries 41

Alexander P. Suhonosov

Political Elites in the Context of the Growth of a New Wave of the Global Crisis 51

Olga V. Yarmak, Mariya G. Bolshakova, Zoya S. Savina, Anastasia G. Maranchak

Historical Memory of Youth: How Images of the Past Work in the Conditions of Confrontation Between Political Elites 64

ELITE STUDIES OF CULTURE

Alexander M. Starostin

Elite Formation and Elite Strategizing in the Conditions of Deploying Global Innovations 77

Elena E. Zavyalova

Elithological Constructs in N.V. Gogol's «Selected Passages from Correspondence with Friends» 93

Olga I. Oskina

Carnival as a Marker of a Modern Deviant Political Culture 114

SCIENTIFIC LIFE

Vladimir V. Bobylev

Fourth All-Russian Elite Congress — a New Page in the History of National Elitology 129

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ

Маковская Дарья Владимировна, Косов Геннадий Владимирович

Этническая элита в виктимизации этнических общностей 13

Максимова Елена Николаевна

Динамика дестабилизационного потенциала украинских политических элит 28

Миргород Денис Александрович

Военные элиты в политическом процессе стран Ближнего Востока и Северной Африки 41

Сухонос Александр Петрович

Политические элиты в условиях роста новой волны мирового кризиса 51

Ярмак Ольга Валерьевна, Большакова Мария Геннадьевна, Савина Зоя Сергеевна, Маранчак Анастасия Геннадьевна

Историческая память молодежи: Как работают образы прошлого в условиях противостояния политических элит 64

ЭЛИТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Старостин Александр Михайлович

Элиитообразование и элитное стратегирование в условиях развертывания глобальных инноваций 77

Завьялова Елена Евгеньевна

Элиитологические конструкты в книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» 93

Оськина Ольга Ивановна

Карнавальность как маркер современной девиантной политической культуры 114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бобылев Владимир Владимирович

Четвертый всероссийский элиитологический конгресс – новая страница в истории Отечественной элиитологии 129

Dear friends, colleagues, readers and authors!

The “Issues in Elitology” is a periodical academic e-journal without printed forms (published since 2020). The journal publishes academic articles, reviews, information resources, reports on expeditions, conferences and other research materials.

The journal consolidates the elite community in order to identify and establish the most challenging problems of modern elite studies, to conduct a comprehensive analysis of all elite theories, concepts, and doctrines having been existed in science throughout the history. The editors of the journal consider elitology as a researches that deals with whatever concerning elite studies issues from politics and law to philosophy, history, culture, and religion. Both theoretical and applied field of the elite phenomenon are considered.

Determining the ELITE as a cultural and historical phenomenon we thereby insist on a system and integrated approach to the study of its foundations and matters. The elites have always played an extremely important part influencing the fate of people and the world. Therefore it becomes a key point in the analysis of the grade state of mankind as a whole. In this regard we see the need to intensify the academic discourse around the phenomenological essence of the elite in order to further constructive development of elite studies.

Applied Elite Studies concern mainly the selection and the recruitment of the elites. Considering the elites from the point of view of their professional communities (political, scientific, cultural, etc.) is of particular interest. It is done to develop the most optimal effective mechanisms for the professionalization and socialization of elite communities. It is becoming more and more obvious that the formation of the professional competence of the elites should finally receive serious academic support, not as a matter of chance.

The journal creates a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Elite Studies. We make no distinction between reputed scientists and aspiring young authors. The main criterion for selecting material is that manuscripts must be of high research quality and meet the spirit of functional professional cooperation.

The editors respect the positions of any author even if they do not agree with his or her point of view, provided that the work is in keeping with the mood of open competition and is conducted within ethics. Selecting material for publication the journal is guided primarily by the principles of objectivity, academic character, and verifiability.

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 80146 since 04 February 2021
- ◆ Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание «Вопросы элитологии» является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы. Сетевое издание призвано консолидировать вокруг себя элитологическое сообщество, выявить и установить наиболее актуальные проблемы современных исследований элит, провести всесторонний анализ всех существовавших в философской и научной истории теорий, концепций и доктрин, касающихся элит. Редакция сетевого издания рассматривает элитологию как комплексную научную дисциплину, занимающуюся всем корпусом элитологических проблем – от политики и права до философии, истории, культуры и религии. Рассматриваются как сугубо теоретико-методологические, так и прикладные эмпирические исследования феномена элиты и элитности.

Оценивая элиту в качестве культурно-исторического феномена, мы тем самым настаиваем на системном комплексном подходе к изучению его основ, сущности и смыслов. Мы призываем рассматривать этот феномен, как в диалектическом единстве, так и в метафизическом формате, работая в режиме «pro et contra». Поскольку роль элиты всегда носила исключительно важный характер и от ее решений зависели судьбы людей и мира, она становится узловым моментом в анализе качественного состояния всего человечества в целом. В этой связи мы видим необходимость активизировать научный дискурс вокруг феноменологической сущности элиты и элитности с целью дальнейшего конструктивного развития элитологии как науки.

Прикладные элитологические исследования касаются главным образом селекции и рекрутирования элит. Особый интерес представляет возможность рассматривать элиты с точки зрения их профессиональных сообществ (политических, научных, культурных и т.д.) с целью выработки наиболее оптимальных эффективных механизмов профессионализации и социализации элитных сообществ. Сегодня становится все более очевидным то, что формирование профессиональной компетентности элит должно, наконец, получить серьезное научное сопровождение, а не быть делом случая.

Редакция уважительно относится к позициям любого автора, даже если и не согласна с его точкой зрения, при условии, если работа отвечает духу открытой конкурентной борьбы и ведется с соблюдением этических норм. В отборе к публикации материала журнал руководствуется в первую очередь принципами объективности, академичности, верифицируемости.

- ◆ Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief	Pavel L. Karabuschenko Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Astrakhan State University, Russia
------------------------	---

Editorial Team	Leonid Ya. Podvoisky (Responsible Editor), PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia Maria M. Bicharova PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia Ekaterina V. Gainutdinova PhD, Associate Professor, Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia Irena V. Lebedeva PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia
-----------------------	--

Editorial Board	Arushan A. Vartumyan Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, North Caucasus Federal University (NCFU). Pyatigorsk, Russia Nikolay V. Grishin Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia Gennady V. Kosov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Sevastopol State University. Sevastopol, Russia Victor P. Mokhov Dr. Habilitatus in History, Professor, Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia Evgeny N. Moschelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia Larissa I. Nikovskaya Dr. Habilitatus of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences / professor, RANEPa. Moscow, Russia
------------------------	---

Alexander V. Ponedelkov

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, South Russian Institute - a branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEP).
Rostov-on-Don, Russia

Ravil G. Rezakov

Dr. Habilitatus in Pedagogy, Professor,
Moscow City University. Moscow, Russia

Maria M. Fedorova

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Alexander N. Chumakov

Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor,
Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

Elena V. Khlyshcheva

Dr. Habilitatus in Cultural Studies, Professor,
Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Главный редактор	Павел Леонидович Карабущенко д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
Редакция	Леонид Яковлевич Подвойский (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия Мария Михайловна Бичарова канд. филол. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия Екатерина Валерьевна Гайнутдинова канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный техниче- ский университет. Астрахань, Россия Ирэна Валерьевна Лебедева канд. соц. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
Редакционный совет	Арушан Арушанович Вартумян д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия Николай Владимирович Гришин д. полит. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия. Елена Евгеньевна Завьялова д. филол. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия Геннадий Владимирович Косов д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия Виктор Павлович Мохов д. ист. наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия Евгений Николаевич Мощелков д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия Лариса Игоревна Никовская д. соц. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН / профессор, РАНХиГС. Москва, Россия

Александр Васильевич Понеделков

д. полит. наук, профессор, Южно-Российский институт - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, Россия

Равиль Гарифович Резаков

д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия

Мария Михайловна Федорова

д. полит. наук, профессор, Институт философии РАН. Москва, Россия

Александр Николаевич Чумаков

д. филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Елена Владиславовна Хлыщева

д. филос. наук, профессор,
Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

CONTACTS

Founder	Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”
Address	6zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056
Editor-in-Chief	Pavel L. Karabuschenko
Email	elitologyjournal@gmail.com
CEO	Rastyam T. Aliev
Email	rastaliev@gmail.com

The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40
Главный редактор	Павел Леонидович Карабущенко
Email	elitologyjournal@gmail.com
Дирекция журнала	Алиев Растям Туктарович
Email	rastaliev@gmail.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

Ethnic Elite in the Victimization of Ethnic Communities¹

(a) Darya V. Makovskaya, (b) Gennadii V. Kosov

(a) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: 76mdvl[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-0935-2558

(b) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: kossov1[at]yandex.ru ORCID: 0000-0002-1422-895X

Abstract

The article examines the role of the ethnic elite in the victimization of the ethnic groups of the North Caucasus and the Crimean Tatars. The expediency of considering the victimization of the collective consciousness of ethnic communities through the prism of the fate of ethnic elites in ethno-political conflicts in order to achieve the desired status positions is substantiated. It is proved that the victimization of ethnic communities can have a determining effect on their subjective perception of the ethno-status position, which subsequently itself will contribute to the development and consolidation of the victim complex.

The levels of victimization of the collective consciousness are distinguished. The components of the ethnic elite and its role in the functioning of ethnic communities, the key directions of its rational activity of the ethnic elite are designated. The basic strategic directions and motivations for the activity of segments of the elite groups of ethnic groups are analyzed. The key directions of the efforts of ethnic elites to victimize the collective consciousness of ethnic communities, their goals and possible consequences are highlighted.

Keywords

Ethnopolitical conflict; ethnic identity; ethnic status; victimhood; victim complex; ethnic elite.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ The article was carried out with the financial support of the RFBR and the Government of Sevastopol within the framework of the scientific project №20-41-920003 «Determinants and mechanisms of fixing the victim complex formed by the deportation of 1944 in the collective consciousness of the Crimean Tatars of the city of Sevastopol and tools to overcome it.

Этническая элита в виктимизации этнических общностей¹

(а) Маковская Дарья Владимировна, (б) Косов Геннадий Владимирович

(а) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-mail: 76mdvl[at]mail.ru ORSID ID 0000-0003-0935-2558

(б) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-mail: kossov1[at]yandex.ru ORCID: 0000-0002-1422-895X

Аннотация

В статье рассматривается роль этнической элиты в виктимизации этносов. Обосновывается целесообразность рассмотрения виктимизации коллективного сознания этнических общностей через призму участия этнических элит в этнополитических конфликтах с целью достижения желаемых статусных позиций. Доказывается, что виктимность этнических общностей может обладать детерминирующим воздействием на их субъективное восприятие этностатусного положения, которое впоследствии само будет способствовать развитию и закреплению комплекса жертвы.

Выделяются уровни виктимизации коллективного сознания. Обозначаются и определяются составляющие этнической элиты и ее роль в функционировании этнических общностей, ключевые направления рациональной деятельности этнической элиты. Анализируются базовые стратегические направления и мотивации деятельности сегментов элитных групп этносов. Выделяются ключевые направления усилий этнических элит по виктимизации коллективного сознания этнических общностей, их цели и возможные последствия.

Ключевые слова

Этнополитическая конфликтность; этническая идентичность; этнический статус; виктимность; комплекс жертвы; этническая элита.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-411-920003 «Детерминанты и механизмы закрепления сформированного депортацией 1944 года комплекса жертвы в коллективном сознании крымских татар города Севастополя и инструменты его преодоления».

Введение

В современном социуме этнические различия остаются одним из наиболее рельефных дифференцирующих маркеров и мощнейшей социальной силой. Зачастую она проявляет себя в качестве неразрешимых социальных противоречий, связанных с этнической идентичностью. Одним из самых неизученных моментов в этой сфере является влияние на возникновение и развитие этнополитической конфликтности виктимизации массового сознания этнических групп, которое зачастую осуществляется при участии представителей этнических элит с опорой на присутствие в прошлом у отдельных этносов травмирующего опыта. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется у этносов Северного Кавказа и крымских татар, что, соответственно, определяет цель нашего исследования, которая состоит в выявлении роли этнической элиты в виктимизации общественного сознания этнических общностей.

Методология

Рассматривая стратегии элиты в эксплуатации комплекса жертвы этносами Северного Кавказа и крымскими татарами, мы исходим из того, что он может быть использован в борьбе элитных групп для конфликтной этномобилизации с целью борьбы/отстаивания/поддержания своих статусных позиций.

Существующие исследования в данной области преимущественно сосредоточены на виктимных проявлениях социальных статусов в различных сферах жизни общества (образовательной, бытовой, здравоохранения и так далее), на изучении индивидуальной и групповой виктимности относительно того или иного вида преступления (Wallengren & Wigerfelt 2020). Этнический компонент присутствует в изучении проблемы виктимности этнических меньшинств, в том числе в сфере детерминации криминальных посягательств.

Влияние стратификационных различий, как правило, исследуется в контексте влияния социального пространства жизнедеятельности социальных субъектов на их виктимизацию (Гостунская 2007; Мухина 1999). Например, Андронникова О.О., выстраивая социальную модель виктимизации, говорит о влиянии социально-экономического расслоения, отсутствия социальных лифтов, неравномерности распределения социальных благ на динамику и специфику виктимности (Андронникова, 2018).

Одно из наиболее значимых исследований в области выявления особенностей виктимности социальных статусов по отношению к наиболее важным тенденциям современной стратификации общества реализовано в работе Вишневецкого К.В. «Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе» (Вишневецкий, 2012).

Влияние виктимологического компонента на возникновение и развитие этнополитических конфликтов затронуто в исследовании Велешко Е.Н.

«Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов», в котором уделяется место статусным претензиям крымскотатарских репатриантов (Велешко, 2007).

Виктимологические аспекты этнополитической конфликтности проявляются в качестве характеристики социальной среды жизнедеятельности этнических субъектов, где виктимологическим содержанием обладает неравенство по этническому признаку. Оно играет значительную роль в детерминации этнополитических конфликтов и стремлении этнических общностей изменить в свою пользу существующую систему социальной стратификации. При этом большое значение в возникновении и развитии этнополитического конфликта имеет оценка своего статусного положения этническими субъектами.

Виктимологический аспект реализуется через уязвимость этнических субъектов (на индивидуальном и групповом уровнях) по отношению к совершаемым в отношении них на основании деликтов проявлениям неприязни по этническому признаку. Например, виктимизация этнических общностей может проявляться в форме идентитаризма по отношению к аллохтонным группам, что ярко демонстрируется на примере отношения к классическим для Европы виктимным группам, исторически играющим роль «Другого», евреям и цыганам, а в последние десятилетия к выходцам из Турции, мусульманских стран Ближнего Востока и Северной Африки (Водак 2018, стр. 60).

Со стороны органов власти виктимизация реализуется через дискриминацию по этническому признаку, предельной формой которой в жестко ранжированных этностратификационных системах выступают геноцид и этноцид (Налчаджян, 2011).

Также мы рассматриваем этническую идентичность в качестве маркера социальной группы, демонстрирующей виктимное поведение по отношению к реальному или сконструированному врагу. Виктимность этнического субъекта может быть следствием детерминирующего влияния, присущего объективному этностатусному положению и его субъективному восприятию. Интерпретация этностатусного положения как ущемленного, несоответствующего должному, может сформировать у этнической общности «комплекс жертвы», который относится к аффективным комплексам недостаточности (Велешко, 2007).

Присутствие комплекса жертвы приводит к негативной, конфликтной консолидации и мобилизации этнической общности, которая реализуется через культивируемую борьбу с идентифицированным врагом. В роли условного «врага» выступает контактирующий этнос, государство, внешние субъекты. Они могут рассматриваться в коллективном сознании этнической общности как совершившие преступление по отношению к демонстрирующему виктимное поведение этническому субъекту.

Для поведения жертвы характерна агрессия по отношению к окружающему миру и идентифицированному преступнику, которого она стремится

наказать. Вину за присутствующие у жертвы проблемы в различных сферах жизни она возлагает на внешнее воздействие и стремится получить компенсацию за причиненный явный или воображаемый ущерб. Соответственно, в данном случае поведение этнической общности будет носить агрессивные компенсаторные черты (Велешко, 2007) и может быть связано с требованием сатисфакции, или возмещения причиненного ущерба.

В основном этностатусные притязания связаны с наиболее значимым объективным показателем этнического статуса, к которому относится доступ к государственной власти, обладание которым является признаком высокого статуса, повышает конкурентность в борьбе за дефицитные ресурсы, дает возможность представителям этнической общности проводить политику в интересах своей этногруппы. Кроме того, обладание властью представителями одного этноса оказывает прямое воздействие на становление этностатусных представлений, и всякий этнос, чувствующий себя ущемленным в какой-либо сфере жизни полиэтнического государства, в первую очередь стремится получить доступ к власти.

Эта тенденция зачастую проявляется в форме виктимного этнонационализма, что демонстрируют идеологические основы нациестроительства на постсоветском пространстве.

Роль элиты в виктимизации этнического сознания

Рассуждая о стратегиях эксплуатации комплекса жертвы, присутствующего в массовом сознании крымских татар и этносов Северного Кавказа, можно обратить внимание на два ключевых взаимосвязанных и взаимозависимых уровня его реализации. Первый уровень – это эксплуатация комплекса жертвы в тактическом инструментарии акторов международной политики. Второй уровень – эксплуатация комплекса жертвы на уровне этнической элиты.

На верхнем уровне он может применяться через эксплуатацию дискурса геноцида, который достаточно часто используется вне его юридически закреплённого наполнения. Более того, существуют попытки использовать феномен «косвенного геноцида» (Бахревский 2013, стр. 97), где «выделяют направленное экономическое вмешательство; изменение культурно-исторической среды; биологическое вмешательство, в том числе и на генетическом уровне; направленное изменение природных условий и т.п.» (Черновицкая 2008, стр. 166).

Здесь мы можем говорить об использовании дискурса геноцида в качестве инструмента международного давления, для легитимации и делегитимации деятельности государств ведущих акторов международных отношений.

Дискурсы виктимизации применяются с целью геополитического дистанцирования и конструирования нации, что особенно характерно для постсоветского пространства. Некоторыми бывшими советскими республиками обоснование суверенности и обеспечения геополитического дистанцирования от РФ

осуществлялось на основании виктимизации населения этих государств и формировании у населения негативного отношения к совместному периоду истории. Совпадающей целью здесь является использование дискурса геноцида с целью конструирования нации. В частности, лейтмотивом конструирования украинской нации в рамках стратегии «этнозащитного национализма» и формирования массового комплекса «жертвы» стала административная виктимизация населения Украины с помощью внедряемой в массовое сознание интерпретации голодомора 1932–1933 гг. в СССР как геноцида, направленного на целенаправленное уничтожение украинцев.

Дискурс геноцида может использоваться как катализатор процессов дестабилизации территориальной дезинтеграции, в частности, для запуска и активизации дезинтеграционных процессов внутри Российской Федерации, формирования у некоторой части населения негативного отношения к федеральному центру, осуществляемое через внедрение определенных исторических нарративов и жесткого конструктивистского подхода к интерпретациям истории.

Яркое описание эксплуатации виктимизации для этих целей представлено в статье Мишеля Кейси «Деколонизация России», где автор настаивает на необходимости освобождения от «колониальной» зависимости от России ряда ее территорий, в том числе Чечни, Татарстана, Карелии, Коми, Саха, Башкортостана, Чувашии, Калмыкии, Удмуртии, а также народов Арктики и Сибири (Casey, 2022).

Здесь можно упомянуть использование комплекса жертвы в реализации геостратегических проектов акторов международной политики. Например, на Северном Кавказе в контексте американской концепции «стратегического терпения» или продвижения проекта «Большой Кавказ» эксплуатировался этнический ресурс, который сопрягался с процессами этнической мобилизации, обусловливаемой конструированием и внедрением в общественное сознание представителей северокавказских этносов виктимизирующих этноисторических мифов. В виктимизации массового сознания и использовании комплекса жертвы в тактическом инструментарии внешней политики активное участие принимают негосударственные акторы (различные НКО, представители диаспоры и так далее).

Эксплуатация комплекса жертвы во внешнеполитических стратегиях невозможна без поддержки отдельных представителей элитных групп этносов, которым на разных этапах современной истории Российской Федерации были присущи разной степени интенсивности попытки использования эксплуатации комплекса жертвы для реализации рациональных интересов. Рассматривая данный вопрос, необходимо определиться с наполнением термина «элита» применительно к данному исследованию.

В самом широком смысле элита – это высшая страта в ранжированном обществе, в зависимости от основания для стратификации включающая поли-

тическую, экономическую, бюрократическую, интеллектуальную, идеологическую, этническую и военную составляющие.

Этническую элиту можно рассматривать как часть этнической группы, которая претендует на роль ее лидера и политического руководителя. Этническая элита неоднородна. Она включает в себя как членов политической элиты, имеющих доступ к контролю над частью политических, экономических, символических ресурсов общества, в определенной степени определяющих государственную политику, влияющих на управление всеми сферами социальной жизни. В политическую элиту входит контрэлита, стремящаяся изменить всю политическую систему и участвующая в этномобилизации. К этнической элите можно отнести представителей этноса, контролирующих материальные и финансовые ресурсы общества, то есть экономическую элиту, а также интеллектуальную и творческую элиту, осуществляющую трансляцию и объективацию этнокультуры. Представители всех этих сегментов этнической элиты могут быть задействованы в работе различных общественных организаций, занимающихся вопросами функционирования и развития своего этноса. Таким образом, этническая элита представляет собой системное единство политических, экономических, творческих и интеллектуальных элит, находящихся в прямом и косвенном взаимодействии, представляющих и отстаивающих интересы этноса в формах философии, политики, искусства и др., в целом решающих жизненно важные проблемы жизнедеятельности этноса.

Исследователи выделяют следующие функции этнической элиты:

1. Гносеологическую, то есть формирование систематизированного теоретико-концептуального знания обо всей культуре этноса;
2. Аксиологическую, то есть формирование и трансляцию шкалы ценностей;
3. Коммуникативную, то есть создание условий и средств межэтнического и внутриэтнического общения, передача этнокультурной информации;
4. Интегративную, то есть объединение народа, на основе единых взглядов, убеждений, ценностей;
5. Аккумулятивную, то есть сохранение культурного наследия народа; накопление, хранение, обобщение этнокультурного опыта;
6. Символическую, то есть превращение реальных явлений и социально-значимой информации, которая существует в коллективной, живой памяти носителей этнической культуры всех таксономических уровней, в информационно-символический пласт культуры;
7. Эстетическую, то есть создание этнически окрашенных представлений о прекрасном/безобразном, упорядоченности/неупорядоченности окружающего человека мира;
8. Мировоззренческую, то есть интерпретацию настоящего состояния этноса и культурное наследие прошлого, через которое оказывается влияние на систему взглядов на мир, и тем самым формируется отношение человека

этнической общности к окружающему миру и к самому себе (Инкижекова, 2010, стр. 96-97).

Реализуя свои функции, представители этнической элиты могут руководствоваться разными целями. В зависимости от них этноэлиты делятся на «прагматиков» и «романтиков», где последние – «это этнические активисты, искренне стремящиеся к удержанию и развитию определенной этнической идентичности и пытающиеся заразить этим стремлением максимальное количество людей» (Малахов 2007). Прагматики же руководствуются соображениями рационального выбора.

В зависимости от складывающихся отношений, политической ситуации, субъектов взаимодействия, рациональность этнической элиты имеет разный вектор. Если манипуляции с использованием этнического самосознания правящей элите позволяют обрести или сохранить экономические ресурсы, то в данном случае ее в действиях присутствует экономическая рациональность. Политическая рациональность проявляется в случаях, когда элиты стремятся удержать, а контрэлиты завоевать властные позиции, проводя политическую мобилизацию по этническим разделительным линиям, или оправдывая свое правление на языке национальных устремлений. Конститутивная рациональность в этнополитике проявляется в том случае, когда действия элиты направлены на укрепление политически единого общества путем установления границ, исключая или включающих те или иные этногруппы.

Так или иначе, конструирование этнополитической конфликтности, основанное на рациональном выборе «прагматиков», в большинстве случаев связано с борьбой за статусные позиции этногруппы или борьбу за иерархические позиции внутри нее.

«Прагматики», руководствующиеся при формировании и закреплении образа жертвы в массовом сознании этнических общностей аргументами борьбы за повышение статусных позиций могут достигать своих целей через мобилизацию электората через виктимизацию массового сознания на основе аргументации получения сатисфакции как жертвы или расширения суверенитета. Другим вариантом повышения уровня статусных полномочий является получение должностей, в том числе формальных, при поддержке федерального центра (Захаров, 2012, стр.112, 114), получение доступа к контролю над отдельными экономическими нишами и финансовыми потоками. Снижение уровня этнической мобилизации вследствие действий элитных групп в определенной степени является «платой» за предоставляемые федеральным центром преференции и возможно элементом шантажа.

Существуют ситуации, когда властные полномочия, связанные с представлением интересов этнических общностей, в результате борьбы внутри себя этнической общности и/или при патронате со стороны федерального центра занимают представители элит, не пользующиеся популярностью в своей этнической среде, которые транслируют уже свои виктимизирующие массовое

сознание исторические интерпретации трактовки текущих социально-политических и экономических событий.

Как правило, они направлены на противодействие дезинтеграционным смыслам, внедряемым в массовое сознание. Эти условно «провластные» представители этнической элиты могут отторгаться отдельной частью этнической группы и поддерживаться тем спектром социума, который, благодаря близости к фаворитам федеральной власти, повышает личные статусные позиции, но может не сохранить своей лояльности при утрате их лидерами поддержки патронов.

Снижение возможностей или необходимости федерального центра поддерживать статусные позиции этнических элит потенциально приведет к нарастанию конфликтной мобилизации, поскольку поддерживающие теми или иными способами спокойствие в этнической среде лидеры теряют свое влияние и/или сокращают лояльность.

Представители «романтической» части элиты нацелены на сохранение, восстановление и дальнейшее сохранение утраченных этнокультурных ценностей, сохранение этнической идентичности, препятствование ассимиляции. Через акцентирование внимания на утрату маркеров идентичности вследствие совершенных против этноса преступлений, ее представители пробуждают интерес и потребность в сохранении и развитии этнической культуры, этнической памяти и идентичности. Это особенно актуально в ситуации, когда сохранение языка и культуры становится уделом преимущественно национально-культурных сообществ и старшего поколения.

Ориентация молодежи на глобалистские ценности, на реализацию личных жизненных треков, утрата экономической целесообразности в глубоком знании своего языка и культуры делает виктимизацию жертвы с акцентом на сатисфакции инструментом привлечения внимания к сохранению этнической идентичности. Стирание границ между контактирующими этносами приводит к использованию виктимизирующих контекстов для сохранения этнической идентичности, обостряя и закрепляя комплекс жертвы в массовом сознании этнической общности. В архаизирующихся этнических общностях виктимизация массового сознания может использоваться как аргумент для максимального этнического дистанцирования.

Механизмы сохранения и закрепления комплекса жертвы в коллективном сознании этнических общностей

Наибольшее внимание в виктимизации массового сознания со стороны этнических элит уделяется образу «жертвы-трагедии», где базовым является дискурс геноцида, который является одним из основных инструментов виктимизации общественного сознания не только в рамках рассматриваемых этнических рамок.

После событий, связанных с прямыми политическими последствиями международного признания преступлений нацистской Германии против евреев стала очевидной прямая политическая и материальная выгода, связанная со статусом жертвы (Бахревский 2013), тенденция на превращение памяти о Холокосте в «гражданскую религию» Запада (Копосов, 2011) способствовала попыткам этнических элит Кавказа разработки собственных концепций «геноцида».

Как правило, они в той или иной степени они связываются с политикой российского государства на разных этапах его развития в отношении народов, проживающих в современной России. В большинстве случаев это интерпретация насильственного переселения этнических общностей в 1944 г., но в некоторых из них присутствует удревнение конструируемых версий геноцида. В качестве примера можно привести концепции «геноцида карачаево-балкарского народа», «геноцида ногайцев», «геноцида ингушей», «геноцида чеченцев», «геноцида крымских татар», «геноцида черкесов», «геноцида турок-месхетинцев», которые подробно описаны специалистами в данной области (Бахревский 2013).

При этом основанные на различных версиях «геноцида» виктимологически обусловленные этностатусные претензии проявляются у обладавших государственностью, или претендовавших на нее этнических групп, и усугубляются сконструированной в общественном сознании агрессии со стороны контактирующих этносов или государства.

Требования о признании геноцида в большинстве случаев коррелируют с заявлениями о необходимости и неизбежности восстановления законных прав этнической общности на свою территорию и национальную государственность. На основе мифа об уничтоженной независимой государственности формируется образ жертвы-государства. Он является базой для попыток объединения вокруг общей цели – «восстановлении» национальной государственности или статуса до факта совершения условного преступления против этноса, обеспечивающего ему доминирующее статусное положение в полиэтническом социуме. При этом Россия, как правило, обвиняется не только в уничтожении национальной государственности, но и в целенаправленном препятствовании формированию политической нации на современном этапе у народов, ставших ее жертвой в прошлом.

В интернет-пространстве, в том числе на некоторых социальных ресурсах, может пропагандироваться необходимость ослабления позиций федерального центра на территориях проживания рассматриваемых этносов, распада Российского государства и выхода этих территорий из политического и территориального пространства РФ.

Одним из ключевых аспектов виктимизации составляющей формирования конструкта «жертвы-народа» являются требования признания отдельных этносов коренными народами. Зачастую они содержат претензии на реституцию, которая бы обеспечивала этническим общностям исключи-

тельные юридические права на земли, территории и ресурсы, восстановления этнически окрашенной топонимики.

В качестве обоснования для подобных требований используются антироссийские интерпретации этнической истории и текущих событий, затрагивающих жизнь этнической общности. В массовое сознание внедряется идея о необходимости культивирования националистических идей.

Одним из основных компонентов формирования образа жертвы-народа является постоянное апеллирование к ущемлению прав человека. Законодательно обусловленные действия государственной и региональной власти в отношении интерпретируются как репрессивная политика, как преследования активистов за различные проявления борьбы за собственную идентичность и права.

Также в массовое сознание активно внедряется образ жертвы-потери, который формируется на основе мифологизированных представлений о колоссальных утратах, которые понесли этнические общности в результате колониальной политики Российского государства. В частности, Россия объявляется виновной в утрате традиционных ценностей, в вырождении языка и культуры рассматриваемых этносов, утрате их доминирующего положения в полиэтническом социуме (Косов, 2017).

Второстепенным по целевой нагрузке, но наиболее широко распространенным в информационном пространстве, является конструирование образа жертвы-героя. Оно основывается на антироссийских интерпретациях истории, наполненных этнофаворитизмом и антироссийскими историческим содержанием, и реализуется через героизацию этнических общностей, их моральном, военном и интеллектуальном превосходстве над русскими в целом. Исторические мифы также используются для этнической консолидации, формирования доминирования этнической идентичности виктимизируемых этнических групп над общероссийской гражданской идентичностью, конфронтационных настроений по отношению к государственной власти РФ и русским как этносу.

Фиксация комплекса жертвы в массовом сознании реализуется через конфликтную риторику, связанную с различными мнемоническими местами, которые зачастую искусственно наполняются негативным антироссийским содержанием. Образ жертвы активно сакрализуется и становится неотъемлемой частью этнической культуры, вокруг него формируются новые ритуалы, обычаи, традиции.

Характерен перевод в плоскость негативизации политики российской власти в отношении этнических общностей различных событий, непосредственно не связанных с этнической тематикой. Так, прослеживается включение этнических организаций и лидеров в решение вопросов социально-экономического характера, в частности, в сфере использования и эксплуатации земельных ресурсов, различных законодательных инициатив, которые переносятся в сферу обвинений России и формирования конфликтной мобилизационной повестке. Многие инициативы, исходящие от республиканских и

федеральных властей РФ и направленные на укрепление интеграции этнических сообществ в пространство общероссийской гражданской идентичности и обеспечение бесконфликтного этнического взаимодействия, дискредитируются отдельными представителями элитных групп этнических общностей.

При этом, рассуждая о виктимизации массового сознания как рациональном выборе представителей этнических элит Северного Кавказа и крымских татар необходимо отметить, что они имеют под собой реальные исторические предпосылки, в основном связанные с насильственным переселением 1944 г. Сформированный на этой основе комплекс жертвы очевидно препятствует нивелированию конфликтных проявлений со стороны этнических групп, поскольку препятствует их переводу из области конфликта идентичностей в область конфликта интересов, которые уже становятся основой для урегулирования. Ведь основной задачей этнической мобилизации является «трансформация конфликта интересов в конфликт ценностей (идентичностей)», которая «делает его особенно взрывоопасным и повышает риски применения вооруженной силы» (Авксентьев, Аксюмов & Гриценко, 2020).

При этом проблему осложняет также то, что этнические лидеры, зачастую объединяющие в себе функционал «прагматиков» и «романтиков», понимая невозможность открытого проявления недовольства, переводят этнические общности в режим ожидания, проявляя свои требования сугубо в рамках действующего законодательства, используя тактику непрямого сопротивления, концентрируя свои требования на постепенном наращивании этнокультурного и этноисторического доминирования в полиэтническом социуме. Поэтому ставка на лояльных федеральной власти номинальных лидеров и их эффективность, могут оказаться иллюзорными.

Кроме того, даже в случае успешной трансформации противоречий в область интересов не гарантирует успешного их разрешения, поскольку этнические конфликты, которые отягощены виктимной повесткой и имеющие в своей основе объективные исторические предпосылки, вполне подвержены действию закона возрастающих потребностей, что делает их неразрешимыми. Феномен противоречивости этнического статуса, взаимосвязь «рассогласованности между объективными статусными показателями и несоответствия объективного статуса его субъективному восприятию» (Маковская, 2016), дающий пространство для постоянной неудовлетворенности этнических элит и этнических общностей своим статусным положением, служит своеобразным вечным двигателем этнической конфликтности, не позволяющей достичь полного его разрешения.

Эта проблематика требует активной филигранной работы со стороны органов власти, постоянного сохранения баланса в реализации этнической политики. Действия государства, направленные на формирование российской гражданской идентичности, на укрепление интеграционных тенденций пока не достигли эффекта, позволяющего полностью разрешить существующие в этнической плоскости проблемы, и на данный момент в России «сохраняются

установки на дальнейшую этнизацию общества и политическое оформление этничности» (Авксентьев, Аксюмов & Гриценко, 2020). Существующая ситуация требует действенных решений, в качестве которого, возможно, стоит рассмотреть вопрос о выводе из основы федеративного территориального устройства Российской Федерации этнической подоплёки.

Список литературы

- Casey, M. (2022). Decolonize Russia. Извлечено от The Atlantic website: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/05/russia-putin-colonization-ukraine-chechnya/639428/>
- Harff, B. & Gurr TR. (1989). Victims of the State: Genocides, Politicides and Group Repression since 1945. *International Review of Victimology*. doi: [10.1177/026975808900100103](https://doi.org/10.1177/026975808900100103)
- Wallengren, S., Wigerfelt A, Wigerfelt, B., & Mellgren, C. (2020). Visibility and vulnerability: A mixed methodology approach to studying Roma individuals' victimization experiences. *International Review of Victimology*, 26(3), 276–294. doi: [10.1177/0269758019885676](https://doi.org/10.1177/0269758019885676)
- Авксентьев, В., Аксюмов, Б., & Гриценко, Г. (2020). Этничность в политических конфликтах: Этнизация политики и политизация этничности. *Политическая наука*, 3, 74–79. doi: [10.31249/poln/2020.03.04](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04)
- Андронникова, О. О. (2019). Онтогенетическая концепция виктимности личности.
- Ачкасов, В. А. (2015). Роль элит в провоцировании и эскалации этнополитических конфликтов. *Власть и элиты*, Т.2, 209–233.
- Бахревский, Е. В. (2013). Современные концепции «геноцида» народов Кавказа. *Проблемы национальной стратегии*, 5, 91–112.
- Велешко, Е. Н. (2007). Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымско-татарских репатриантов.
- Вишневецкий, К. В. (2012). Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: Монография. *Закон и право*.
- Водак, Р. (2018). *Политика страха. Что значит дискурс правых популистов?* Гуманитарный центр.
- Гостунская, Я. И. (2007). Психолого-педагогическая помощь семье в процессе ресоциализации подростка с девиантной виктимностью.
- Захаров, А. (2012). «Спящий институт»: Федерализм в современной России в мире. *Новое литературное обозрение*.
- Инкижекова, М. С. (2010). Этническая элита как историко-культурный феномен. *Известия Уральского государственного университета*, 1, 91–97.
- Копосов, Н. (2011). Память строгого режима: История и политика в России. Извлечено от Русский журнал website: <http://www.russ.ru/pole/Politika-pamyati-i-memorial-nye-zakony>.
- Косов, Г. В. (2017). Некоторые тенденции в информационном обеспечении национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения в контексте современных социальных вызовов (по материалам северо-кавказских СМИ). *Социальная политика и социальное партнерство*, 12, 26–33.
- Маковская, Д. В. (2016). Противоречивость этнического статуса как фактор территориальной дезинтеграции. *ПОЛИТЭКС*, 12(1), 129–142.

Малахов, В. (2007). Этничность в Большом городе. Извлечено от Русский журнал website: <http://www.russ.ru/pole/Etnichnost-v-Bol-shom-gorode>.

Налчаджян, А. А. (2011). Этническая виктимология и психоистория этноцида. Лусакн.

Черновицкая, Ю. В. (2008). «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты). Вопросы философии, 10, 165–171.

References

Achkasov, V. A. (2015). The role of elites in provoking and escalating ethno-political conflicts. *Power and Elites*, V(2), 209–233. (In Russian).

Andronnikova, O. O. (2019). Ontogenetic concept of personality victimization. (In Russian).

Avksentiev, V., Aksyumov, B., & Gritsenko, G. (2020). Ethnicity in political conflicts: The Ethnization of politics and the politicization of ethnicity. *Political Science*, 3, 74–79. doi: 10.31249/poln/2020.03.04 (In Russian).

Bakhrevsky, E. V. (2013). Modern Concepts of «Genocide» of the Peoples of the Caucasus. *Problems of National Strategy*, 5, 91–112. (In Russian).

Casey, M. (2022). Decolonize Russia. Retrieved from The Atlantic website: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/05/russia-putin-colonization-ukraine-chechnya/639428/>

Chernovitskaya, Y. V. (2008). Indirect genocide in modern society (socio-philosophical aspects). *Questions of Philosophy*, 10, 165–171. (In Russian).

Gpstunskaya Ya. I (2007). Psychological and pedagogical assistance to the family in the process of re-socialization a teenager with deviant victimhood. (In Russian).

Harff, & Gurr TR., B. (1989). Victims of the State: Genocides, Politicides and Group Repression since 1945. *International Review of Victimology*. doi: 10.1177/026975808900100103

Inkizhekova, M. S. (2010). Ethnic elite as a historical and cultural phenomenon. *Proceedings of the Ural State University*, 1, 91–97. (In Russian).

Koposov, N. (2011). The memory of a strict regime: History and politics in Russia. Retrieved from Russian Journal website: <http://www.russ.ru/pole/> (In Russian).

Kosov, G. V. (2017). Some trends in the information support of national-cultural and ethno-religious self-determination in the context of modern social challenges (based on the materials of the North Caucasian media). *Social Policy and Social Partnership*, 12, 26–33. (In Russian).

Makovskaya, D. V. (2016). Inconsistency of ethnic status as a factor of territorial disintegration. *POLITEKS*, 12(1), 129–142. (In Russian).

Malakhov, V. (2007). *Ethnicity in the Big City*. Retrieved from Russian Journal website: <http://www.russ.ru/pole/Etnichnost-v-Bol-shom-gorode>. (In Russian).

Nalchadzhyan, A. A. (2011). *Ethnic victimology and psychohistory of ethnocide*. Lusakn. (In Russian).

Veleshko, E. N. (2007). Influence of victim factors on the political behavior of the Crimean Tatar repatriates. *Simferopol*. (In Russian).

Vishnevetsky, K. V. (2012). Criminogenic victimization of social groups in modern society: Monograph. *Law and Law*. (In Russian).

Wallengren, S., Wigerfelt, A., Wigerfelt, B., & Mellgren, C. (2020). Visibility and vulnerability: A mixed methodology approach to studying Roma individuals' victimization experiences. *International Review of Victimology*, 26(3), 276–294. doi: [10.1177/0269758019885676](https://doi.org/10.1177/0269758019885676)

Wodak, R. (2018). *The Politics of Fear. What does right-wing populist discourse mean?* Humanitarian Center. (In Russian).

Zakharov, A. (2012). *Sleeping Institute»: Federalism in Contemporary Russia and in the world.* New Literary Review. (In Russian).

Dynamics of Destabilization Potential Ukrainian Political Elites

Elena N. Maksimova

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: astarta_05[at]mail.ru

Abstract

Models of interactions of political elites, the presence of inter-elite splits and contradictions significantly affect the nature of political processes and the stability of the political system. Political elites under certain conditions contribute to the accumulation of destabilizing potential in the political system. In particular, this trend can be traced in transitional political systems that have not completed the process of democratic transformation. In the framework of the study, the following hypothesis is put forward: «In contrast to democracies functioning on the basis of a stable institutional structure, in transitional political systems, with insufficiently developed institutional mechanisms, the leading role in maintaining the stability of the political system, as well as in its destabilization, is played by political elites. Intraelite conflicts and periods of their culmination become powerful sources of destabilization of the political system and, as a rule, lead to the building of a new institutional order.» As a unit of analysis for testing the hypothesis, the political system of Ukraine was chosen, on the example of which the dynamics of the formation of the destabilizing potential of political elites is considered. As the objectives of the study, the stages of the formation of Ukrainian political elites are analyzed; the time frame for the growth of the destabilizing influence of the intra-elite conflict on the stability of the political system is established; the causes of conflicts and splits of Ukrainian elites underlying the destabilization of the political system of Ukraine are determined. In conclusion, it is argued that the destabilizing potential in the political system increased during periods of deepening the split of the elites and aggravation of their confrontation. The culminating points of destabilization of the political system were the Orange Revolution and Euromaidan. Each destabilizing event was accompanied by a revision of the institutional foundations of the political system.

Keywords

Political system; Ukraine; destabilization; political elites; split of the political elite; regionalization of political elites; Orange Revolution; Euromaidan; fragmentation of political culture; nationalism.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Динамика дестабилизационного потенциала украинских политических элит

Максимова Елена Николаевна

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-mail: astarta_05[at]mail.ru

Аннотация

Модели взаимодействий политических элит, наличие межэлитных расколов и противоречий существенным образом влияют на характер политических процессов и на устойчивость политической системы. Политические элиты в определенных условиях способствуют накоплению дестабилизационного потенциала в политической системе. В частности, такая тенденция прослеживается в переходных политических системах, которые не завершили процесс демократических преобразований. В рамках исследования выдвигается следующая гипотеза: «В противовес демократиям, функционирующим на основе устойчивой институциональной структуры, в переходных политических системах, при недостаточно развитых институциональных механизмах, ведущую роль в поддержании стабильности политической системы, а равно и в ее дестабилизации, играют политические элиты. Внутриэлитные конфликты и периоды их кульминации становятся мощными источниками дестабилизации политической системы и, как правило, приводят к выстраиванию нового институционального порядка». В качестве единицы анализа для проверки гипотезы избрана политическая система Украины, на примере которой рассматривается динамика формирования дестабилизационного потенциала политических элит. В качестве задач исследования анализируются этапы становления украинских политических элит; устанавливаются временные рамки нарастания дестабилизирующего влияния внутриэлитного конфликта на устойчивость политической системы; определяются причины конфликтов и расколов украинских элит, лежащих в основе дестабилизаций политической системы Украины. В заключение утверждается, что дестабилизационный потенциал в политической системе нарастал в периоды углубления раскола элит и обострения их конфронтации. Кульминационными точками дестабилизации политической системы становились Оранжевая революция и Евромайдан. Каждое дестабилизирующее событие сопровождалось пересмотром институциональных основ политической системы.

Ключевые слова

Политическая система; Украина; дестабилизация; политические элиты; раскол политической элиты; регионализация политических элит; Оранжевая революция; Евромайдан; фрагментация политической культуры; национализм.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
[Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Современные исследования политических кризисов, неустойчивых состояний политических систем, разнообразных дестабилизационных процессов в переходных обществах весьма разнообразны и раскрывают заявленную проблематику с различных позиций. Источниками политической нестабильности видятся искажения политических институтов, несоответствия между проводимыми реформами и политико-культурной основой общества, глубокая укорененность деструктивных политических практик, конфликт политических элит и др. В переходных политических системах, отличающихся наиболее высокой вероятностью дестабилизации, по сравнению с демократиями, все перечисленные источники потери политической системой устойчивости могут иметь место, в том числе и в сочетании друг с другом. Однако, на наш взгляд, при всей их взаимосвязи особую роль в запуске дестабилизационных процессов играют расколы и противостояния политических элит.

Внутриэлитные конфликты и расколы не являются экстраординарным явлением политики, напротив, они являются движущей силой политических процессов, сопровождают политическое развитие большинства современных государств. Проблемная ситуация возникает в том случае, когда оказываются слабо эффективны институциональные механизмы преодоления внутриэлитных расколов, имеет место сильная поляризация элитистских позиций, в том числе за счет регионализации политических элит, а также при чрезмерной фрагментации политической культуры. Все перечисленные характеристики, на наш взгляд, были свойственны политической системе Украины в различные периоды времени и так или иначе предопределяли ее дестабилизацию. Таким образом, целью данной статьи является анализ динамики формирования дестабилизационного потенциала украинских политических элит. Для решения поставленной цели необходимо последовательно решить следующие задачи: проанализировать этапы становления украинских политических элит; установить временные рамки нарастания дестабилизирующего влияния внутриэлитного конфликта на устойчивость политической системы; определить причины конфликтов и расколов украинских элит, лежащих в основе дестабилизаций политической системы Украины.

Методология

Отправной точкой анализа выступают концепты «политическая система» и «дестабилизация». Политическая система являет собой совокупность политических институтов, формальных и неформальных практик и норм, определяющих рамки политических процессов, их определенный порядок и содержание. Политические системы могут анализироваться с точки зрения их структурных элементов: институциональной, нормативной, коммуникативной, политико-культурной и других подсистем. Наряду с этим в политическую

систему вписаны политические элиты как основные акторы принятия политических решений. Следовательно, характеристики данных политических акторов, их установки и модели поведения будут органически связаны с качествами структурных элементов политической системы. С одной стороны, политические элиты реализуют политику, создают политическую систему, с другой – они действуют в рамках объективно сложившихся структур, имеющих тесную привязку к историческим, территориальным, политико-культурным основаниям. В этом случае, представляется возможным лишь констатировать генетическую взаимосвязь политической системы и политических элит.

Наряду со структурным срезом политической системы существует и ее функциональная сторона, которая раскрывается посредством концепта «политический режим». Условно современные политические режимы классифицируют по шкале «автократия – демократия». Очевидно, что большинство политических систем будут занимать промежуточное положение между указанной бинарной оппозицией, соответственно, они являются «переходными», «промежуточными», «гибридными». В данной работе используется понятие «переходная» политическая система, поскольку многие постсоветские политические системы, в том числе и Украина, обозначили в качестве основного направления государственного строительства – переход к демократии.

Следует также отметить, что переходные политические системы в наибольшей мере по сравнению с автократиями и демократиями неустойчивы и подвержены дестабилизации. Связь между уровнем политической неустойчивости и типом режима была замечена еще в 70-х гг. прошлого века, когда началось накопление систематических данных по конфликтам в мире. Так, Т. Р. Гарр отмечал, что так называемые «полудемократии» являются наиболее подверженным дестабилизации типом режима. Это наблюдение получило развитие в работах, опирающихся на использование математического аппарата и баз данных, содержащих данные о многих странах мира. Результатом подобных исследований стала теория об обратной U-образной зависимости типа режима и рисков политической дестабилизации (Коротаев, 2017, стр.156).

Дестабилизация может принимать различные формы, отличающиеся масштабами последствий, начиная от мирных протестных акций и заканчивая насильственными формами свержения власти. Не осуществляя подробный анализ форм дестабилизации политической системы, возьмем в расчет те проявления дестабилизации, которые приводили к существенным возмущениям и институциональным изменениям в политической системе, и проследим какие качества в этот период времени приобретали украинские политические элиты. В качестве гипотезы обозначим следующее положение: «В противовес демократиям, функционирующим на основе устойчивой институциональной структуры, в переходных политических системах, при недостаточно развитых институциональных механизмах, ведущую роль в поддержании стабильности политической системы, а равно и в ее дестабилизации, играют политические элиты. Внутриэлитные конфликты и периоды их кульминации

становятся мощными источниками дестабилизации политической системы и, как правило, приводят к выстраиванию нового институционального порядка». В качестве единицы анализа будет использована политическая система Украины.

Становление украинских политических элит

Становление украинской политической элиты проходило в несколько этапов. Первый этап совпадал с провозглашением независимости Украины в 1991 г. и длился до 1994 г. В этот период создается основа политической элиты страны, которая по своим качественным характеристикам является номенклатурой, отказавшейся от коммунистической идеологии и переориентировавшейся на национально-государственное строительство Украины. Однако новые политические элиты не были однородными. При становлении независимого украинского сообщества одновременно прослеживались элементы противоположных сценариев взаимоотношений групп, которые на тот момент контролировали властные ресурсы и распределяли полномочия. Конфликт или раскол элит прослеживался по линии взаимоотношений республиканской элиты во главе с Л. Кравчуком и общесоветской элитой, возглавляемой М. Горбачевым.

Второй сценарий начала политического транзита – пакт элит – был реализован в отношениях между украинскими «национал-коммунистами» и представителями национал-демократического лагеря во главе с В. Черновом. Политическим результатом этого пакта стало создание симбиотического властного субъекта (по крайней мере – на период с 1991 до 1994 г.), в котором национал-коммунисты отвечали за кадровый состав, а национал-демократы за легитимацию самого факта его существования (Полохало, 1995, стр.159).

На данном этапе начинается осуществляться консолидация «директоров» крупных градообразующих предприятий, расположенных преимущественно на востоке Украины, и происходит их вхождение во власть. В частности, уже в 1992 г. Л. Кучма был назначен на пост премьер-министра, а исполнительная ветвь власти активно наполняется группами «директоров». В дальнейшем присутствие группы «директоров» стало наблюдаться и в законодательной власти – в Верховной Раде Украины первого созыва, которая включала руководителей крупных предприятий и неформально именовалась «директоратом».

Политический потенциал «директоров» подкреплялся соответствующими электоральными симпатиями работников тяжелой промышленности. Вследствие этого в стране в те годы существовал так называемый красный пояс – восточные и южные регионы Украины, население которых устойчиво голосовало за депутатов, которые принадлежали к группе «директоров» или к политическим партиям, поддерживаемых ими (преимущественно – Социалистической партии Украины и Коммунистической партии Украины). Последний факт,

в свою очередь, дал ее представителям возможность экстраполировать свои представления о надлежащем состоянии социально-экономических и политических отношений на общество в целом, что нашло отражение в конституционной модели 1996 г. (Грабіна, 2016, стр.57).

Национал-демократическая часть нарождающейся элиты была представлена личностями диссидентов, имела поддержку преимущественно в западных регионах Украины, отчасти в центральных. Представители национал-демократической элиты не пользовались широкой поддержкой граждан, поскольку нередко воспринимались в качестве девиантов. Однако именно с деятельностью национал-демократической элиты был связан определенный политический романтизм (идеи просветительства масс, равенства, европейской интеграции), который позволял наиболее прагматичной части правящего класса сглаживать трения между собственными кодами и установками, и соответствующими культурными атрибутами широких масс (Грабіна, 2016, стр.57).

Второй этап украинского элитогенеза приходится на период 1994 – 1998 гг., когда появляется профессиональная политическая элита. Начало данного периода было связано с победой на президентских выборах Л. Кучмы и закреплением тенденции дальнейшей регионализации политической элиты. Региональные элиты продемонстрировали, что способны занять доминирующие позиции на общегосударственном уровне. В этот же период происходит утверждение Основного Закона Украины, который в рамках разделения властей ставит акценты в большей мере на исполнительной власти. Это находит воплощение в закреплении президентско-парламентской формы правления. Таким образом происходит формальное закрепление политических институтов и распределение власти между ними.

Следует отметить, что с 1994 по 1998 г. произошло существенное изменение состава Верховной Рады. Обновление затронуло порядка 85% народных депутатов II созыва. Распределительные акценты на исполнительной власти и достаточно широкие полномочия президента позволили обеспечивать устойчивость политической системы. Политическая ситуация на тот момент была управляема, а отношения политических элит не характеризовались высокой конфликтностью, следовательно, на политическую систему не проецировалась дестабилизация.

Противостояние политических элит в свете оранжевой революции

Главной тенденцией третьего этапа (1998 – 2004 гг.) стало сращивание власти и бизнеса. Властные полномочия все чаще стали использоваться для лоббирования определенных бизнес-интересов. В этот период происходит становление ФПГ (финансово-промышленных групп), которые в дальнейшем превратились в главных политических акторов. По мнению А. Д. Пахарева,

динамика вхождения украинской бизнес-элиты в органы государственной власти свидетельствовала, что этот процесс происходил достаточно активно.

Так, в составе парламента Украины число бизнесменов увеличилось за годы независимости с 12 до почти 70 %. После 1998 года представители бизнеса усиливают свои позиции в правительстве и региональных органах власти, а представители финансово-промышленного капитала – А. Кинах, П. Лазаренко, П. Порошенко, Ю. Тимошенко, Л. Черновецкий, В. Ющенко и другие – занимали самые высокие посты в государстве (Пахарев, 2018, стр.33).

Наряду с этим прослеживались конструктивные изменения, прежде всего, в нормативной плоскости: были приняты Законы Украины «О политических партиях» и «О выборах народных депутатов Украины». Однако качественные и количественные изменения в партийной системе и политическом представительстве различных групп произошли несколько позднее – по результатам парламентских выборов 2002 г. В частности, они продемонстрировали уменьшение актуальности разграничения в координатах «левые – правые» и увеличение – «пропрезидентские – антипрезидентские» элитные группы, в том числе значительное снижение доли политических сил, относящихся к левому идеологическому спектру. Также уменьшилось число политических партий, вошедших в парламент, что свидетельствовало об эволюции партийной системы в сторону умеренного плюрализма.

Другой существенной чертой элитных взаимоотношений этого периода стало их противостояние в 2000-2001 гг., оформившееся в серию протестов под названием «Украина без Кучмы». Поводом к ее началу стало обнародование лидером Соцпартии (СПУ) А. Морозом в Верховной раде «пленок Мельниченко», которые свидетельствовали о возможной причастности президента Л. Кучмы к исчезновению в сентябре 2000 г. журналиста Г. Гонгадзе. Протестные акции поддержали 24 политические партии и общественные организации разного направления, и они стали предвестниками грядущей дестабилизации политической системы в результате конфликта политических элит.

В период 2004 – 2013 гг. в Украине фиксируется новый формат межэлитного противостояния, когда произошло оформление поляризации политических элит вокруг двух значимых фигур политического пространства того времени: В. Януковича и В. Ющенко. Условно начало и окончание данного периода было ознаменовано крупнейшими протестными акциями: Оранжевой революцией (2004 г.) и Евромайданом (2013 – 2014 г.). Результатом Оранжевой революции стал не только приход к власти «оранжевого» политического лагеря, но и смещение акцентов в системе разделения властей. В результате так называемой политической реформы, проведение которой было обязательным условием для проведения «третьего» тура выборов, 1 января 2006 г. форма правления украинского государства стала парламентско-президентской. Подобная трансформация системы власти должна была привести к расширению полномочий парламента, и, соответственно, к сужению полномочий главы государства.

Однако политическая реформа не сняла напряженность в политической системе. Внутриэлитные конфликты в «оранжевом» лагере проявились в 2006 г., когда по результатам парламентских выборов провластные группы не смогли договориться о создании парламентской коалиции. Ситуация оставалась конфликтогенной и после внеочередных парламентских выборов в 2007 г. вплоть до 2010 г., когда на очередных президентских выборах победу одержал В. Янукович. Следует отметить, что в период президентства В. Ющенко были чрезвычайно актуализированы националистические идеи, и если в социально-экономической плоскости успехи «оранжевой» элиты были достаточно скромными, то гуманитарная, историко-культурная политика реализовывалась неуклонно в русле националистической идеологии, не поддерживаемой большей частью украинского электората.

Евромайдан и качественные изменения политической системы Украины

С приходом к власти в 2010 г. В. Януковича и его сторонников был осуществлен реверс политической системы к первой редакции Конституции Украины 1996 г. и, соответственно, к прежней форме правления – президентско-парламентской республике. Политическая система стала более управляемой, произошел отход от радикальных националистических вариаций политики. Тем не менее, внутри политических элит, имеющих привязки к конкретным олигархическим группам, назревал конфликт. Это были латентные предпосылки новых потрясений политической системы и всего украинского общества. Новая конфигурация политических сил Украины выстраивалась уже не только вокруг националистического дискурса, но и вокруг внешнеполитического. Юго-Восток Украины с преобладающим электоратом Партии регионов был ориентирован на интеграционные проекты, реализуемые Россией, в то время как Западная Украина регионально и культурно тяготела к интеграции с ЕС.

Кульминацией противостояния стали акции протестов, начавшихся осенью 2013 г., после приостановки украинским правительством подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС. Многомесячные протестные акции сопровождались радикализацией протеста, и к февралю 2014 г. политическая система Украины характеризовалась широкими масштабами дестабилизации. Результатом Евромайдана стала не только смена действующей власти, с последующим дисбалансом региональных элит во власти, но и новое форматирование политической системы.

Так начался новый этап формирования элитных групп, который пришелся на 2014 – 2019 гг. Государственный переворот 2014 года позволил западно-украинским элитам установить полный контроль над государством. Это привело к кардинальным изменениям во внутренней политике – западно-украинская элита приступила к построению «правильного» украинского наци-

онального государства. В частности, все национальные меньшинства фактически стали вытесняться из единого культурного и образовательного пространства. Принятые в последние годы законы «Об образовании» и «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» подтвердили курс руководства страны на формирование национального государства, при игнорировании прав национальных меньшинств (Жильцов, 2020, стр.11).

Что касается изменений в политической системе, то они затронули, в первую очередь, систему разделения властей, когда с 2014 г. Украина снова стала парламентско-президентской республикой. Доминирование принципа парламентаризма предполагало более активное включение политических партий в процесс формирования власти. Уже результаты парламентских выборов, прошедших в октябре 2014 г., продемонстрировали вхождение во власть новых политических сил, при этом «Оппозиционный блок», представляющий в большей мере интересы электората Юго-Востока Украины получил менее 10% голосов избирателей. В парламенте нового созыва преобладали сторонники Евромайдана, в том числе представители радикальных политических партий.

Такая тенденция развития партийной системы, как ее радикализация, способствовала усилению дисбаланса сил в политической системе Украины, что проявилось на примере очередного витка «украинизации» государства с целью показать недееспособность действующей власти. Радикалы считали, что реформы идут медленно и их недостаточно, а другие политические силы рассматривали принимаемые меры как чрезмерные, отнеслись к ним крайне отрицательно. Политические лозунги по-прежнему оставались однотипными, без реальных предложений по улучшению ситуации в стране (Вербицкая, 2021, с.130).

Тем не менее радикализация не стала ведущим трендом украинской политики в новом электоральном цикле, который пришелся на 2019 г. В частности, на парламентских выборах 2019 г. общество выразило неприятие радикальных националистических сил, и в результате победу одержали умеренные политические партии. Протест электората против усиления радикальных партий привел к новому этапу в эволюции партийной системы Украины, заключающемуся в ее относительной стабилизации (Вербицкая, 2021, с.132). Можно считать, что новый этап был отмечен перезагрузкой состава политической элиты, которая впервые в истории Украины создала монополию на политическую власть в лице президента Украины, парламентского большинства и Правительства, которые принадлежат к одной политической силе. В целом, данная ситуация отражает консенсус правящих политических элит и населения в отношении стратегий развития Украины.

Расколы украинских элит

Исходя из выше рассмотренной периодизации этапов становления политических элит, становится очевидной взаимосвязь углубления расколов элит и нарастания дестабилизационного потенциала в политической системе. Один из первых таких расколов начал оформляться в период второго президентского срока Л. Кучмы. К тому моменту сформировались основные ФПГ, с надлежащим набором ресурсов, в число которых входили не только финансовые активы, но и политическое влияние. Бизнес-элита прямо или опосредованно оказалась инкорпорирована в политическую систему. Протестные акции, например, «Украина без Кучмы» и Оранжевая революция носили характер межэлитного противостояния с вовлечением широких масс населения. Однако в основе данной дестабилизации лежали попытки одних ФПГ оспорить доступ к власти у других олигархических групп. Структурирование политических сил в этот период времени осуществлялось вокруг раскола «пропрезидентский – антипрезидентский» по отношению к действующей на тот момент власти. Идеологический, в том числе националистический, дискурс не являлся ведущей линией раскола.

Второй виток дестабилизационных волн пришелся на период президентства В. Януковича и реализацию новой правящей элитой политики реваншизма, которая была сопряжена не только с институциональными изменениями политической системы, но и с переделом сфер влияния вплоть до рейдерских захватов собственности оппонентов. В основе противостояния политических элит по-прежнему был латентный конфликт олигархических группировок, кульминацией которого стал Евромайдан. Технологии цветных революций, отработанных в 2004 г., оказались вновь востребованным средством борьбы против действующей власти. Формально в основе данного раскола лежало разграничение политических элит по внешнеполитическому критерию «пророссийский – проевропейский», фактически – конфликт олигархических группировок.

После 2014 г. произошла перезагрузка политической системы, размывание политических элит, в том числе и олигархата, радикализация и вхождение в политику небольших ультранационалистических групп. При этом несколько снизился, но не прекратил своего влияния фактор регионализации политических элит, который весь период независимого существования государства был основой структурирования, как политических предпочтений избирателя, так и политического пространства в целом. Еще до Оранжевой революции внутриполитическая ситуация в Украине характеризовалась зыбким балансом интересов различных региональных групп при доминировании днепропетровского клана, чьи бизнес и политические интересы срачивались с интересами центрального киевского клана. Формула правления Л. Кучмы во внутриполитической сфере – баланс интересов Востока и Запада страны при арбитраже Центра – оказалась нарушена после 2004 г. В. Ющенко. Западно-

украинская элита получила доступ к распределению высших государственных должностей. Началась экспансия галичан в политические и экономические вотчины восточных кланов, что грозило масштабным переделом собственности. ... В противовес унифицирующей галицийской идее «одна нация – одно государство» регионалы выдвинули идею федерализации, подчеркивающую региональные отличия внутри единого государства (Попов, 2009). Однако идея федерализации Украины была отвергнута представителями, правящей на тот момент, «оранжевой» политической элиты.

Возвращаясь к вопросу расколов украинских элит, следует обратить внимание на снижение роли идеологического размежевания и противостояния элит в современных условиях. Вплоть до 2004 г. в политическом пространстве достаточно четко прослеживалось размежевание по идеологическому критерию: левые, центристы, правые, ультраправые. После Оранжевой революции левые, в частности, Коммунистическая партия Украины, постепенно теряют поддержку, и политический спектр фактически сдвигается вправо. В то же время классические идеологические размежевания прекращают играть системообразующую роль, как отмечалось, политическое пространство структурируется вокруг наиболее актуальных вопросов украинского дискурса. Основными политическими игроками становятся блоки, формирующиеся вокруг конкретного политического лидера, в том числе представителя определенного региона. По крайней мере, в период с 2014 г. по 2019 г. данная тенденция прослеживалась особенно отчетливо.

Это позволяет говорить о существовании политической факциональности в Украине. Согласно базе данных Polity IV, «факционализм» (factionalism) определяется как наличие в политике местнических (возможно, но не обязательно этнических) политических группировок, регулярно конкурирующих за политическое влияние для продвижения собственной повестки и членов своей группы в ущерб общему развитию. Таким образом, факционализм представляет собой такой тип политической культуры, при котором основные политические силы в обществе структурируются не по идеологическому принципу (консерваторы – либералы, «правые» – «левые»), а по этно-конфессиональным признакам или по региональной принадлежности (Коротаев, 2020).

Политический факционализм позволяет говорить и о фрагментации политической культуры украинского общества. Глубокая привязка к региональным и культурным особенностям формирует особую идентичность у украинцев Юго-Востока и Запада Украины. Отличительным для регионов является видение и трактовка истории, внутриполитические предпочтения и внешнеполитические ориентации, а также модели политического участия и активности. Политико-культурные особенности украинского населения и региональных политических элит, представляющих их интересы, стали тем пространством, в рамках которого формировался конфликтогенный потенциал элит и предпосылки дестабилизации политической системы Украины. Одной из очевидных проблем, с которой должны были, но не смогли справиться укра-

инские политические элиты, была выработка интегрирующей идеи. И совершенно точно, в ее основе не должна была лежать ультранационалистическая модель развития украинского общества, которая на протяжении последних двух десятилетий приводила к повторяющимся волнам дестабилизации политической системы.

Заключение

Украинские политические элиты прошли в своем развитии ряд этапов, от становления в условиях постсоветских реалий до формирования новых качественных характеристик в период 2000-х – 2010-х гг., когда межэлитные конфликты становились причиной частых дестабилизаций политической системы. Проведенное исследование позволяет утверждать, что дестабилизационный потенциал в политической системе нарастал в периоды углубления раскола элит и обострения их конфронтации. Кульминационными точками дестабилизации политической системы становились Оранжевая революция и Евромайдан. Каждое дестабилизирующее событие сопровождалось пересмотром институциональных основ политической системы. Однако очевидной связи между проводимыми институциональными трансформациями и стабилизацией политической системы в перспективе не было отмечено. Это подтверждает тезис о ведущей роли украинских политических элит в поддержании стабильности политической системы, а равно и в ее дестабилизации. Внутриэлитные конфликты и периоды их кульминации становятся мощными источниками дестабилизации политической системы.

Внутриэлитные конфликты в Украине формировались по линиям их расколов. На протяжении существования независимого украинского государства ведущую роль играл региональный раскол элит. Условно регионализация элит пролегла по географическому критерию «Юго-Восток – Запад», который в дальнейшем, 2013 – 2014 гг., приобрел новое внешнеполитическое измерение, выражающееся в тяготении к пророссийскому / проевропейскому вектору развития. Идеологический раскол украинских политических элит был актуален в большей мере в период до 2004 г. К этому периоду времени раскол элит оформился по соответствию критерию «провластный – оппозиционный». Непреодоленным препятствием украинских политических элит к интеграции и стабилизации политической системы осталась глубокая фрагментация политической культуры.

Список литературы

- Вербицкая, Т. В. (2021). Парламентаризм в условиях цветных революций: Особенности становления и развития (на примере Украины) (с. 217).
- Грабіна, Г. В. (2016). Політична еліта України як уособлення субкультури влади. Грани, 3. (131), 55–61.

Жильцов, С. (2020). Политический процесс на Украине: Современный этап. ИМЭМО. doi: 10.20542/2073-4786-2020-2-9-20

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Билюга, С. Э., Васькин, И. А., Слинько, Е. А., Шишкина, А. Р., & Мещерина, К. В. (2017). Дестабилизация: Глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. Московская редакция изд-ва «Учитель».

Коротаев, А., Медведев, И., Слинько, Е., & Шульгин, С. (2020). Эффективность систем глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: Опыт систематического анализа. Журнал ВШЭ: «Социологическое обозрение». doi: 10.17323/1728-192X-2020-2-143-197

Пахареv, А. Д. (2018). Политические элиты современной Украины: Каналы рекрутирования.

Полохало, В. (1995). Політологія посткомунізму: Політологічний аналіз посткомуністичних суспільств (с. 368).

Попов, Э. (2009). Региональные элиты Украины в контексте украинской государственности: Не допустить войны всех против всех. Электронный журнал «Перспективы».

References

Grabina G.V. (2016). The political elite of Ukraine as a separate subculture of the rulers. *Borders*, 3. (131), 55–61. (In Russian).

Korotaev, A., Medvedev, I., Slinko, E., & Shulgin, S. (2020). The effectiveness of global monitoring systems for the risks of socio-political destabilization: The experience of systematic analysis. *HSE Journal: «Sociological Review»*. doi: 10.17323/1728-192X-2020-2-143-197 (In Russian).

Korotaev, A. V., Grinin, L. E., Isaev, L. M., Bilyuga, S. L., Vaskin, I. A., V., S. E., R., S. A., & V. M. K. (2017). Destabilization: Global, national, natural factors and mechanisms (с. 344). Moscow edition of the publishing house «Teacher». (In Russian).

Pakharev, A. D. (2018). Political elites of modern Ukraine: Recruitment channels. I. F. Kuras Institute of Political and Ethno-National Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine. (In Russian).

Polokhalo, V., & Bistrytsky, E. (Ред.). (1995). *Politology of Post-Communism: Political Analysis of Post-Communist Sectors* (с. 368). Political thought. (In Russian).

Popov, E. (2009). Regional elites of Ukraine in the context of Ukrainian state-hood: To prevent war of all against all. *Electronic Journal «Perspectives»*. (In Russian).

Verbitskaya T.V. (2021). Parliamentarism in the conditions of color revolutions: Features of formation and development (on the example of Ukraine (с. 217). (In Russian).

Zhiltsov, S. (2020). The political process in Ukraine: The current stage. IMEMO. doi: 10.20542/2073-4786-2020-2-9-20 (In Russian).

Military Elites in the Political Process of the Middle Eastern and North African Countries¹

Denis A. Mirgorod

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Email: dennismirgorod[at]gmail.com ORCID: 0000-0002-0814-918X

Abstract

An important characteristic of the contemporary political process in the countries of the Middle East and North Africa (MENA) is the plurality of its actors. Among them, one can single out the military elites, who began to play a significant role in the political life of the region after the collapse of the colonial system. At present, in a number of MENA states, a new wave of growth in the participation of the army in the political process is observed. In this context, the primary goal of this study is to identify the degree of involvement of military elites in the system of state administration and determine the prospects for closed political systems based on the principles of militocracy / military dictatorship and stratocracy. The article defines the high degree of participation of the army in the political process of some MENA countries, associated with the consequences of a series of political upheavals during the period of the «Arab Spring», which formed a public demand in countries such as Egypt, Algeria, Sudan and Libya to revise the structure of the political systems of these states. The analysis of the problems stated in the work contributes to the deepening of scientific and practical knowledge in the field of regional studies and elitology, and also emphasizes the leading role of military elites in the political process of the MENA states.

Keywords

Political elites; military elites; political process; Near East; North Africa; militocracy; military dictatorship; stratocracy; politic system; Arab spring.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹The work was made within the program 'Prioritet-2030' of Sevastopol State University (strategic project №5)

Военные элиты в политическом процессе стран Ближнего Востока и Северной Африки¹

Миргород Денис Александрович

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

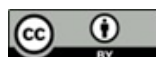
Email: dennismirgorod[at]gmail.com ORCID: 0000-0002-0814-918X

Аннотация

Важной характеристикой современного политического процесса в странах Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) является множественность его акторов. Среди них можно выделить военные элиты, которые стали играть значимую роль в политической жизни региона после распада колониальной системы. В настоящее время в ряде государств БВСА наблюдается новая волна роста участия армии в политическом процессе. В этом контексте первоочередной целью настоящего исследования является выявление степени вовлеченности военных элит в систему государственного управления и определение перспективности замкнутых политических систем, основанных на принципах милитократии / военной диктатуры и стратократии. В статье определяется высокая степень участия армии в политическом процессе некоторых стран БВСА, связанная с последствиями череды политических потрясений периода «арабской весны», которая сформировала общественный запрос в таких странах, как Египет, Алжир, Судан и Ливия на пересмотр структуры политических систем этих государств. Анализ заявленной в работе проблематики способствует углублению научно-практических знаний в области регионалистики и элитологии, а также подчеркивает ведущую роль военных элит в политическом процессе государств БВСА.

Ключевые слова

Политические элиты; военные элиты; политический процесс; Ближний Восток; Северная Африка; милитократия; военная диктатура; стратократия; политическая система; арабская весна.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Работа выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (стратегический проект № 5)

Введение. Обоснование проблемы исследования

Политический процесс на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА) сопряжен с множественностью участников. В первую очередь это связано со сложной структурой ближневосточных обществ, сформированных в ходе постоянного поиска консенсуса между различными группами элит (политические, деловые, религиозные и т.д.). Полагаем, что одним из главных поворотных моментов в динамике регионального развития можно считать распад колониальной системы и приход к власти во многих ближневосточных странах новых элит, которые стали создавать новую структуру управления государствами.

В данном контексте мы говорим о военных, ставших одними из определяющих акторов политического процесса государств БВСА не только постколониального периода, но и современности. Принципы арабского национализма и панарабизма, которые можно рассматривать в качестве идеологической основы для военных, которые пришли к власти в некоторых странах БВСА, несмотря на потерю своей актуальности заложили основу восприятия ближневосточными (в первую очередь арабскими) обществами армии, как единственного гаранта социально-политической стабильности (Cronin, 2013).

Доказательством этого может служить обращение значительной части арабских народов к армии во время так называемой «арабской весны», когда политические и идеологические антагонисты военных в лице исламистов, либеральных и бизнес-элит при поддержке стран Запада попытались деформировать ход политического процесса, в рамках активно продвигаемого в то время США масштабного политико-географического проекта «Большого Ближнего Востока», нацеленного на «интенсификацию демократических процессов» на обширной территории от Мавритании до Афганистана (Cordesman, 2020, с. 110).

Социально-политический хаос «арабской весны» фактически привел к ренессансу военных, которые в части стран региона смогли вернуться к реальной всеобъемлющей власти и отойти от образа рутинно номенклатурной, хоть и безоговорочно элитарной прослойки общества. Исходя из этого, в настоящее время военные представляют собой значимый компонент политического процесса во многих государствах Ближнего Востока, а также ощутимо влияют на общее региональное политическое развитие.

Таким образом, исследования военных политических элит имеют существенную научную и прикладную значимость, позволяющую дать характеристику особенностям развития современных ближневосточных и североафриканских обществ в условиях глобальной и региональной неопределенности, связанной с трансформацией мирового и регионального порядка.

Методология

Методология настоящего исследования связана с рассмотрением власти военных с точки зрения различных форм правления. В частности, некоторыми учеными выдвигается тезис о том, что в части государств БВСА сформировалась форма правления, которую условно можно назвать «военной монархией» (Hurewitz, 2019), объединяющей в себе черты монархии и военной диктатуры.

Данный подход позволяет рассмотреть военные политические элиты с точки зрения обладания ей всеобъемлющей власти, которая при этом транслируется одним человеком (военным), обретающим свои полномочия благодаря условному наследованию. Однако в случае с армией наследование обеспечивается династийной принадлежностью не к какому-то роду, а к определенной прослойке общества. Также методологическое апеллирование к связи власти военных и монархий объясняет наличие в описываемых обществах отдельных, но взаимозависимых институтов (правительства, государственной администрации, судов, органов безопасности и т.д.). Все это формирует, по мнению Н. Элиаса, придворное общество, предполагающее связь династии (армии) с другими, зачастую номинальными, акторами политического процесса (Elias, 1999, с. 81).

С целью понимания степени узурпации власти военными рассматривались различные теоретические подходы к исследованию военных диктатур Д. Ачемоглу (Acemoglu, 2010), Д. Тиччи (Ticchi, 2008), Н. Ким (Kim, 2018) и т.д.

Вместе с тем, наличие у власти военных признаков демократического общества – выборы и многоуровневая политическая структура – потребовало обращения к исследованиям принципов стратократии (Gouliamos & Kassimeris, 2013), такой форме правления, которая связана с фактическими слиянием гражданской и военной службы, когда государство и военные традиционно или конституционно являются одним и тем же образованием, а также, когда военные составляют управленческое ядро государства (Castoriadis, 1985).

Соответственно основная часть работы основана на восприятии власти военных, как симбиоза характеристик, присущих монархиям и военным диктатурам. Также указанные подходы и авторы позволили сформировать необходимую методологическую основу исследования военных элит и их участия в политическом процессе современных государств БВСА в рамках проблемного поля современной регионалистики и общего элитологического анализа.

Власть военных элит в странах Ближнего Востока и Северной Африки

Одной из главных черт современного политического процесса на Ближнем Востоке можно считать своеобразную реинкарнацию публичных властных полномочий военных, которые в некоторых странах на время, по крайней мере, декларативно отстранялись от управления рядом государств,

сохраняя при этом известную полноту рычагов политического, социально-экономического и идеологического влияния.

В авангарде этих тенденций, как и в случае с арабским национализмом, выступил Египет, практически все лидеры которого в постколониальную эпоху были кадровыми военными. Так, в 2009 году в Конституцию страны были внесены поправки, которые ознаменовали собой закрепление режима милитаратов, которые вернули себе руководящую функцию после непродолжительного и, во многом, демонстративного отстранения от власти времен правления ставленника «Братьев-мусульман» М. Мурси. Последний также занял пост президента после революции 2011 года, произошедшей в рамках уже упомянутой «арабской весны» (Barakat & Fakihi 2021). При этом, демонстративность египетских военных, в первую очередь была связана с тем, что «военная верхушка сознательно позволила опальной религиозно-политической группировке «поиграть» с атрибутами власти, доказав их полную политическую несостоятельность: внешнеполитические неудачи, провал социально-экономической политики, слабая идеолого-пропагандистская работа» (Миргород, 2011). Результатом стало то, что шестым президентом Египта стал уже бывший глава вооруженных сил стран А.Ф. ас-Сиси. Отмеченные поправки в конституции трансформируют Египет фактически в военную монархию, поскольку модифицированный основополагающий закон позволяет А.Ф. ас-Сиси фактически оставаться пожизненным президентом, пролонгируя его полномочия до 2034 года. Поправки были одобрены Парламентом страны и населением. Добавим, что во многих новых статьях конституции подчеркивается роль армии, как основного государствообразующего института (Miehe & Roll, 2019).

Сохраняют контроль над политическим процессом военные и в Алжире, где армия сыграла ключевую роль в отставке президента А.А. Бутефлики в 2019 году. Правящая партия страны Фронт национального освобождения (ФНО) тогда сообщила о полной поддержке командования армии Алжира. В настоящее время руководит страной А. Теббун, который хоть и не является военным, но полностью подконтролен вооруженным силам государства и рассматривается ОНФ, как временная и переходная фигура на время стабилизации обстановки в Алжире после событий 2019 года. Многими аналитиками отмечается, что роль армии периода президентства А. Теббуна заметно выросла (Lenze, 2021). При этом, в стране сохраняется видимость отделенности армии от власти, хотя ее влияние на принятие политических решений было очевидным. В политике и пропаганде она продолжает занимать центральное место (Entelis & Naylor, 2019).

Военные во главе Х. Хафтаром продолжают бороться за власть в Ливии, которая остается разделенной после свержения М. Каддафи в 2011. Напомним, что нынешняя гражданская война в Ливии началась в 2014 году после разногласий на выборах новой временной власти. После вооруженного восстания 2011 года политические, экономические проблемы и угрозы безопасности, с которыми столкнулись переходные лидеры Ливии, вышли из-под их контроля.

Ливийская национальная армия, контролирующая восток страны пытается ликвидировать установившееся двоевластие. Сначала это происходило военным путем, теперь же через создание Правительства национального единства армия пытается действовать политически и вернуть контроль над государством (Barmin, 2022). Возможно, это произойдет на предстоящих выборах президента страны, которые были перенесены с 2021 года на неопределенный срок из-за проблем с безопасностью. На этих выборах, в случае участия в них, Х. Хафтар, который заявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру, имеет большие шансы на успех. Верховный главнокомандующий Ливийской национальной армии является командиром коалиции вооруженных групп, контролирующих восточную Ливию и большую часть внутренних районов Сахары. Стремление к безопасности, считается движущей силой его электоральной поддержки (Akamo, 2022).

Еще одним примером определяющей роли армии в политической жизни страны является Судан. В 2019 году, после вмешательства Африканского союза, суданские гражданские и военные политические группировки согласились разделять власть в течение трехлетнего переходного периода. Однако в 2021 году суданские военные во главе с генералом А.Ф. аль-Бураном в результате государственного переворота взяли под свой контроль правительство и несколько высокопоставленных правительственных чиновников, в том числе гражданского премьер-министра А. Хамдока. В настоящее время Фронт военного переворота, состоящий из суданских вооруженных сил, Сил оперативной поддержки СРБ и вооруженных движений, подписавших Джубское мирное соглашение (вместе с исламистами, Партией национального конгресса) полностью контролирует Судан (Ali, 2022). Суданское государство на данном этапе полностью контролируется военизированными формированиями, которые используют государственные институты в качестве фасада для легитимации своего существования и деятельности. Оборонно-промышленные и другие предприятия, принадлежащие службам безопасности, которыми управляют узкие круги военной элиты и их гражданские союзники, представляют собой одно из прямых вмешательств социально-экономическую и политическую жизнь страны (Manfredi Firmian & Mirghani 2022).

Выше приведены удачные и относительно успешные примеры фиксации военными своих властных полномочий в ряде стран БВСА. Однако в регионе происходили и неудачные попытки военных переворотов. Так, в 2016 году Турция стала свидетелем самой кровавой попытки государственного переворота в своей политической истории, когда часть турецких вооруженных сил начала скоординированную операцию в нескольких крупных городах, чтобы свергнуть правительство и президента Р.Т. Эрдогана (Erdağ, 2019). Путч сорвался, но подтвердил региональную тенденцию на стремление армии быть центральным актором политического процесса в государствах БВСА.

Что общего у военных переворотов в странах БВСА?

Несмотря на то, что все рассмотренные нами случаи усиления позиций военных в политической жизни стран имеют различную политическую, социальную и экономическую основу, за исключением Турции, они объединены рядом общих черт:

Во-первых, смещению подверглись бывшие военные, люди, обязанные своими политическими успехами «системе», при которой армия продвигала уже бывших глав государств и оберегала их. Все покинувшие политическую сцену (Х. Мубарак, А.А. Бутефлика, М. Каддафи, М. Башир) занимали некогда ведущие позиции в военной иерархии.

Во-вторых, ключевое значение имел тот факт, что все обозначенные выше бывшие президенты стали ставить свои личные интересы и интересы своего окружения в лице семьи, бизнеса, бюрократического аппарата и гражданских чиновников выше интересов военной элиты. Проявлялось это, например, в том, что Х. Мубарак и М. Каддафи начали последовательно готовить население, что следующими руководителями Египта и Ливии станут их дети. В Алжире и Судане крайне возрастные главы государств продолжали всеми силами цепляться за президентское кресло, рискуя предсказуемостью политических процессов и снижая регулятивную функцию армии в них.

Наконец, в-третьих, учитывая специфику региона БВСА, указанные страны подвергались постоянным внешним вызовам. Помимо этого, формировалась отрицательная социально-политическая динамика, которая угрожала целостности и поступательному развитию указанных стран. Все это требовало со стороны военных активных действий, способных обеспечить стабильность, в том числе, путем прогнозируемой и управляемой смены руководителя государства, результатом чего должен был стать приход к власти либо военного, либо человека полностью подконтрольного армии.

Таким образом, египетский прецедент задал региональный тренд, что в ряде государств БВСА закрепились политическая система, которая объединяет в себе признаки монархии, военной диктатуры, милитократии и стратократии (Khuri, 2021). Другими словами, в некоторых странах региона происходит фиксация замкнутых политических систем с опорой на власть военных, которые выступают в качестве династии, гарантирующей присутствие на посту руководителя государства представителя военных элит.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что политический процесс в странах БВСА отличается наличием большого количества акторов, среди которых одно из центральных мест занимает армия. Постколониальные политические преобразования в государствах БВСА были ознаменованы практически повсеместным приходом к власти военных, которые начали активно продвигать

принципы арабского национализма и панарабизма. Провал данных идей несколько снизил роль армии в политической жизни рассматриваемых государств, но не смог полностью отделить ее от государства.

Политический хаос периода «арабской весны» породил у некоторых обществ БВСА спрос на усиление роли военных в политическом процессе в качестве стабилизирующей силы. Таким образом, в настоящее время армия в части стран БВСА выступает, как основной государствообразующий элемент, пронизывающий все сферы жизнедеятельности.

Вместе с тем, политические успехи военных разнятся от страны к стране. Египетской армии удалось убедить большинство общества в своей безальтернативности в качестве главной управляющей силы. В Алжире военные приняли решение действовать под прикрытием декоративного руководителя, выполняющего их волю. В Судане армия применила силовой сценарий и не допустила к реальной власти гражданских лиц, устроив очередной военный переворот. В Ливии армия перешла к поиску политического решения сложившегося двоевластия, будучи уверенной в своей поддержке со стороны измотанного долгой гражданской войной населения.

Следовательно, максимальная вовлеченность военных элит в политический процесс ряда государств БВСА является одной из базовых характеристик региона, которую нужно учитывать при общем элитологическом анализе, а также при выявлении динамики регионального развития.

Список литературы

- Acemoglu, D., Ticchi, D., & Vindigni, A. (2010). A theory of military dictatorships. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2(1), 1-42. doi: 10.1257/mac.2.1.1
- Akamo, J. O. (2022). Laying the Groundwork for Peace in a Fragmented Libya. *JOINT Brief*, 8, 5-6.
- Ali, N. (2022). Stubborn Historical Legacies: Power Relations and Government Policy in Sudan. In *Economic Research Forum Working Papers* (No. 1551).
- Barakat, Z., & Fakihi, A. (2021). Determinants of the Arab Spring Protests in Tunisia, Egypt, and Libya: What Have We Learned?. *Social Sciences*, 10(8), 282. doi: 10.3390/socsci10080282
- Barmin, Y. (2022). Revolution in Libya. In *Handbook of Revolutions in the 21st Century* (pp. 725-738). Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-86468-2_28
- Castoriadis, C. (1981). Towards Stratocracy. *Le Debat*, 12(5), 5-17.
- Cordesman, A. H. (2020). Greater Middle East: From the «Arab Spring» to the «Axis of Failed States». Center for Strategic and International Studies (CSIS).
- Cronin, S. (2013). *Armies and State-building in the Modern Middle East: Politics, Nationalism and Military Reform*. Bloomsbury Publishing.
- Entelis, J. P., & Naylor, P. C. (2019). *State and society in Algeria*. Routledge.
- Erdağ, R. (2019). After the failed military coup: The need for the organizational reform in the Turkish military. *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*, 8(1), 55-68. doi: 10.20991/allazimuth.428313

- Gouliamos, K., & Kassimeris, C. (2013). Stratocracy: The Growing Hypertrophy of the Lifeworld Militarization. In *The Marketing of War in the age of Neo-Militarism* (pp. 9-22). Routledge. doi: 10.4324/9780203130742
- Hurewitz, J. C. (2019). *Middle East Politics: the Military Dimension*. Routledge.
- Khuri, F. I. (2021). The Study of Civil-Military Relations in Modernizing Societies in the Middle East: a Critical Assessment. In *Soldiers, Peasants, and Bureaucrats* (pp. 9-27). Routledge.
- Kim, N. K., & Kroeger, A. M. (2018). Regime and Leader Instability under Two Forms of Military Rule. *Comparative Political Studies*, 51(1), 3-37. doi: 10.1177/0010414016688009
- Lenze Jr, P. E. (2021). Algeria: Military Past as Prologue. In *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. doi: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.1791
- Manfredi Firmian, F., & Mirghani, O. (2022). Can Sudan's Democratic Transition Be Salvaged? *Middle East Policy*. doi: 10.1111/mepo.12622
- Miehe, L., & Roll, S. (2019). Three Scenarios for the Development of the Sisi Regime in Egypt. London: Research Assistant of the Middle East and Africa Division at SWP.
- Smith, D., Elias, N., & Foucault, M. (1999). «The civilizing process» and «The history of sexuality»: Comparing Norbert Elias and Michel Foucault. *Theory and Society*, 28(1), 79-100.
- Миргород, Д. А. (2019). Из окопов на трон: феномен «военных монархий». Извлечено от Россия в глобальной политике website: <https://globalaffairs.ru/articles/iz-okopov-na-tron-fenomen-voennyh-monarhij/>

References

- Acemoglu, D., Ticchi, D., & Vindigni, A. (2010). A theory of military dictatorships. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2(1), 1-42. doi: 10.1257/mac.2.1.1
- Akamo, J. O. (2022). Laying the Groundwork for Peace in a Fragmented Libya. *JOINT Brief*, 8, 5-6.
- Ali, N. (2022). Stubborn Historical Legacies: Power Relations and Government Policy in Sudan. In *Economic Research Forum Working Papers* (No. 1551).
- Barakat, Z., & Fakhri, A. (2021). Determinants of the Arab Spring Protests in Tunisia, Egypt, and Libya: What Have We Learned?. *Social Sciences*, 10(8), 282. doi: 10.3390/socsci10080282
- Barmin, Y. (2022). Revolution in Libya. In *Handbook of Revolutions in the 21st Century* (pp. 725-738). Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-86468-2_28
- Castoriadis, C. (1981). Towards Stratocracy. *Le Debat*, 12(5), 5-17.
- Cordesman, A. H. (2020). Greater Middle East: From the «Arab Spring» to the «Axis of Failed States». Center for Strategic and International Studies (CSIS).
- Cronin, S. (2013). *Armies and State-building in the Modern Middle East: Politics, Nationalism and Military Reform*. Bloomsbury Publishing.
- Entelis, J. P., & Naylor, P. C. (2019). *State and society in Algeria*. Routledge.
- Erdağ, R. (2019). After the failed military coup: The need for the organizational reform in the Turkish military. *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*, 8(1), 55-68. doi: 10.20991/allazimuth.428313
- Gouliamos, K., & Kassimeris, C. (2013). Stratocracy: The Growing Hypertrophy of the Lifeworld Militarization. In *The Marketing of War in the age of Neo-Militarism* (pp. 9-22). Routledge. doi: 10.4324/9780203130742

- Hurewitz, J. C. (2019). *Middle East Politics: the Military Dimension*. Routledge.
- Khuri, F. I. (2021). The Study of Civil–Military Relations in Modernizing Societies in the Middle East: a Critical Assessment. In *Soldiers, Peasants, and Bureaucrats* (pp. 9-27). Routledge.
- Kim, N. K., & Kroeger, A. M. (2018). Regime and Leader Instability under Two Forms of Military Rule. *Comparative Political Studies*, 51(1), 3-37. doi: 10.1177/0010414016688009
- Lenze Jr, P. E. (2021). Algeria: Military Past as Prologue. In *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. doi: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.1791
- Manfredi Firmian, F., & Mirghani, O. (2022). Can Sudan's Democratic Transition Be Salvaged? *Middle East Policy*. doi: 10.1111/mepo.12622
- Miehe, L., & Roll, S. (2019). *Three Scenarios for the Development of the Sisi Regime in Egypt*. London: Research Assistant of the Middle East and Africa Division at SWP.
- Mirgorod, D. A. (2019). From the Trenches to the Throne: the Phenomenon of «Military Monarchies». Retrieved from Russia in Global Affairs website: <https://globalaffairs.ru/articles/iz-okopov-na-tron-fenomen-voennyh-monarhij/> (In Russian).
- Smith, D., Elias, N., & Foucault, M. (1999). «The civilizing process»: Comparing Norbert Elias and Michel Foucault. *Theory and Society*, 28(1), 79-100.

Political Elites in the Context of the Growth of a New Wave of the Global Crisis

Alexander P. Suhonosov

Moscow City Teacher Training University, Moscow, Russia

E-mail: aleks.suhonosov@mail.ru ORCID 0000-0003-0896-3891

Abstract

Modern political elites are experiencing very dramatic changes associated with the transformation of their traditional codes of behavior, which were worked out in the era of a developed industrial society. However, the more frequent crises (2008 and 2022) indicate that the world of elites is faced with a serious choice - proven methods of professional activity no longer work, and personnel competence is insufficient to objectively assess and make adequate decisions. The crisis has already affected such fundamental foundations of the world order as democratic institutions and national security. Failure of functioning in these areas is fraught with serious reputational and socio-political losses. Added to this was the conflict of values and meanings. As a result, the motivation of their behavior began to change in power structures, and in the selection of elites, there was not just an obvious stagnation, but a real personnel crisis, threatening the loss of basic professional competencies. However, the growing threat of a global systemic crisis is not felt by the ruling elites, who do nothing to prevent it and continue to pursue their usual pre-crisis policy. They will no longer succeed in ignoring objective reality in this way. Sooner or later there will come a «moment of truth» when they will have to face the truth. The present work is devoted to the analysis of this problem.

Keywords

Elites; politics; selection; democracy; risks and threats; a crisis; conflicts; national interests; motivation; values.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Политические элиты в условиях роста новой волны мирового кризиса

Сухонос Александр Петрович

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: aleks.suhonosov@mail.ru ORCID: 0000-0003-0896-3891

Аннотация

Современные политические элиты переживают весьма драматические изменения, связанные с трансформацией их традиционных кодов поведения, которые были отработаны в эпоху развития индустриального общества. Однако участвовавшие кризисы (2008 и 2022 гг.) свидетельствуют о том, что мир элит встал перед серьезным выбором – проверенные методы профессиональной деятельности уже не работают, а кадровой компетенции оказывается недостаточно для того, чтобы объективно оценивать и принимать адекватные решения. Кризис уже коснулся таких фундаментальных основ миропорядка, как демократические институты и национальная безопасность. Сбой функционирования в этих сферах чреват серьезными репутационными и социально-политическими потерями. К этому добавился еще конфликт ценностей и смыслов. В результате во властных структурах стала меняться мотивация их поведения, а в селекции элит наметился не просто очевидный застой, а самый настоящий кадровый кризис, грозящий потерей основных профессиональных компетенций. Однако, рост угрозы мирового системного кризиса не ощущается правящими элитами, которые ничего не делают для его предотвращения и продолжают вести обычную докризисную политику. Игнорировать таким образом объективную реальность дальше у них не получится. Рано или поздно наступит «момент истины», когда им придется взглянуть правде в глаза. Настоящая работа посвящена анализу указанной проблематики.

Ключевые слова

Элиты; политика; селекция; демократия; риски и угрозы; кризис; конфликты; национальные интересы; мотивации; ценности.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

На Западе на наших глазах стали разрушаться многие идеологические концепции, которые ранее определяли лиц западного общества потребления. Что предложить вместо него, западные элиты откровенно не знают. Ситуация напоминает описанный Ф. Фукуямой «конец истории» общества потребления «золотого миллиарда». Но это не конец истории человечества. А конец истории «конкретной формации». Кризис западной цивилизации кроется в её принципиальных основах: системе ценностей, правилах мышления, существующих смыслах и т.д. Кризис может прервать само существование этой цивилизации. Это крайне неприятно, но факты упрямая вещь.

Сам по себе мировой кризис является следствием тридцатилетней гегемонии США. Вместо этого западные элиты пытаются переложить ответственность на других. В частности, на Россию, объявляя основной причиной кризиса т.н. «путинскую инфляцию» и «путинскую военную агрессию». В этой связи перед российскими элитами встают серьезные вызовы, и необходимость выработки неких единых формул в их успешном преодолении.

Современные западные политические элиты стоят перед сложной проблемой – им предстоит сдать трудный экзамен на профессиональную зрелость и ответить на вопрос, в каком мире они сейчас живут и что сами собой представляют? Российским элитам тоже предстоит ответить на брошенный им западной коалицией вызов. Эти элиты объединяет возникший в их взаимоотношениях конфликт. Но подобного рода объединения носят кратковременный характер.

Методология

В настоящем исследовании используются данные как современной элитологической науки (понятийный аппарат, приемы исследования и т.д.), так и отдельные принципы и концепты таких дисциплин, как конфликтология, этнология, политическая психология. В работе также использованы концепции демократического транзита, глобализации, теории информационного общества и общества потребления.

В современной элитологии до сих пор остается открытым вопрос о том, кого считать политической элитой в первую очередь (Максимова, 2021). В последнее время в связи с развитием информационного общества и доктрины меритократии, наибольшее распространение получают когнитивные подходы, которые подчеркивают степень обладания элитами отличительным набором когнитивных черт, иногда концептуализируемых как знания или опыт, специфичных для предметной области (Тамбиянц & Шалин, 2018). Критерий богатства уступает место критерию образованности. При этом следует отметить, что не всегда эмпирические исследования проводятся корректно. Претензии к ним в основном сводятся к формальной выборке респондентов, имеющих

сомнительную репутацию, но формально относящихся к элитным группам (Нефедов & Куцаенко, 2019, стр.152). Обычно на национальном уровне члены политической элиты воспринимаются как лица, занимающие высшие руководящие должности в крупнейших и наиболее богатых ресурсами организациях и движениях. Они выявляются с помощью комбинаций позиционных, репутационных и социометрических методов исследования (Higley, 2006, p.23).

В этой связи уместно напомнить, что в свое время (1930-е гг.) в западной политической науке критике подвергся именно эмпирический подход изучения политических элит из-за того, что методы опросов могут быть более плодотворно применены к политическому поведению масс, а не элиты (Ricart-Huguet, 2019, p.91). Предлагалось использовать практически другие методы и источники данных для изучения элит, включая речи, дневники и автобиографии, поименное голосование, когнитивные карты и операционные коды. Данное направление исследований продолжается и в настоящее время, особенно в изучении поведения политических лидеров (Rodriguez-Teruel & Daloz, 2018, p.95) и их ближайшего окружения (Титова & Титова, 2019). В западных (в частности североамериканских) исследованиях большое внимание уделяется вопросам селекции элит и, в частности, функционированию принципа «вращающихся дверей» (Arceneaux, Dunaway & Soroka, 2018, p.48). По-прежнему центральной темой элитологических исследований является тема борьбы за власть и распределение статуса и богатства между субъектами власти (Горская, 2018).

Элиты и проблемы кризиса демократии

В настоящее время мы наблюдаем неоднозначную реакцию правящих политических элит на новую волну роста мирового кризиса. Причем в отличие от финансово-экономического кризиса 2008 г., нынешний кризис носит уже системный, т.е. еще и политический и куда еще важнее – мировоззренческий характер. Все это оказывает весьма серьезное влияние на демократические институты власти, которые начинают испытывать на себе серьезные трансформационные давления.

Общеизвестно, что в расширенном контексте теории политических элит включает также исследование масс и их действий, направленных против правительств и правящих классов. Исследование принципов демократии – как в политических системах, так и организациях – стало обязательным для формирования объективной оценки сущности политических элит (Самусевич, 2018, стр.124). Поэтому ни одно исследование политических элит в наше время не обходится без анализа их отношения к демократии и выполнению демократических процедур.

Исторический переход от аристократической формы правления к демократической занял не одно столетие. Если при аристократическом правлении чаще звучали в качестве ключевых ценностей нравственные оценки, то при

демократии на первое место вышли общественные требования и общественные интересы (Дука, 2015, стр.16). Принцип демократии работает не везде. Есть сферы, где его необходимо ограничивать, поскольку выполняемая функция требует единоначалия и не предусматривает широкого народного обсуждения. Например, в международных отношениях правящие элиты выступают в роли геополитических агентов, которые отвечают за верховное управление, контроль и защиту национальных интересов. Само население вынуждено подчиняться этим директивам сверху (Григорян, Крицкая, Айрапетян & Веренич, 2020, стр.64).

Как известно, демократический элитизм исходит из догмата о том, что ни одно общество не управляется народным большинством, а находится под управлением элитарного меньшинства. Еще В. Парето осуждал демократию как мошенническую «чушь» (Pareto, 1963, p.407). Согласно Дж. Бёрнему, классические элитаристы считаются защитниками свободы, потому что они не тратят время на обсуждение достоинств или недостатков мифа о демократии, определяемой как самоуправление, но очень глубоко озабочены реальностью демократии, определяемой как свобода. Таким образом, свобода, судебная защита и право на оппозицию являются краеугольными камнями всякого нового осмысления сущности демократии (Abbink & Salverda, 2013, p.84).

Сторонники демозелизма подчеркивают существующие альянсы и взаимность власти между элитами и не элитами (регулирующие социальные лифты), хотя признают, что восходящие потоки часто организуются самими элитами. Теория демозелизма также изображает элиты как хранителей демократических институтов и как конкурентные «полиархии заслуг», которые демонстрируют различную степень терпимости, политической эффективности и адаптивности (Best, 2010, p.36).

Общеизвестно, что демократия это «механизм», который требует постоянной наладки и достройки. И как бы не были прекрасны теории демократии, на практике им приходится порой иметь дело с совершенно иными проблемами, неописанными в научных концепциях. Демократия, представляющая собой политические элиты, базируется на плюрализме ценностей, в силу чего может сильно различаться по своей эффективности и качеству. Более того известны случаи, когда демократии приводили к власти правящие меньшинства, которые распадались и превращались в диктатуру, управляемую демагогами-популистами (Комкова, 2018).

В развитых демократиях скандалы с участием лидеров носят открытый для общества характер и уже давно стали разновидностью политического шоу. Повышенная прозрачность приносит много важных преимуществ, но наносит вред краткосрочным планам политиков. Прежде всего, это касается крайне уязвимого имиджа политических лидеров. Скандалы могут оттолкнуть от них избирателей. Политические лидеры могут сами подрывать доверие сторонников своими непродуманными, неосторожными действиями. Именно для этого и существует «демократическая смена поколений» политиков, чтобы не

накапливался в них отрицательный осадок, ухудшающий обще политический климат в стране (Bahardoost, Tavassoli Roknabadi & Erfanmanesh, 2019, p.47).

В своей конкурентной борьбе США все чаще начинают уступать своим прямым противникам. «Соединенные Штаты и их демократические союзники являются открытыми обществами, которые по-прежнему выигрывают от экономических, научных и межличностных обменов со странами по всему миру, включая Китай, даже несмотря на то, что они делают больше для защиты от принуждения и шпионажа со стороны иностранных конкурентов. США и Китай также имеют важные общие интересы и должны стремиться предотвратить наихудшие результаты своей конкуренции» (Julian Gewirtz, 2020).

США стоят перед реальной угрозой деградации их демократии в «обыкновенный авторитаризм». На Западе электоральная «покорность» (“submissiveness”) способствует развитию нового авторитаризма (Rathkolb & Ogris, 2010, p. 37). И именно против электорального поведения элит (прежде всего демократической партии) и выступает американская общественность, крайне недовольная фальсификацией президентских выборов 2020 г.

Теории мажоритарной электоральной демократии приписывают политику правительства США главным образом коллективной воле среднего класса, который считается наделенным властью в результате самой процедуры демократических выборов. Такое мышление восходит еще ко временам А. Токвиля, утверждавшего, что американское большинство «всемоуще» (Токвиль, 1897, стр.230). Такое демократическое большинство на уровне отдельно взятого штата представляло собой «тиранию большинства». Эта идея воплотилась в словах Авраама Линкольна о правительстве «из народа, народом, для народа» и была названа Робертом Далем «популистской демократией» (Dahl, 1956, p.43). Чтобы объявить себя эталоном демократии, США должны были пройти весьма трудный путь эволюции и организации. Механика американской демократии менялась от революции к глобализации, чтобы более точно отражать структуру и волю своего народа. В этом плане именно политические партии в большей степени, чем какой-либо другой фактор перемен, сыграли основополагающую роль, особенно в определении параметров американской демократии, в определении процесса отбора политической элиты (Gaman-Golutvina, 2018, p.143). Но как показывает политическая история США, у этих партий ограничены возможности воздействия на урегулирование постоянно возникающих конфликтных ситуаций. Они привыкли действовать в «тепличных» условиях и не готовы к серьёзным вызовам глобального кризиса.

В настоящее время изменилась роль политических партий, которые в условиях демократии отвечали за сменяемость элит. Например, в США партии больше не являются главными проводниками отбора кандидатов на политические статусные должности. «Вместо того, чтобы «вручную» отбирать кандидатов с помощью недемократического подхода «сверху вниз», современные политические партии в США работают над расширением прав и возможностей

и набором кандидатов в тандеме с постоянно меняющимся американским опытом» (Романов, 2018, стр.235).

В устоявшихся демократиях ущерб от уязвимости элит внешними внутренним вызовам, купируется эффективностью работы политических институтов. Существует отрететированный механизм замены одного политика на другого. Этот механизм отсутствует в странах, где демократические институты развиты в меньшей мере. Здесь общественный контроль может не так постоянно обременять лидеров, зато сами риски, связанные с уязвимостью элиты, в таких политических режимах бывают значительно выше. К этому добавляется еще коррупционная составляющая, которая разлагает элиту изнутри. На всем евразийском пространстве «богатство лидеров становится все более очевидным. Общественный гнев по поводу коррупции и неравенства в благосостоянии также сыграл очевидную роль в «Арабской весне», и еще неизвестно, останутся ли монархи региона защищенными традициями» (Алтавил, 2017).

Политические элиты и национальные интересы государств

В анализе сущности политического бытия правящих элит особое внимание заслуживает тема реализации ими такого профессионального качества, как обеспечение реализации национальных интересов. Национальный интерес глубоко связан с восприятием политических элит, принимая во внимание, что национальный интерес – это то, что элиты интерпретируют как таковой (Ланко, 2012, стр.131). Именно на основе этой деятельности в основном и формируются позитивные или негативные образы политиков. В свою очередь элитологические исследования по этим данным могут давать оценки их индивидуальным пониманием определенных политических событий, отдельным фактам, общим данным, что захватывает внимание власти, а что ею специально игнорируется (Мишурина, Селина & Чартия, 2017, стр.364).

Мотивировка поведения политических элит указывает на степень их заинтересованности в реализации своих геополитических проектов. Прежде всего, в этой деятельности проявляется их идеологическая ориентация, поскольку этот фактор существенно влияет на возможности элит в борьбе за мировую гегемонию. Субъекты власти с более сильной верой в интересы государства будут более способны отстаивать его интересы и защищать свои властные позиции с целью продвижения общегосударственных интересов, чем те, которые этой сильной верой не обладают (Petrecka, 2021, p.51).

При оценках деятельности высшей политической элиты, следует уделять особое внимание тому, как эта группа лиц способна принимать важные государственные решения, основываясь на своем положении в органах власти, финансовой обеспеченности и соответствующей репутации (Амуров, 2020, стр.20). Наблюдаемое в последнее время несоответствие между заявленными реализованным, как раз указывает на то, что многие элитные группы в плане

стратегического планирование неверно оценивают свои возможности или специально вводят других (соперников и противников) в заблуждение. Разбираться во всех этих хитросплетениях необходимо, поскольку от этого разбора зависит общая оценка потенциала и профессиональной компетенции правящих элитарных групп. Очевидно одно – сами правящие элиты в своих практиках не должны игнорировать подобного рода моменты и нести ответственность за всё случившееся в их профессиональной сфере (Шентякова, 2015, стр.47).

В этой связи следует затронуть вопрос об уязвимости самих элит. Эта уязвимость чаще всего проявляется вследствие возникновения серьезных проблем в сфере экономики, демократии или авторитарных тенденций, государственных и частных институтов и т.д. Это вызовы, которые нарушают легитимность власти, ставят под сомнение ее политическую целесообразность. Неудивительно, что сами субъекты власти весьма болезненно реагируют на все это, стремясь свести потери к минимуму (Бойко, 2018, стр.32).

Элиты потонули в бесконечных фейках, в вымышленных ими историях, в которых есть только одни их победы и нет места неудачам. Цинизм высшей пробы. Красивые по форме, но совершенно пустые по содержанию «волшебные формулы», которыми они пытаются обосновать и объяснить свое эфемерное благополучие. В этой связи и «великая битва демократии и автократии» была выдумана ими на пустом месте.

На международной арене таким элитам все сложнее достигать консолидации действий. Архитектура безопасности ими целенаправленно разрушена. Её фундамент уже пошел трещинами и все по вине самих США. Особо много вопросов к их союзникам («вассалам»), страдающим хронической русофобией. Элиты не понимают, что живут на вулкане, который может в любой момент взорваться. Но у Запада нет ответственных политиков, которые бы могли реально решать эти серьезные проблемы. Элиты ЕС не понимают, что США планомерно уничтожали их национальные экономики, заставляя слепо обслуживать их свои национальные интересы. Эти элиты отключили разум, позабыв включить спасительные для них рефлексy. Масса затраченных впустую средств и никаких конкретных успехов.

Свое отрицательное значение несёт разрастающийся финансово-экономический кризис. Он вновь породил тему углубляющегося социального неравенства. Развитие этого деструктива проявляется ежедневно как внутри, так и между обществами. Отсутствие экономических перспектив подорвало доверие людей к своим политическим элитам и ограничило их поддержку. Нарастает непонимание принимаемых властями мер, тем более, не говоря уже о том, чтобы их одобрить (Higley, 2018, p.27).

В последние десятилетия политические элиты столкнулись с еще одной, ставшей для них труднопреодолимой проблемой, – усилением информационных технологий и виртуальной реальности. Усилились информационные атаки на политический имидж. Сегодня порой даже довольно безобидные

частные проступки политиков могут в одночасье положить конец их «выдающейся» политической или корпоративной карьере. Возникло даже такое понятие как «тирания реального времени», когда любой, у кого есть выход в Интернет может получить доступ к политической повестке дня, раскрывающей неудобную правду о правящих элитах. Правительства, компании и даже крупные медиа-организации плохо приспособлены для того, чтобы справиться с тиранией реального времени (Родионов, 2017, стр.118).

Политические элиты вынуждены действовать на фоне деглобализации мира, где угроза легитимности власти значительно варьируется в зависимости от региона и даже от соседей. Самполитический ландшафт рисков постепенно становится все более неоднородным и мало предсказуемым. Поэтому не существует единого всеобъемлющего риска, который мог бы дестабилизировать международную политику или подорвать мировую экономику. Вместо этого существует множество локальных точек давления – такие риски имеют региональные последствия, но ни один из них не способен превратиться в бедствие, которое становится глобальным приоритетом (Кожемяк, 2018). Перед политическими элитами постоянно будут и в дальнейшем возникать многочисленные риски и угрозы, справиться с которыми их первейшая обязанность. Но, судя по текущим политическим событиям, они с этой основной своей обязанностью справляются не очень удачно. Во многих случаях они вообще делают все, чтобы уйти от ответственности за их решения. И в этом главная проблема нынешних коллективных властей – они являются элитами лишь номинально. Реальной элиты во властных структурах мы не наблюдаем.

Заключение

Современные политические элиты с трудом сдают экзамен на профессиональную зрелость, потому что совершенно не знают, в каком мире они живут. Именно поэтому они не могут определиться с тем, что они сами собою представляют и что им надлежит делать ради достижения поставленных целей. Поэтому их цели упрощаются и сводятся к элементарным стремлениям выжить и удержаться во властных структурах своих политий. Именно отмеченное упрощение свидетельствует о падении профессионального качества действующих в политике элит. Но это упрощение не есть оптимизация и достижение эффективности, посредством избавления от всего лишнего. Это упрощение есть указатель на то, что элиты просто не дотягиваются до прежних профессиональных стандартов, которые были установлены их предшественниками. В этом и заключается смысл трагедизма, переживаемого нынешним поколением политических элит.

Потери элит несоизмеримы с их приобретениями. Реальные успехи настолько скромны, что практически незаметны. И этот диагноз показывает не только то, чем они являются «здесь-и-сейчас», но и то, на что они способны и

на что имеют право претендовать. Судя по всему, перспективы неутешительны...

Список литературы

- Abbink J. & Salverda T. (2013). *The Anthropology of Elites: Power, Culture and the Complexity of Distinction*. Palgrave Macmillan.
- Arceneaux K., Dunaway J., & Soroka S. (2018). Elites are people, too: The effects of threat sensitivity on policymakers' spending priorities. *PloS One*, 13(4). doi: 10.1371/journal.pone.0193781
- Bahardoost P., Tavassoli Roknabadi M., & Erfanmanesh M. (2019). The Role of Political Elite Relations in the Elites Circulation. *IAU International Journal of Social Sciences*, 9(2).
- Best, H. (2010). *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* (J. Higley, Ред.; 3rd pub.). Brill.
- Dahl, R. A. (1956). *Preface to Democratic Theory* (R. A. Dahl1st, Pub.). University of Chicago Press.
- Gaman-Golutvina, O. (2018). Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics (V. 43, Issue 4). *Historical Social Research/ Historische Sozial for schung*. doi:10.12759/hsr.43.2018.4.141-163
- Gewirtz, J. (2020). China Thinks America is Losing. - *Foreign Affairs*, 99(6), 62–72.
- Higley, J. (2006). *Elite Foundations of Liberal Democracy* (edition): Rowman& Littlefield.
- Higley, J. (2018). Continuities and discontinuities in elite theory—The Palgrave Handbook of political elites. Palgrave Macmillan. doi:10.1057/978-1-137-51904-7_4
- Pareto, V. (1963). *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology* (1st pub.). Dover.
- Petrecka, B. (2021). Selected theoretical concepts of the social elite. *Humanities and Social Sciences*, 28(3). doi:10.7862/rz.2021.hss.23
- Rathkolb O. & Ogris G (Ed.). (2010). *Authoritarianism, History and Demo-cratic Dispositions in Austria, Poland, Hungary and the Czech Republic*. Studienverlag.
- Ricart-Huguet, J. (2019). The historical turn in the comparative study of political elites (Issue 29(2)). *Newsletter of the Organized Section in Comparative Politics of the American Political Science Association*.
- Rodriguez-Teruel J. & Daloz J.P. (2018). Surveying and observing political elites. In *The Palgrave Handbook of Political Elites*.
- Алтавил Ф.А. (2017). Трансформации политических режимов Египта и Ливии в условиях «Арабской весны»: Сравнительный анализ. *Общество: политика, экономика, право*, 1.
- Амуров М.А. (2020). Типология современных политических элит. *Управ-ленческое консультирование*, 5 (137). doi: 10.22394/1726-1139-2020-5-19-28
- Бойко С.И. (2018). Политическая амбивалентность элиты как капитал революции. *Гуманитарные науки*, 2 (32). doi: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-31-36
- Горская А.Н. (2018). Основные подходы к изучению элит и возможности их применения к анализу локального уровня власти и управления-Контентус.
- Григорян Д.К., Крицкая А.А., Айрапетян Д.А., & Веренич И.Г. (2020). Властвующая элита зарубежных стран и ее роль в геополитических коммуникациях современности. *Коммунология*, 1. doi: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-63-73

- Дука А.В. (2015). Основания функционирования властных элит. Власть и элиты.
- Кожемяк Н.С. (2018). Политика правительства Х. Асада по отношению к друзской общине Сирии: Политические и идеологические аспекты (Выпуск 4 (38)). Вестник БГУ.
- Комкова С.С. (2018). Политические элиты в государствах Центральной Азии: Общие черты и коренные различия. Архонт, 2 (5).
- Ланко Д.А. (2012). Геополитика Евразии в представлении политических элит. Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 11.
- Максимова Е.Н. (2021). Политические элиты как фактор нестабильности политической системы. Вопросы элитологии, 4.
- Мишурина О.В., Селина В.А., & Чартия Д.Г. (2017). Особенности рекрутирования политических элит в условиях геополитической интеграции. Евразийский научный журнал, 2.
- Нефедов С.А. & Куцаенко Е.И. (2019). Политическая элита и ее информационные привилегии. Современная наука и инновации (Т. 3, Выпуск 27). doi: 10.33236/2307-910X-2019-3-27-157-165
- Родионов М.А. (2017). Информационные технологии и современные политические элиты. Социально-гуманитарные знания, 1.
- Романов С.Ю. (2018). Механизмы партийного рекрутирования и селектирования элит и лидеров в Великобритании и США - Наука через призму времени. Выпуск 4 (13)).
- Самусевич А.В. (2018). Соотношение политической и административной элиты: К вопросу о содержании понятий. Вестник ПАГС, 3. doi: 10.22394/1682-2358-2018-3-122-129
- Тамбиянц Ю.Г. & Шалин В.В. (2018). Феномен политической элиты: Проблематика определения социальной сущности (Выпуск 4 (66)). Общество и право.
- Титова Л.Г. & Титова О.Н. (2019). Политическая элита в эпоху трансформаций. Социально-политические исследования, 1. doi: 10.24411/2658-428X-2019-10335
- Токвиль, А. (1897). Демократия в Америке. Библиотечный фонд.
- Шентякова А.В. (2015). Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту—Вестник Санкт-Петербургского университета (Выпуск 3). Политология. Международные отношения.

References

- Abbink J. & Salverda T. (2013). The Anthropology of Elites: Power, Culture and the Complexity of Distinction. Palgrave Macmillan.
- Altawil F.A. (2017). Transformation of Political Regimes in Egypt and Libya in the «Arab Spring»: A Comparative Analysis (Issue 1). Politics, Economics, Law. (In Russian).
- Amurov M.A. (2020). Typology of modern political elites. Management Consulting, 5 (137). doi: 10.22394/1726-1139-2020-5-19-28 (In Russian).
- Arceneaux K., Dunaway J., & Soroka S. (2018). Elites are people, too: The effects of threat sensitivity on policymakers' spending priorities. PloS One, 13(4). doi: 10.1371/journal.pone.0193781
- Bahardoost P., Tavassoli Roknabadi M., & Erfanmanesh M. (2019). The Role of Political Elite Relations in the Elites Circulation. IAU International Journal of Social Sciences, 9(2).
- Best, H. (2010). Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives (J. Higley, Ред.; 3rd pub.). Brill.

- Boyko S.I. (2018). Political ambivalence of elites as the capital of revolution. *Humanities. Vestnik finansovogo universiteta*, 2(32). doi: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-31-36 (In Russian).
- Dahl, R. A. (1956). *Preface to Democratic Theory*. University of Chicago Press.
- Duca A.V. (2015). Fundamentals of power elites functioning. *Power and Elites*. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O. (2018). Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics (V. 43, Issue 4). *Historical Social Research/ Historische Sozial for schung*. doi: 10.12759/hsr.43.2018.4.141-163
- Gewirtz, J. (2020). China Thinks America is Losing. - *Foreign Af-Fairs*, 99(6), 62–72.
- Gorskaya A.N. (2018). Basic approaches to the study of elites and the possibilities of their application to the analysis of the local level of power and governance-Contentus (Issue 5 (70)). (In Russian).
- Grigoryan D.K., Kritskaya A.A., Ayrapetyan D.A., & Verenich I.G. (2020). Ruling elite of foreign countries and its role in geopolitical communications of modernity. *Communicology*. doi: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-63-73 (In Russian).
- Higley, J. (2006). *Elite Foundations of Liberal Democracy* (edition): Rowman& Littlefield.
- Higley, J. (2018). Continuities and discontinuities in elite theory—The Palgrave Handbook of political elites. Palgrave Macmillan. doi: 10.1057/978-1-137-51904-7_4
- Komkova S.S. (2018). Political elites in Central Asian states: Common features and radical differences. *Archont*, 2 (5). (In Russian).
- Kozhemyak N.S. (2018). The policy of H. Assad's government towards the Druze community in Syria: Political and ideological aspects (Issue 4 (38)). *Bulletin of the Belarusian State University*. (In Russian).
- Lanko D.A. (2012). Geopolitics of Eurasia in the representation of political elites. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 11. (In Russian).
- Maximova E.N. (2021). Political elites as a factor of political system instability—Voprosy elitologii (Issue 4). (In Russian).
- Mishurina O.V., Selina V.A., & Chartia D.G. (2017). Peculiarities of re-twisting of political elites in conditions of geopolitical integration. *Eura-Sian Scientific Journal*, 2. (In Russian).
- Nefedov S.A. & Kutsaenko E.I. (2019). Political elite and its informational privileges. *Modern Science and Innovations*, 3(27). doi: 10.33236/2307-910X-2019-3-27-157-165 (In Russian).
- Pareto, V. (1963). *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology* (1st pub.). Dover.
- Petrecka, B. (2021). Selected theoretical concepts of the social elite. *Humanities and Social Sciences*, 28(3). doi: 10.7862/rz.2021.hss.23
- Rathkolb O. & Ogris G (Ed.). (2010). *Authoritarianism, History and Democratic Dispositions in Austria, Poland, Hungary and the Czech Republic*. Studienverlag.
- Ricart-Huguet, J. (2019). The historical turn in the comparative study of political elites (Issue 29(2)). *Newsletter of the Organized Section in Comparative Politics of the American Political Science Association*.
- Rodionov M.A. (2017). Information technologies and modern political elites. *Socio-humanitarian knowledge*, 1. (In Russian).
- Rodriguez-Teruel J. & Daloz J.P. (2018). Surveying and observing political elites. In *The Palgrave Handbook of Political Elites*.

- Romanov S.Y. (2018). Mechanisms of party recruitment and selection of elites and leaders in Great Britain and the USA - Science through the prism of time (Issue 4 (13)). (In Russian).
- Samusevich A.V. (2018). The ratio of political and administrative elite: To the question of the content of concepts. Vestnik PAGES, 3. doi: 10.22394/1682-2358-2018-3-122-129 (In Russian).
- Shetyakova A.V. (2015). Permeability of Recruitment Channels in the Political Elite (Issue 3). Vestnik (Herald) of Saint Petersburg University. Politology. International relations.
- Tambiyants Y.G. & Shalin V.V. (2018). Phenomenon of political elite: Problematics of determination of social essence. Society and Law, 4 (66). (In Russian).
- Titova L.G. & Titova O.N. (2019). Political elite in the era of trans-formation. Socio-Political Research, 1. doi: 10.24411/2658-428X-2019-10335 (In Russian).
- Tocqueville, A. (1897). Democracy in America (1st pub.). Library Fund. (In Russian).

Historical Memory of Youth: How Images of the Past Work in the Conditions of Confrontation Between Political Elites¹

(a) Olga V. Yarmak, (b) Mariya G. Bolshakova, (c) Zoya S. Savina, (d) Anastasia G. Maranchak

(a) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Email: olga_yarmak[at]inbox.ru ORCID: 0000-0002-5025-9112

(b) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Email: marie-mary[at]yandex.ru ORCID: 0000-0001-9757-0162

(c) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Email: zoya.savina.1995[at]mail.ru ORCID: 0000-0001-7371-3384

(d) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Email: amaranchak[at]yandex.ru ORCID: 0000-0003-0421-8675

Abstract

The article considers historical memory as the basis of collective identity, which is constructed through «images of the past» associated with historically significant events. The role of «images of the past» in the consolidation of society is evaluated. The authors consider models of historical memory characteristic of various social groups, namely: Soviet, post-Soviet, «elite» and «Russophile». It is noted that one of the most significant events in history, capable of consolidating Russians, is the Great Patriotic War and Victory in it. Using the example of this event, the process of constructing and mobilizing historical memory in modern conditions of the political process, which has the latest mechanisms of symbolic struggle for the meanings and meanings of our history, is examined. The social media analysis carried out by uploading and analyzing social media messages is presented. The article also examines the current stage of the formation of historical memory, which manifested itself through the perception of a special military operation in Ukraine. The analysis of the reactions of young people to the special operation is given, confirming the hypothesis that the attitude towards it is formed by the existing attitudes in the youth consciousness towards the role and importance of Russia in the world, towards the understanding and value of Victory in the Great Patriotic War for the Russian people and the entire post-Soviet space.

Keywords

Historical memory; image of the past; patriotism; special operation; victory; Great Patriotic War; image of the state; social media analytics; cybermetry; information space.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ The research was funded by RFBR and the government of Sevastopol, projectnumber 20-411-920004 «Sevastopol in Historical Memory of the Great Patriotic War: Analysis of RunetInformation Flows Using Big Data»).

Историческая память молодежи: Как работают образы прошлого в условиях противостояния политических элит¹

(а) Ярмач Ольга Валерьевна, (b) Большакова Мария Геннадьевна, (с) Савина Зоя Сергеевна, (d) Маранчак Анастасия Геннадьевна

(а) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
Email: olga_yarmak[at]inbox.ru ORCID: 0000-0002-5025-9112

(b) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
Email: marie-mary[at]yandex.ru ORCID: 0000-0001-9757-0162

(с) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
Email: zoya.savina.1995[at]mail.ru ORCID: 0000-0001-7371-3384

(d) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
Email: amaranchak[at]yandex.ru ORCID: 0000-0003-0421-8675

Аннотация

В статье рассматривается историческая память как основа коллективной идентичности, которая конструируется посредством «образов прошлого», связанных с исторически значимыми событиями. Оценивается роль «образов прошлого» в консолидации социума. Авторы рассматривают модели исторической памяти, характерные для различных социальных групп, а именно: советскую, постсоветскую, «элитную» и «русофильную». Отмечается, что одним из самых значимых событий в истории, способным консолидировать население Российской Федерации, является Великая Отечественная война и Победа в ней. На примере данного события исследован процесс конструирования и мобилизации исторической памяти в современных условиях политического процесса, имеющего новейшие механизмы символической борьбы за смыслы и значения нашей истории. Приведена социальная медиааналитика, осуществлённая посредством загрузки и анализа сообщений социальных медиа. В статье также рассматривается современный этап формирования исторической памяти, который проявился через восприятие специальной военной операции на Украине. Приведен анализ реакций молодежи на спецоперацию, подтвердивший гипотезу о том, что отношение к ней сформировано имеющимися установками в молодежном сознании о роли и значении России в мире, о понимании и ценности Победы в Великой Отечественной войне для российского народа и всего постсоветского пространства.

Ключевые слова

Историческая память; образ прошлого; патриотизм; специальная операция; Победа; Великая Отечественная война; образ государства; социальная медиааналитика; киберметрия; информационное пространство.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-411-920004 «Севастополь в исторической памяти о Великой Отечественной войне: анализ информационных потоков Рунета с использованием больших данных»

Введение

Одним из инструментов, способных решить проблему консолидации социума, выступает историческая память как основа конструирования коллективной идентичности. Историческая память сегодня стала инструментом политической борьбы элит и политического манипулирования общественным сознанием. Здесь используются различные подходы – от «борьбы с оппозицией», в ходе которой история воспринимается в качестве аргумента для обоснования интересов различных политических сил до «нациестроительства», в процессе которого формируется политически скорректированный «образ прошлого» через обоснование своих внешнеполитических интересов и притязаний (Воденко, 2022, стр. 166-171).

Историческая память необходима при формировании национальной идентичности: «нет памяти – нет личности. Нет личности – нет нации» (Э. Смит), «без национальной истории, освещающей в воспоминаниях людей славные события прошлого, войны и победы, неудачи и поражения, образы героев и злодеев, нет нации» (С. Хантингтон). Она конструируется посредством «образов прошлого», связанных с исторически значимыми событиями, переломными как для человеческих судеб, так для судьбы страны. Для России особой социальной и исторической значимостью обладают образ Великой Отечественной войны и Победы в ней, подтверждением чему являются результаты авторских социологических исследований (Ярмак, Большакова, & Савина, 2021, стр. 285).

Следует отметить, что «образы прошлого» способны не только объединять, но и разобщать людей. Очевидно, что «образы прошлого», позиционируемые как ценные и значимые, могут быть абсолютно противоположными даже у граждан одного государства. Таким образом, само наличие «образов прошлого» еще не является гарантией их конструктивного использования. Посредством различных оценок исторических событий они способны как интегрировать, так и деконсолидировать общество. Это дает основание заключить, что для консолидации социума необходимо управление «образами прошлого», поскольку прошлое выступает той социальной конструкцией, которая формируется восприятием современных событий.

На сегодняшний день Великая Отечественная война и Победа в ней остаются значимыми событиями в нашей истории, способными консолидировать население страны (Ярмак, Большакова, & Маранчак, 2021, стр. 269-271). В связи с апелляцией к героическому прошлому советского народа и геополитическому достижению страны Победа в Великой Отечественной войне имеет символическое значение для России и Русского мира в целом.

Считается, что сегодня в российском социуме одновременно присутствуют такие модели исторической памяти, как советская модель истории (позитивно оценивающая исторические события советского периода); постсо-

ветская модель истории с прозападной ориентацией на историю России; «элитная», отражающая взгляды представителей политической и экономической элиты общества; «русофильская» модель истории, ориентированная на возрождение исконно русских ценностей и опирающаяся на идею об особом пути развития России (Воденко, 2022, стр. 166-171).

Инструментами актуализации той или иной модели являются, в том числе, средства массовой информации и социальные медиа, социальные институты и государство, формирующие систему поддержания исторической памяти и ее символов. Формирование информационного и коммуникативного дискурса происходит посредством символических средств, которые мобилизуют граждан на совместные действия и формируют у них чувство общности. Символические средства являются неким комплексом коммуникативных структур, синхронизирующим социальные ожидания. Такой комплекс требует постоянной поддержки и создания некоего «символического контейнера».

В рамках настоящего исследования авторы попытались понять, чем наполнен «символический контейнер» исторической памяти о Великой Отечественной войне у крымской молодежи, есть ли в нем взаимосвязь между обоснованием значимости событий Великой Отечественной войны и сегодняшним пониманием патриотизма, как работают исторические параллели в отношении специальной военной операции на Украине, объявленной Президентом РФ. Исследовательской задачей было проанализировать процесс конструирования и мобилизации исторической памяти в современных условиях политического процесса, имеющего новейшие механизмы символической борьбы за смыслы и значения нашей истории.

Описание исследования

Стратегия данного прикладного исследования имела гибридный характер и основывалась на сочетании количественных и качественных методов. Основой эмпирической модели исследования был массовый опрос студентов вузов Крымского полуострова с выборочной совокупностью 3200 студентов (осуществленный в 2017 и 2018 годах), репрезентативной по возрастному критерию, стратифицированной по двум территориальным образованиям – Республике Крым и городу федерального значения Севастополь. Построение выборки было многоступенчатым, с применением процедуры поэтапного отбора объектов анализа. На первом этапе была применена вероятностная (гнездовая) выборка, где единицами отбора стали типы поселений с наличием или отсутствием вузовских структур. На втором этапе использовалась квотная выборка. Единицы отбора второй ступени определялись на основе сведений (параметров квот) об общем количестве обучающихся в вузе, т. е. элементов генеральной совокупности. Единицы наблюдения отбирались при помощи простого случайного отбора, при котором вероятность быть включёнными в

выборку является одинаковой для всех единиц совокупности. Размер ошибки выборки не превысил 3%.

В статье также использованы результаты исследования, проведенного Центром социологических исследований СевГУ в 2022 году, о реакциях крымской студенческой молодежи на специальную военную операцию на Украине, зафиксированных в интернет-сети. В основе дизайна данного исследования лежит социальная медиааналитика, осуществлённая посредством выгрузки и анализа сообщений социальных медиа. Здесь задачами выступали выявление и классификация типов реакций крымского молодого интернет-пользователя на СВО на Украине. Исследование было осуществлено с использованием количественного метода киберметрии сообщений о специальной военной операции на Украине в сети ВКонтакте и качественного – их контент-анализа. После этого была проведена категоризация выявленного интернет-контента по типам реакций молодежной интернет-аудитории Крыма на СВО на Украине.

Было обработано порядка 4200 аккаунтов в социальной сети ВКонтакте с определением топ-сообществ/групп сети ВКонтакте, в которых присутствуют студенты. Период выгрузки сообщений: с 24.02.2022 по 16.03.2022.

Результаты исследования

Среди предложенных вариантов утверждений в рамках анкетирования популярность в студенческой среде получили такие, как «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров» (52%), «надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И, благодаря этому, они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов» (38%), «во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас» (34%). (Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя, 2019). Данные установки, присутствующие в сознании крымской молодежи, свидетельствуют о восприятии своей страны как сильной и независимой державы с много-летним опытом и достижениями предков (рис. 1) (Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя, 2019).

Выберите, пожалуйста, из предложенного списка выражения, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают особенности истории нашей страны <i>(не более трех вариантов ответов)</i>	2017 г.	2018 г.
“Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров” (К. фон Клаузевиц).	52,1	50,8
“Надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив, как принцип не истребление соседей, а дружбу народов” (Л. Гумилев).	38,1	37,0
“Во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас” (Александр III).	34,6	33,2
“Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал” (А. Пушкин).	29,9	25,8
“С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира” (Н. Бердяев).	21,6	21,4
“Это не Россия находится между Востоком и Западом. Это Восток и Запад находятся слева и справа от России” (В. Путин).	19,9	23,8
Другое	0,7	2,6

Рис. 1 Особенности истории России в представлениях молодежи Республики Крым и г. Севастополь (в процентах к числу ответивших, данные 2017 и 2018 гг.)

Основными достижениями наших предков крымская молодежь считает размер страны (52%) и сохранение ее независимости (46%) (рис. 2) (Международное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя, 2019).

Как Вы считаете, что можно считать основными достижениями предыдущих поколений россиян? <i>(не более трех вариантов ответов)</i>	2017 г.	2018 г.
национальный характер россиян	33,2	30,5
огромный размер территории страны	52,6	50,7
сохранение независимости государства	46,4	38,8
создание уникальной культуры	34,4	39,3
мир и согласие между народами	27,4	29,5
военную мощь, ядерный щит	37,1	38,4
другое	0,3	1,0

Рис. 2 Основные достижения предшествующих поколений россиян в представлениях молодежи Республики Крым и г. Севастополь (в процентах к числу ответивших, данные 2017 и 2018 гг.)

Для понимания исторической памяти также необходимо изучение знаковых исторических мест. Для крымской молодежи являются важными те места, которые связаны с Великой Отечественной войной. Так, Мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» в Севастополе посещало подавляющее большинство опрошенных (84%), а хотелось бы им посетить Пискаревское мемориальное кладбище в Санкт-Петербурге (59%) и Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане в Волгограде (54%) (Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя, 2019).

С учетом того, что задачи исследования состояли в анализе процесса формирования исторической памяти посредством интернет-коммуникаций, авторам было необходимо понимание опасности онлайн пропаганды национализма. Большинство (72%) опрошенной крымской молодежи считают серьезной проблему онлайн-пропаганды национализма, радикальных религиозных взглядов, распространения другого контента, нарушающего закон, в Интернет-пространстве. При этом почти треть (29%) позитивно относятся к контролю со стороны государства и Интернет-корпораций над Интернет-контентом, а почти половина (48%) – отрицательно.

Современный этап формирования исторической памяти ярко проявился через восприятие специальной военной операции на Украине. С одной стороны, это явилось консолидирующим событием, с другой – восстановило в общественном сознании те «образы прошлого», которые создавались героическими достижениями Победы 75 лет назад.

Авторы провели анализ настроений студенческой онлайн-аудитории на специальную военную операцию на Украине с классификацией ее реакций на данное событие и определением типов вовлеченности в него. Были предварительно определены типы вовлеченности в процесс информирования и обсуждения специальной военной операции на Украине:

- полное игнорирование (не следят за новостями, полностью погружены в личные, учебные, рабочие дела);
- вынужденная реакция без личной вовлеченности (не следят за новостями, погружены в личные, учебные дела, корректируют свое мнение под влиянием среды обитания);
- пассивная вовлеченность (следят за новостями, переживают, не высказывают позиции публично);
- активная вовлеченность (следят за новостями, публично высказывают позицию).

У подавляющего количества молодежи пассивное отношение: или полностью игнорируют проводимую спецоперацию (70%) или формируют свою позицию под влиянием социального окружения (26%) (рис. 3).

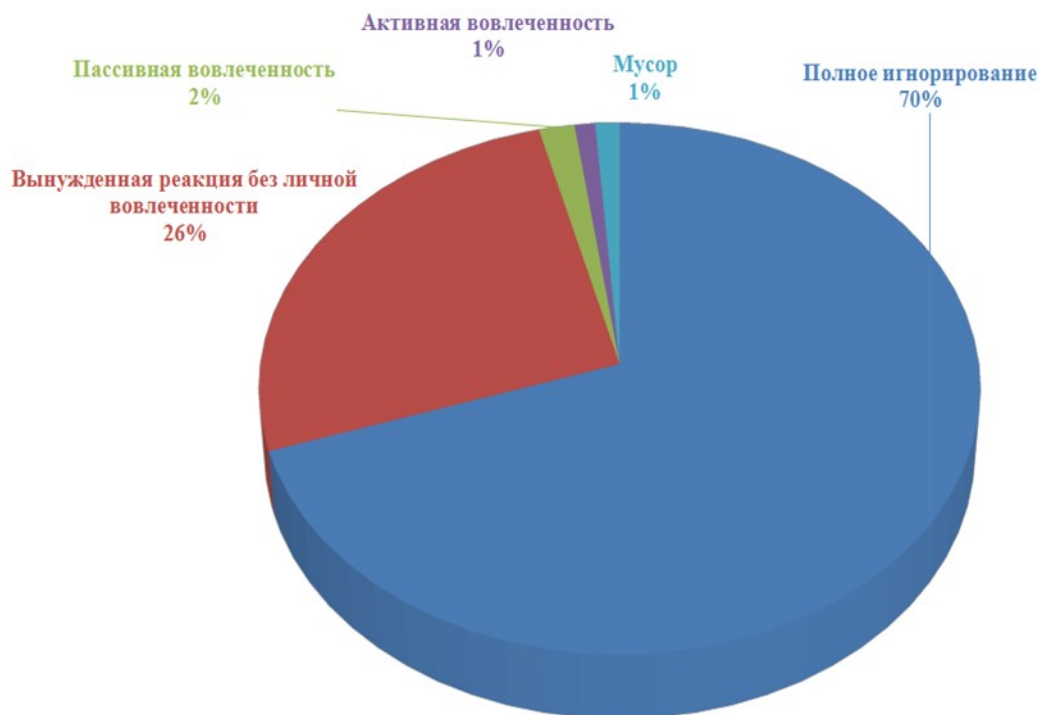

Рис. 3. Типы вовлеченности крымской молодежной интернет-аудитории в процесс обсуждения специальной военной операции на Украине

При этом поддерживают решение Президента о проведении спецоперации 70% опрошенной молодежной интернет-аудитории.

Отношение к специальной военной операции изучалось в ракурсе анализа контента топ-сообществ в сети ВКонтакте (порядка 170 000 постов и комментариев), которые являются информационным фоном для формирования личного мнения пользователя к определенному событию (рис. 4). Результаты исследования показали, что выявленный контент в целом формирует позитивный поддерживающий фон.

Пассивная вовлеченность

Рис. 4. Отношение к специальной военной операции

Высказывания в поддержку военной операции обосновывались тяжелым положением ДНР и ЛНР в последние восемь лет с 2014 года. Например: «к тем, кто говорит «НЕТ ВОЙНЕ», у меня вопрос, где вы были все прошлые годы, когда тысячи людей убивали на Донбассе, а в Одессе людей попросту сожгли заживо». Вторая тенденция – это накопленный социальный негатив между Россией и Украиной, даже скорее, между Россией и украинской властью.

Среди типов антивоенных высказываний – аффективное, формируемое посредством чувств и переживаний, гуманитарное с акцентом на ценность человеческой жизни и недопустимость насилия, экономическое с фокусом обсуждения падения на биржах и последствий санкций, политическое с критикой власти. «Чистые» типы антивоенных высказываний встречаются редко. В основном можно говорить о гибридных типах высказываний с преобладанием одной из стратегий отношения к СВО. Но экономическая составляющая на начало спецоперации превалировала над остальными типами (рис. 5).

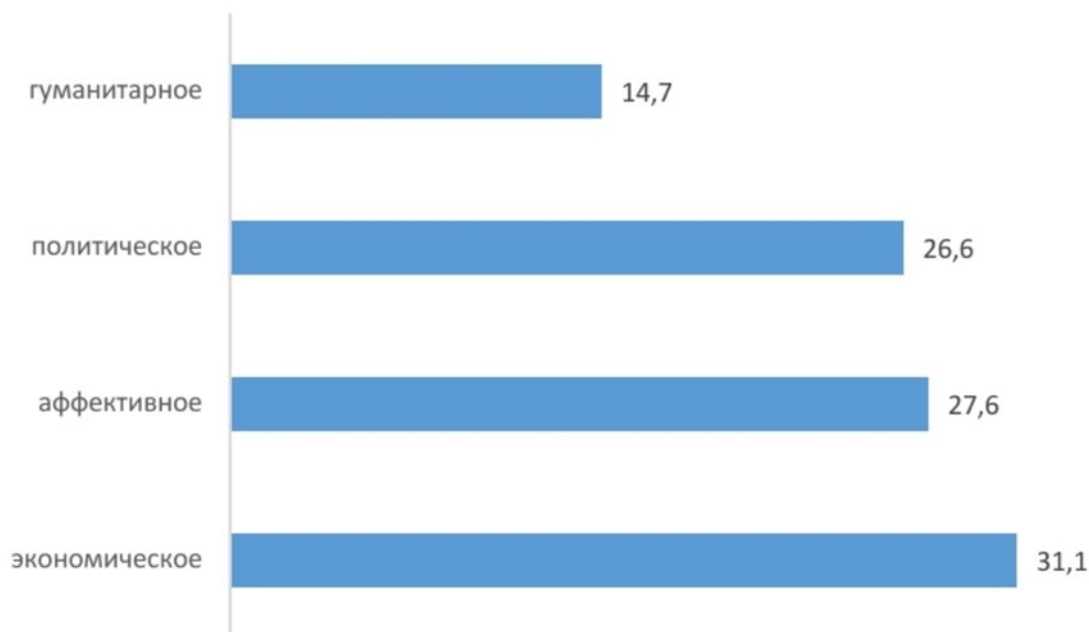

Рис. 5. Типы антивоенных высказываний (в %)

Аффективные высказывания могут включать в себя как элементы политического, так и гуманитарного типов – поиск виноватых, привлечение внимания к гуманитарным трагедиям. Гуманитарные высказывания нередко несут в себе политические элементы – начинается разбор исторических фактов, доказывание своей правоты или оправдание противоположной стороны возложением вины на политиков. Экономические высказывания в чистом виде встречаются чаще, в этом случае прослеживается явное переживание за экономическое состояние страны и последствия, реже в данном типе встречаются элементы гуманитарного и аффективного типов.

Заключение

Результаты авторских исследований продемонстрировали, что в сознании российской молодежи (на примере крымской) историческая память конструируется через осознание значимости памятных мест Великой Отечественной войны; восприятием России в ракурсе исторических достижений прошлого, сформированного образа сильного государства с огромной территорией, «армией и флотом».

Анализ реакций на спецоперацию подтвердил гипотезу о том, что отношение к ней сформировано имеющимися установками в молодежном сознании о роли и значении России в мире, о понимании ценности Победы в Великой Отечественной войне для российского народа и всего постсоветского пространства. И, соответственно, поддержка СВО в первые три недели ее проведения среди молодых Крыма присутствует на уровне 70%.

В данный момент информационное пространство концентрируется на процессе формирования позитивной повестки военных достижений России, в

том числе с использованием механизмов создания исторических параллелей современной России и Советского Союза, которые борются с самым опасным проявлением – нацизмом.

Список литературы

- Altermatt, W. (2000). *Ethno-nationalism in Europe*. RSSU.
- Berger P., & Luckman, T. (1995). *Social construction of reality*. Penguin Books
- Borgatti, S. P., & Everett, M. G. (2006). A Graph-theoretic perspective on Centrality. *Social Networks*, 28, 466-484. doi: 10.1016/j.socnet.2005.11.005
- Castells, M. (2009). *The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture (Vols. 1 - 3)*. Blackwell.
- Dalton, R. G. (1977). Economic Anthropology. *American Behavioral Scientist*, 20, 635-656. doi: 10.1177/000276427702000504
- Durkheim, E. (2006). *Sociology. Its subject, method and purpose*. Canon.
- Erickson, E. (1996). *Identity: adolescence and crisis*. Progress.
- Goldstone, J. A. (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. University of California Press
- Gradoselskaya, G. V. (2004). *Network Dimensions in Sociology: A Study Guide*. Novy Uchebnik.
- Gubanov, D. A., Novikov, D. A., & Chkhartishvili, A. G. (2009). *Models of Influence In Social Media*. Retrieved from Research Gate website: https://www.researchgate.net/profile/Dmitry_Novikov5/publication/274390365_Modeli_vliania_v_socialnyh_setah/links/55900ad908ae15962d8c3dvlian/Modelidf
- Howard, P. N., & Parks, M. R. (2012). Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence, *Journal of Communication*, 62, 359-362. doi: 10.1111/j.1460-2466.2012.01626.x
- Kuikka, V. (2018). Influence spreading model used to analyze social networks and detect subcommunities. *Comput SocNetw*, 5. doi: 10.1186/s40649-018-0060-z
- Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy: To-wards a Radical Democratic Politics*. Verso.
- Le Bon, G. (1995). *Psychology of Peoples and Crowds*. «Maket».
- Lippmann, W. (2004). *Public opinion*. Dover Publications.
- Marcuse, H. (1994). *One-dimensional person*. REFL-Books.
- Mead, G. H. (1925). Genesis of Self and Social Control. *International Journal of Ethics*, 35, 251-277.
- Shestopal, E. B., Smulkina, N. V., & Morozikova, I. V. (2019). Comparative analysis of the images of their country among residents of Russian regions. *Comparative politics*, 10(3), 74-94. doi: 10.24411/2221-3279-2019-10031
- Smorgunov, L. V., & Sherstobitov, A.S. (2014). *Political Networks: Theory and Methods of Analysis*. Aspekt-Press.
- Teun, V. D. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. Sage.
- Uznadze, D. N. (2001). *Psychology of attitudes*. Piter.

- Wang, H., Wang, F., & Xu, K. (2020) Modeling Information Diffusion in Online Social Networks with Partial Differential Equations. Re-trieved from Springer website: <https://www.springer.com/gp/book/9783030388508>
- Zaslavskaya, T. I. (2002). Societal Transformation of Russian Society: Activity-Structural Concept. Delo.
- Воденко К В., Лабадзе О.Е., Тихоновскова М.П. (2020) Историческая память в процессах политической модернизации полиэтнического социума. Философия. Серия: Познание (12), 166-171. doi: 10.37882/2500-3682.2020.12.08
- Дробижева Л.М. (2018) Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. doi: 10.15405/ejsbs.294 eISSN: 2301-2218 /
- МакЛюэн, М. (2007). Понимание медиа: внешние расширения человека. Кучково поле.
- Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография (2019) Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; Севастополь
- Ярмак О.В., Большакова М.Г., Маранчак А.Г. (2021) Коллективная память о Великой Отечественной войне как сеть в понимании акторно-сетевой теории. MODERN SCIENCE (7), 269-271. ISSN: 2414-9918
- Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С. (2021) Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием bigdata. Журнал «Кант» (2)(39), 285-292. doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48.

References

- Altermatt, W. (2000). Ethno-nationalism in Europe. RSSU.
- Berger P., & Luckman, T. (1995). Social construction of reality. Penguin Books
- Borgatti, S. P., & Everett, M. G. (2006). A Graph-theoretic perspective on Centrality. Social Networks, 28, 466-484. doi: 10.1016/j.socnet.2005.11.005
- Castells, M. (2009). The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture (Vols. 1 - 3). Blackwell.
- Dalton, R. G. (1977). Economic Anthropology. American Behavioral Scientist, 20, 635-656. doi: 10.1177/000276427702000504
- Drobizheva, L. M. (2008). National, civic and ethnic identity: problems of positive compatibility. doi:10.15405/ejsbs.294 eISSN: 2301-2218 / (In Russian).
- Durkheim, E. (2006). Sociology. Its subject, method and purpose. Canon.
- Erickson, E. (1996). Identity: adolescence and crisis. Progress.
- Goldstone, J. A. (1991). Revolution and Rebellion in the Early Modern World. University of California Press
- Gradoselskaya, G. V. (2004). Network Dimensions in Sociology: A Study Guide. Novy Uchebnik.
- Gubanov, D. A., Novikov, D. A., & Chkhartishvili, A. G. (2009). Models of Influence In Social Media. Retrieved from ResearchGate website: https://www.researchgate.net/profile/Dmitry_Novikov5/publication/274390365_Modeli_vliania_v_socialnyh_setah/links/55900ad908ae15962d8c3dvlian/Modelidf

- Howard, P. N., & Parks, M. R. (2012). Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence, *Journal of Communication*, 62, 359-362. doi: 10.1111/j.1460-2466.2012.01626.x
- Interethnic and interreligious harmony in the student environment of Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development: a collective monograph.(2019) Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Sevastopol State University. Sevastopol (In Russian). .
- Kuikka, V. (2018). Influence spreading model used to analyze social networks and detect subcommunities. *Comput SocNetw*, 5. doi: 10.1186/s40649-018-0060-z
- Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. Verso.
- Le Bon, G. (1995). *Psychology of Peoples and Crowds*. «Maket».
- Lippmann, W. (2004). *Public opinion*. Dover Publications.
- Marcuse, H. (1994). *One-dimensional person*. REFL-Books.
- McLuhan, M. (2007). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Kuchkovo Pole (In Russian)
- Mead, G. H. (1925). Genesis of Self and Social Control. *International Journal of Ethics*, 35, 251-277.
- Shestopal, E. B., Smulkina, N. V., & Morozikova, I. V. (2019). Comparative analysis of the images of their country among residents of Russian regions. *Comparative politics*, 10(3), 74-94. doi: 10.24411/2221-3279-2019-10031
- Smorgunov, L. V., & Sherstobitov, A.S. (2014). *Political Networks: Theory and Methods of Analysis*. Aspekt-Press.
- Teun, V. D. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. Sage.
- Uznadze, D. N. (2001). *Psychology of attitudes*. Piter.
- Vodenko K. V., Labadze O. E., Tikhonovskova M. P. (2020) Historical memory in the processes of political modernization of polyethnic society. *Philosophy. Series: Cognition* (12), 166-171. doi: 10.37882/2500-3682.2020.12.08 (In Russian).
- Wang, H., Wang, F., & Xu, K. (2020) Modeling Information Diffusion in Online Social Networks with Partial Differential Equations. Re-trieved from Springer website: <https://www.springer.com/gp/book/9783030388508>
- Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G. (2021) Collective memory of the Great Patriotic War as a network in the understanding of actor-network theory. *MODERN SCIENCE* (7), 269-271. ISSN: 2414-9918 (In Russian).
- Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Savina Z. S. (2021) Sevastopol in the construction of collective historical memory: analysis of Runet information flows using big data. *Kant Magazine* (2)(39), 285-292 doi: 10.24923/2222-243X.2021-39.48 (In Russian).
- Zaslavskaya, T. I. (2002). *Societal Transformation of Russian Society: Activity-Structural Concept*. Delo.

Elite Formation and Elite Strateging in the Conditions of Deploying Global Innovations

Alexander M. Starostin

Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: amstar2912[at]mail.ru

Abstract

The article analyzes the tools of modern elitist studies, the development of which in recent decades allows us to speak about the consistent formation of the elitist paradigm in modern political science. A significant activation of the elite-administrative influence on modern global processes is represented through the mechanisms of social constructivism based on global innovations. On the one hand, the search for a new positioning of traditional and conservatively oriented elites is being detailed. On the other hand, it is the formation and reaching new frontiers of positioning of new elite groups and their communities.

The paper provides a methodological understanding of the current state of development of elitist science, identifies its most promising vectors and directions. The author proposes to take a fresh look at a number of traditional problems, to find new ways and solutions. The study contains a rethinking of the ideas already expressed by the author, taking into account the new historical context and the deployment of modern global innovations.

Keywords

Elitology; elitist paradigm; non-classical elitogenesis; conservative elites; global innovations; power innovations; interface elites; crypto-elites; new models of power order.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Элитаобразование и элитное стратегирование в условиях развертывания глобальных инноваций

Старостин Александр Михайлович

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: amstar2912[at]mail.ru

Аннотация

В статье анализируется инструментарий современных элитологических исследований, развитие которого в последние десятилетия позволяет говорить о последовательном формировании элитистской парадигмы в современной политической науке. В этих рамках репрезентируется существенная активизация элитно-управленческого воздействия на современные глобальные процессы через механизмы социального конструктивизма, опирающегося на глобальные инновации. Детализируются, с одной стороны, поиски нового позиционирования традиционных и консервативно-ориентированных элит. А, с другой, – формирование и выход на новые рубежи позиционирования новых элитных групп и их сообществ.

В работе дается методологическое осмысление современного состояния развития элитологической науки, выявляются ее наиболее перспективные векторы и направления. Автор предлагает по-новому взглянуть на целый ряд традиционных проблем, найти новые способы и пути их решения. Исследование содержит в себе переосмысление ранее уже высказанных автором идей, с учетом нового исторического контекста и развертывания современных глобальных инноваций.

Ключевые слова

Элитология; элитистская парадигма; неклассический элитогенез; консервативные элиты; глобальные инновации; властные инновации; интерфейсные элиты; криптоэлиты; новые модели властного порядка.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Концепты «элиты», «политические элиты» и соответствующее тематическое поле политологических исследований занимают видное место в отечественной политологии, позиционируясь в качестве одного из значимых направлений не только российской, но и мировой политологии, что подчеркивается в недавнем аналитическом обзоре РАПН «Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация» (Гаман-Голутвина & Патрушев, 2018, стр. 388–410).

Активную роль в становлении и развитии российской элитологии играла и играет относительно небольшая, но достаточно известная группа политологов из гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Астрахани, Ростова-на-Дону: О.В. Гаман-Голутвина, Г.К. Ашин, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, А.В. Дука, В.П. Мохов, П.Л. Карабущенко,¹ А.Е. Чирикова, Н.И. Лапина, Е.Б. Шестопал, Л.В. Сморгунюв, А.И. Соловьев, В.Г. Ледяев, О.В. Крыштановская, А.П. Кочетков, С.А. Кислицын, А.К. Магомедов, Д.Г. Сельцер и др. Стоит выделить среди этого круга две крупных фракции российских элитологов: Санкт-Петербургскую исследовательскую группу А.В. Дуки² и Ростовскую научную элитологическую школу под руководством А.В. Понеделкова и А.М. Старостина.³ Последняя репрезентирована в цикле защищенных в г. Ростове-на-Дону более чем 30 кандидатских и докторских диссертаций и более 500 статей, сборников и монографических работ в этой области, а также в ряде учебников и учебных пособий в этой области. К примеру, учебное пособие «Основы политической элитологии» вышло в 2014–2018 гг. в московском издательстве ЛЕНАНД уже четырьмя изданиями.

В рамках данной школы выдвинуто положение о возможности репрезентации элитистской парадигмы как одной из базовых парадигм современной политической науки (Гаман-Голутвина & Патрушев, 2018, стр. 392). Опора на инструментарий и эмпирические результаты, полученные в рамках данной парадигмы, позволили наметить пути определенной переориентации от доминирования объектоцентрических позиций в рамках социально-научной парадигмы – на субъектно-средовые, социально-экологические и социально-синергетические позиции, определяемые элитологической парадигмой, и расширить понимание идеалов и норм научного познания в контексте гуманитарных исследований, что в итоге также позволило расширить репертуар репрезентации активно-проектных элементов в развитии социума, обозначить как элементы инновационно-эмерджентного типа («креативный класс», «управленческие элиты», «экспертные сети», «социально-информационные платформы»), так и консервативно-традиционного типа (касты и кланы, традиционные элиты).

1 См. труды конгресса в Астрахани 2017 г. (Лунев & Карабущенко, 2017).

2 См. цикл монографических работ: (Дука, 2014) и другие монографические издания этой группы, начиная с 2001 г.

3 См. труды I–IV российских элитологических конгрессов 2013–2022 гг. в г. Ростове-на-Дону (Рудой, 2013; Шутов, 2016; Шутов, 2019; Рудой, 2022).

Таким образом, налицо значимое и растущее противоречие между совершенствованием властных отношений и властных функций и ценностно-когнитивным и политическим позиционированием властных элит. Иначе говоря, властно-инновационный процесс, ускоряясь и расширяясь, все более проявляет и выявляет запаздывание, и даже активное сопротивление значительной части властвующих элит.

Проанализируем данную проблему более подробно. Прежде всего, заслуживает внимания концепт «властные инновации». Его включение в теоретический анализ социально-политических процессов обусловлено, во-первых, быстрым ростом значимости социального управления в основных сферах человеческой деятельности: экономической, политической, социокультурной, социально-экологической, что обусловлено значительным ростом масштабов человеческой деятельности и переходом ее на глобальный уровень. В особенности это стало заметно во второй половине XX века, когда масштабные социально-экономические и военно-политические действия оказались сопряжены с научно-технической революцией, давшей миру и невиданные масштабные источники энергии, средства связи и транспорта, автоматизированного расчета и управления масштабными природными и социальными процессами.

На волне НТР сама наука превратилась в большую социальную систему, генерируя новые институты работы со знанием – прикладную науку, научные разработки. В итоге в развитых странах мира стали складываться национальные научно-инновационные системы и сети, быстро продвинувшись на уровень надгосударственных систем. Отражая эти процессы, социологи, экономисты, науковеды в конце XX в. – начале XXI в. выделили и обрисовали основное ядро научно-прогрессивного развития, существенно и направленно влияющее на социальное развитие – NBJCS-комплекс (нано-, био-, информационные, когнитивные, социально-гуманитарные технологии, развивающиеся на базе фундаментальных и прикладных научных исследований) (Владленова, 2011). Тем самым на всех уровнях развития была зафиксирована чрезвычайная значимость научно-инновационных процессов и продуктов, обусловленная целенаправленными научно-когнитивными детерминантами.

И, справедливости ради, следует обратить внимание на то, что целостный облик общества ближайшего будущего в данном контексте видится не столько как «информационное общество», «общество знаний», «постиндустриальное общество» и т.п., а, скорее как общество, развивающееся в системе NBJCS-комплекса. Предчувствуя в свое время наступление времени тотального онаучивания, В.И. Вернадский и Тейяр Де Шарден, ввели концепт «ноосферы». Он как раз и был призван обозначить переход к осознанному регулированию социоприродных и социальных процессов на глобальном уровне, базируясь на научной рациональности нового типа.

Ныне развитие инновационных процессов во всех сферах социума, базирующихся на научных исследованиях, расширяется и ускоряется. Правда нормативно-правовая и концептуальная интерпретация этих процессов

продолжает оставаться асимметричной, охватывающей, прежде всего, научно-технические и научно-инженерные виды деятельности. Это видно по существующим трактовкам в законодательной базе и определенной размытости в интерпретации инноваций в социогуманитарной сфере (Старостин, Денисенко & Тованчова, 2019, стр. 245–247). Скорее всего социально-гуманитарная сфера не только как бы «отстает» от научно-инженерных областей развития в плане организации исследований, но и обладает серьезной спецификой. Но, тем не менее, в последние годы появилось множество разработок в сфере «инновационной экономики и менеджмента», «инновационной политики» и «инноваций в культуре» (См.: Старостин, 2012), что и дает основание говорить, в том числе и о «властных инновациях» как продукте, технологиях политико-управленческого воздействия на разных уровнях политического управления, апробированных на разных объектах и предложенных различными научными, экспертно-мозговыми центрами крупных ТНК, межгосударственных и государственных организаций.

Мы отметили тот факт, что властные инновации – это, скорее всего, продукт второй половины XX века, когда степень развития социально-гуманитарного знания достигла достаточного уровня зрелости, чтобы его опытная, эмпирическая база позволила смоделировать достаточно точно не только ближайшие, но и среднесрочные и долгосрочные их последствия. Пожалуй, уже в первой половине XX века это стало ясно. И наиболее яркими и масштабными примерами стали социально-политическая революция в России и начало строительства социального государства. А в экономической области – это великий кризис и великая депрессия конца 1920-х – начала 1930-х годов, заставившая вести активный поиск в сфере стратегического менеджмента.

Вскоре мы сталкиваемся с фундаментальным исследованием К. Поппера «Открытое общество и его враги» (1945 г.), в котором, пожалуй, впервые объемно вводится и репрезентируется концепт «социальной технологии» (Поппер, 1992). А вместе с тем дается «правильная» и «неправильная» трактовка социальной технологизации управления обществом (холистские и частичные технологии).

Обращаясь к современной социально-гуманитарной инноватике, активно опирающейся на деятельность крупных научных институтов гуманитарного профиля и «мозговых центров», отметим, что к этой сфере относятся такие виды продуктов, как социальные и гуманитарные технологии; методы и методика социального проектирования и планирования; методы и технологии социального управления и управления поведением (PR, GR, HR-технологии) и др. Касательно властных инноваций следует обратить внимание на известные разработки С. Найа в его книге «Будущая власть. Как стратегия умной силы меняет XX век» (Най, 2014), где вводятся концепты «твердой силы», «мягкой силы» и их сочетание – «умной силы».

Весьма важное значение приобрели также методы социально-технологического манипулирования в политике, принадлежащие Д. Шарпу (Шарп, 2012), в

настоящее время получившие развитие на базе социально-информационных платформ.

Важным направлением действия властных инноваций выступает их использование властвующими элитами (можно также говорить и об их задействовании в действиях контрэлит). Причем, элитами рамочной идейно-мотивационной ориентированности: не только прогрессистскими, устремленными замыслами в будущее, но и консервативными. Подчеркнем особенности использования инноваций консервативными элитами. Кажется, что это сочетание противоестественно – инновации и консерватизм. Однако это противоречие кажущееся. Ибо инновации как область прикладных исследований и разработок, в отличие от фундаментальной науки, изначально несут в себе ценностно-целевую нагруженность или социальный заказ определенной направленности. Она в свою очередь зависит от проблем и задач социального управления, стоящих перед субъектом управления. В частности, такая «озадаченность» может определять, например, разделение социально-гуманитарных инноваций на «белые», «серые», «черные» (Старостин, 2018, стр. 325–326). Они могут явно содействовать прогрессивным изменениям и, напротив, «замораживать», тормозить ход социальной эволюции.

Соответственно и консерватизм властвующих элит с нашей точки зрения может проявляться в таких ипостасях, как: а) фундаментально-ценностная характеристика субъектности элит, направленная на поддержание «устоявшихся», общезначимых, «опорных» социальных тенденций и проявлений или б) характеристика социально-ролевого властного позиционирования, берущая за основу задачи удержания власти, властных рычагов и инструментов воздействия, опирающихся прежде всего на манипулятивные и репрессивные воздействия.

В деятельности современных политических элит мы встречаем и то, и другое. В государствах с длительной демократической эволюцией и сложившейся демократической культурой всегда есть предложения «на трон» как со стороны консервативных, так и либеральных кругов (кланов), формирующих консервативные властвующие элиты. Но в современном динамичном обществе традиционный укорененный консерватизм требует модернизации, нового властно-технологического оснащения. Поэтому приходится вести научно-инновационный поиск именно в этом направлении, развивая и определенные сегменты демократической культуры.

Молодые демократические режимы с неустоявшейся политической культурой чаще стараются опираться на инновационно-манипулятивный инструментарий политического управления. Они-то по преимуществу и создают образ маргинально-консервативных элит, которые-то собственно не являются ни консервативными, ни либеральными. Именно такой облик сформировался в последние три десятилетия на постсоветском и восточно-европейском политическом пространстве.

Что касается современной России, то ее властвующие элиты за постсоветский период серьезно обновились, но так и не вышли из маргинальной полосы ныне социально-ролевого консерватизма (Старостин, Понеделков & Швец, 2016). Эта система позиционирования стремительно закрепились буквально за первое постсоветское десятилетие. Но она не генерировала широко востребованных ценностно-целевых установок и ценностей, ограничившись локальной приватизацией общей собственности и политической власти. Пока не создана устойчивая система массовой мотивации на поддержку новых «демократических» элитных кругов.

Ведущим мотивом массового слоя и гражданского общества остается установка на социальную справедливость, социальную ответственность, устойчивый баланс интересов базовых социальных слоев и групп, значимую социальную динамику, которая была ориентирована на системную (экономическую, политическую, социальную, культурную) демократию. Попыткой изменить сложившееся положение выступает новая редакция Конституции РФ. Но это пока еще во многом декларативное предложение. Реального образа нового российского общества и его перспектив развития пока нет.

Что касается анализа динамичных изменений в современном социуме, то следует зафиксировать, во-первых, значимую взаимозависимость активной, авангардной его части и более инертной его части и, во-вторых, усиление активно-проектного воздействия авангардной и элитной его части на эволюцию массовых слоев, что позволяет говорить о продолжающемся процессе социальной цефализации (усиление влияния целенаправленного регулирования и управления) и проявлении симптомов ноосферизации. Иначе, говоря о переходе к более высоким и сложным уровням субъектного воздействия (прежде всего за счет деятельности новых генераций элит) на всех уровнях организации и институализации социума: глобальном, национально-государственном, локально-территориальном, что в итоге усложняет и методологические подходы к пониманию новых этапов социальной эволюции, постепенно смещая акценты с классических объект-объектных (на уровне социума) и субъект-объектных схем детерминации – к субъект-(объект-объектным) и субъект- (субъект-объектным) нелинейным подходам (Альбеков, Старостин & Ильин и др. 2018, стр. 13–14), в том числе применимых в рамках элитологической парадигмы и новых ее неклассических форматов.

Вместе с тем следует обозначить и подчеркнуть ряд проблем, рисков, трудностей и даже «границ роста» в этих взаимосвязанных (элиты – массовый слой) и внутриэлитных интеракциях. Укажем на наиболее значимые из них, обозначившие траекторию становления неклассического элитогенеза.

1. В свое время Э. Тоффлером был обозначен и описан парадокс «шока от будущего»: нарастающее «набегание» будущей социальной реальности на все более отстающие от нее реалии настоящего, сдвиг от межпоколенческих к внутрипоколенческим изменениям. Как говорил сам Э. Тоффлер, данноесоциомоположение уже не может соразмерно быть отражено в жанре утопии

(оптимистичного прогноза и взгляда на грядущие изменения) и антиутопии (пессимистичный взгляд). Зазор, разбег между настоящим и грядущим становится все меньшим и, практически, исчезает. Поэтому рождается жанр проктопии, рамки которой все более востребуют так называемую футурологическую социализацию: формирование умений и компетенций для жизни одновременно в двух, а то и трех мирах – настоящем, близкофутурологическом и отдаленнофутурологическом, что не заложено в антропологические механизмы, связанные с поколенческими и межпоколенческими ритмами и циклами, и что требует определенной поддержки неантропологическими механизмами и инструментами. В особенности это касается авангардно-управленческой и элитной части социума. В традиционном, индустриальном и раннепостиндустриальном обществе сформировался запрос на смену элит в относительно разряженном межпоколенческом пространстве. Обычно говорят об элитогенезе в рамках смены, как минимум 3-4 поколений. Ко времени «шока от будущего» таких временных зазоров более не дано. Техничко-технологическая эволюция востребует 3-4 смены уже в рамках одного поколения. И расчеты показывают, что кривая скорости эволюции цивилизации в районе 2045 года устремится к бесконечности (Дубровский Д.И. (ред.), 2013). Необходимо подключение социальной группы, претендующей на элитные позиции, к некоему интерфейсу, сопровождающему ее и обеспечивающему регулятивные воздействия в описанных глобально-неравновесных и переходно-критических состояниях социума и, соответственно, новая концепция и технологии формирования таких интерфейсных элит (Гиренок, 2021). На данный момент видится, что ускорение элитогенеза в условиях симбиоза антропологических, социокультурных и технико-технологических кодов и перехода к человеко-компьютерным системам ведут к имитации элитного позиционирования и его трансформации в какие-то не антропологические и постгуманистические формы.

2. Другое противоречие генерируется расщеплением социально-структурных и социально-ролевых (представительских, исполнительских, пенальтируемых) характеристик элит и элитных групп. Им соответствует композитная (составная) элитная идентичность и конституэнтная элитность. Иногда таких элитных представителей обозначают «и.о. элита». Иначе говоря, это некая скользящая элитность: группы лиц, занимающих элитные позиции и уполномоченные менять их в разных функциональных управленческих позициях, способные принимать тактические, распорядительно-управленческие решения, но не стратегические. Нечто похожее можно было наблюдать со второй половины XX в. в бизнесе, когда целый ряд представительских и распорядительно-управленческих функций был делегирован топ-менеджерам, что получило название «революции менеджеров» и способствовало ускорению развития менеджмента за счет своеобразного управленческого разделения труда. Позже это повторилось в политике, когда сформировалась модель политического менеджмента.

Ныне данная двух-трехуровневая модель элитности получила как бы универсальное распространение. Но вместе с ней в деятельность элит были привнесены и определенная дифференциация и ограничения, связанные со стратегией и тактикой управленческих действий и властными решениями.

3. Третье противоречие связано со вторым и как бы продолжает его в рамках публичных и непубличных действий. В последние десятилетия рубежа XX и XXI столетия усилились процессы глобализации, обусловленные быстрым ростом транснациональных компаний и транснационального капитала, что привело к анонимизации политических и бизнес-элит, чьи интересы начали заметно расходиться с определенными национально-государственными интересами, но накладывались на интересы союзов государств и групп государств, порой конкурирующих и даже враждебных друг другу. Сформировались и самостоятельные, независимые от государств или крупных национальных компаний сферы интересов. Вот здесь-то и стало важным скрыть или загерметизировать представительские и стратегические позиции реальных элитных групп. Начались поиски мирового правительства, «глубинного государства» и, соответственно, «глубинных элит» (Тованчова & Старостин, 2020). Точное знание об их наличии и конкретной идентификации стало недоступным не только общественному мнению, но и экспертным центрам и даже специальным службам.

4. Об этой фракции глобальных и национальных элит следует сказать особо, ибо, как и в случае расщепления функций по обладанию и обслуживанию власти и богатства в ведущих странах мира опережающими темпами, в особенности со второй половины 50-х гг. XX в. развивались спецслужбы. Вначале они обслуживали интересы доминирующих политических и бизнес-элит в рамках тайных, засекреченных операций в сфере межгосударственных отношений, ведению разведки на территориях государств-конкурентов и на собственной, поддерживали крупные акты по подрыву государственной власти в странах-противниках. А потом «хвост» все чаще стал вилять «собакой», осуществляя акции по смене лидеров и элитных групп на тех, кто оказывался выгоднее элитному слою или группе в спецслужбах. Они входили в число ведущих политических и экономических акционеров, а затем стали выстраивать и свои интернациональные и тайные закрытые элитные альянсы, прибирая к рукам власть и собственность в глобальных и национальных масштабах. Весьма определенно об этом написал уже в конце 1990-х – начале нулевых наш известный политолог А.С. Панарин. «По некоторым данным, глобалисты из спецслужб получили в результате приватизации 1992 года около 65% всей бывшей государственной собственности» (Панарин, 2000, стр. 45). О скрытом альянсе элитных политиков, олигархов и руководителей спецслужб давно пишет известный историк А.И. Фурсов, представитель новой сферы знаний – криптоаналитики – И.И. Смирнов и ряд других исследователей, подчеркивающих быстро нарастающее влияние относительно новой элитной фракции – криптоэлит.

Криптоаналитический анализ показывает, что «именно в период с 1965 по 1975 гг. произошли события, в значительной степени обусловившие лицо современного мира. Во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х годов сформировались многие нынешние тенденции, однако ключевая точка, или, как теперь принято говорить, точка полифуркации, достигнута не была. Она пришлась на период с 1979 по 1993 гг.» (Смирнов, 2020, стр. 473). Новая миссия глобальных криптоэлит выросла из функции спецслужб, направленной на налаживание закрытых каналов взаимодействия национальных элит по обеспечению проблем безопасности и предотвращению смертоносных межгосударственных конфликтов в условиях «границ роста войны». Впоследствии эта функция позволила оформить самодостаточное позиционирование криптоэлит и выход на публичные властные позиции их представителей, прежде всего в США, СССР и постсоветской России.

5. Похожий процесс набирает силу и темпы в области сферы информационных коммуникаций. Здесь элитная группа владельцев и менеджеров СМИ, компьютерных компаний и владельцев инфраструктуры, обслуживающей Интернет и другие электронные коммуникации, все более отчетливо занимает позиции глобального регулятора политических и экономических процессов и событий. Функции по обеспечению взаимодействия реальных элит с виртуальной реальностью обособились в самодостаточную сферу информационной и информационно-постановочной платформы и, соответственно сформировался капитал информационно-виртуальных платформ, сопоставимый с возможностями капитала реальной экономики и финансовым капиталом.

Элиты сферы виртуальных интеракций ныне вполне конкурентоспособны по своим управленческим возможностям с элитами власти и богатства (бизнеса).

6. Нельзя не отметить, что новые волны глобализации и государствообразования генерировали не только «пучок» глобальных инноваций, но и сопутствующие им социально-массовые движения и репрезентирующие их соответствующие протоэлитные группы (Старостин, 2021). Их возникновение обусловлено как неоднократным переформатированием межгосударственных и глобальных отношений, проявившихся в процессе развертывания и смены нескольких волн государствообразования и двух волн глобализации после окончания Второй мировой войны.

В «пучок» таких социальных взрывов глобального масштаба можно отнести, по меньшей мере, 7 масштабных процессов-катаклизмов: 1) социально-демографический «взрыв», проявившийся практически на всех континентах и обусловивший в течение 3-4 десятилетий резкое омоложение во многих десятках развивающихся государств и резкое снижение медианного возраста населения до уровня менее 25 лет. Между тем ряд исследований показал, что при таких возрастных характеристиках вероятность социальной нестабильности и вхождения в предреволюционную фазу резко возрастает и в 9 из 10 подобных стран случаются массовые бунты, революции и госперевос-

роты. Естественно, что «восстание масс» по социально-демографическим показателям обеспечивает выдвижение новых элит, по-преимуществу молодежных. Кстати говоря, в России 1917 года медианный возраст составлял как раз 25 лет, а в современной – около 40 лет; 2) миграционный «взрыв», обусловленный как избыточным ростом демографических факторов, так и недостаточной социально-экономической развитостью, слабостью «среднего класса», обуславливающего развитие стабилизирующего социального и политического контекста; 3) гендерный «взрыв», предпосылки которого были заложены прежде всего в крупнейших экономических кризисах и войнах XX столетия, потребовавших и женское массовое экономическое, и политическое участие с выдвижением нового типа лидеров и элитных групп в ожидаемых и в неожиданных форматах; 4) расово-этнический «взрыв», обусловленный и государствообразованием, и обострением поисков новой идентичности, и генерирующий новые политические элиты и ускоряющий локально-цивилизационные процессы; 5) политико-террористический и политико-экстремистский «взрыв», будирующий поиск новой социально-религиозной и политической идентичности и поддерживающей эти процессы новой волны государствообразования или приобретающей квазигосударственные формы; 6) «цветные революции», зачастую пересекающиеся с рядом уже обозначенных взрывных фокусов и направляющие массовые поиски в русло новой государственности, берущей за ценностно-идеологическую основу образцы некоторых субкультур, адаптированных к интересам «революционных» масс; 7) социально-сетевой, опирающийся на виртуальную субкультуру, опирающуюся также на определенные локальные модели и образцы.

Перечисленные элементы социально-массовых новых движений генерирует, безусловно, как и исходные, известные образцы «восстания масс» и протоэлитные образования, группы, берущие за основу механизмы реализации «исторического нетерпения», форсированного формирования элитных групп, урезая весь пакет механизмов элитогенеза до минимального состава (например, ограничиваясь социально-иерархическим позиционированием). Как говорил в свое время В.И. Ленин, полемизируя с Сухановым, Плехановым и рядом других социал-демократов, сетующих на неготовность России к решению многих задач социально-экономического и культурного развития, – а кто нам мешает устранить форсированно эту недостаточность, опираясь на механизмы захваченной государственной власти и опираясь на диктатуру пролетариата (читай: «гендерную, молодежную, теократическую, националистическую, социально-сетевую и иную диктатуру»).

Обозначенные элитные типы, большинство из которых следует отнести к новой неклассической элитности, появились в ходе крупнейшего метасоциального метафоризма, охватившего и процессы национально-государственного, и локально-цивилизационного, и глобального уровня. Они, несомненно, требуют на каждом своем уровне и философско-мировоззренческого, и методологического осмысления, о чем весьма убедительно написали основатели

«Римского клуба» в своем юбилейном докладе 2018 г. (von Weizsaecker & Wijkman, 2018).

На что следует обратить внимание в первую очередь? Начался интенсивный процесс, затрагивающий все уровни элитного сообщества, поиска новых властно-институциональных порядков. Ключевым концептом здесь выступает именно концепт «порядок»: мировой, локально-цивилизационный, национально-государственный. Что имеется в виду?

Относительно глобального уровня он характерен нарастающим процессом рассогласования между основными его секторами: экономическим, политическим, социально-экологическим. Постепенным переходом от двухполюсной модели глобализации – к однополюсной (90-е гг. XX в.), а затем – началом формирования многополярной модели (начало нулевых – настоящее время). В итоге обозначились новые форматы глобальной неустойчивости. Наблюдая, например, глобально-политический сектор, известный политик и политический

теоретик

Г. Киссинджер обозначил в качестве балансирующей роли и миссии мирового порядка Вестфальскую систему договоренностей, сформированную еще в XVII веке в Европе, основанную на конструкте «государственный суверенитет», продолжающую действовать по сей день. Она подкорректирована в XX веке Версальскими и Ялтинско-Потсдамскими договоренностями и определяет современный мировой порядок (Киссинджер, 2021, стр. 11-22), основываясь на институте ООН и связанных с ней международных организациях и договоренностях.

Однако, благодаря появлению новых неклассических элит, о которых речь шла выше, этот порядок стал давать существенные сбои. И что делать далее, когда мир вышел на уровень глобальных границ существования, когда развитие «мирового порядка» лишь временно может быть приторможено действием регулятив «устойчивого порядка» и «устойчивого развития»?

Г. Киссинджер полагает, что «в этот момент истории и произойдет модернизация Вестфальской системы за счет наполнения ее современными реалиями» (Киссинджер, 2021). Но так ли это? И есть ли другие ответы? Думается, что пока не затронут важнейший аспект – «субъект порядка». А им выступают новые неклассические элиты и их глобальные интересы (Чумаков, 2018, стр. 309-319). Нужны и новые модели не только институционального (Норт, Уоллис & Вайнгаст, 2011, стр. 56-61, 426-439), но и деятельностного порядка. Определенной точкой отсчета здесь может послужить глобально-ролевой подход (Старостин, 2020а, стр. 416-422).

Поиск новых форматов мирового порядка не исключает и выводит на новый уровень взаимоотношений с порядками национально-государственного уровня. Здесь, с одной стороны, обозначился выход на принцип глобальной субсидиарности (в особенности в контексте экономических и военно-политических партнерских альянсов государств). А с другой, продолжающийся интен-

сивно процесс государство образования предъявляет новые требования к принципу государственного суверенитета (Лобова & Тованчова, 2021).

Поэтому нарастает потребность в поиске не только моделей мирового порядка, но и новых моделей государственности, ориентированных не столько на абсолют государственного суверенитета и монополию государственного насилия, сколько на монополию в области поддержания стабильности государственной системы, обеспечения личной и социальной безопасности; создания условий для личностной и групповой реализации, создания оптимальных условий устойчивого развития социума и государства. Такую модель можно назвать ордерной. Она дополняет и, возможно, идет на смену двум другим базовым моделям государства: административно-бюрократической и политико-менджеральной (Старостин, 2020б).

Не претендуя на исчерпывающее определение, отметим: ордерная модель – это своеобразная «машина» организации нового социально-политического порядка в полицентричном мире, гарантирующая личностную и социальную безопасность и защищенность; массово значимый пакет мер по обеспечению социальной справедливости (антинеравенство); паритетное взаимодействие с властью и диалог с нею и различные возможности личностной и социальной самореализации.

Список литературы

- Weizsaecker, E. V. & Wijkman A. (2018). *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer.
- Альбеков А. У., Старостин А. М., & Ильин И. В. др. (2018). *Философия образования в глобальном и национальном измерении* (с. 311). РГЭУ (РИНХ).
- Владленова И. В. (2011). *Будущее науки: Формирование NBIC-конвергентной парадигмы. Будущее фундаментальной науки*.
- Гаман-Голутвина, О. В. & Патрушев С. В. (2018). *Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: Традиция, рецепция и новация*. Изд-во РОССПЭН.
- Гиренок Ф. И. (2021). *Введение в сингулярную философию*. «Проспект».
- Д. Шарп. (2012). *От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения*. Новое изд-во.
- Джозеф, Н. С. (2014). *Будущее власти*. АСТ.
- Дубровский Д. И. (2013). *Глобальное будущее 2045: Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция*. В Науч. Совет Стратегического общественного движения «Россия 2045» (с. 271). Изд-во МБА.
- Дука А. В. (2014). *Власть и элиты: Т. Т. 1-5*. СПб. doi: 10.31119/pe.2017.4.8
- Киссинджер, Г. (2021). *Мировой порядок*. Изд. АСТ.
- Лобова Л. А. & Тованчова Е. Н. (2021). *Государствообразующие процессы в условиях современной волны глобализации. Ученые записки*, 1. С. 204–208. doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-204-208

- Лунев А.П. & Карабущенко П.Л. (2017). Элиты и лидеры: Стратегии формирования в современном университете. Материалы международного конгресса. Издательский дом «Астраханский университет».
- Норт Д., Уоллис Д., & Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Изд-во Института Гайдара.
- Панарин А.С. (2000). Искушение глобализмом. Русский национальный фонд.
- Понеделков А.В. & Старостин А.М. (1998). Введение в политическую элитологию.
- Поппер, К. (1992). Открытое общество и его враги: Т. 1-2.
- Рудой В.В. (2013). Элитология России: Современное состояние и перспективы развития: Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием: Т.1. Изд-во ЮРИФ РАНХиГС.
- Рудой В.В. (2022). Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: Новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества (А.В.Понеделков гр. & А. Ю. Голобородько/, Ред.) с. 512. Изд-во ЮРИУРАНХиГС.
- Смирнов И.И. (2020). Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. Изд-во КМК.
- Старостин А.М. (2012). Философия социально-гуманитарных инноваций в контексте философской прагматики. Дониздат.
- Старостин А.М. (2018). Исследовательская философия. Изд-во РГЭУ (РИНХ).
- Старостин А.М. (2020а). Будущее России и мира: Глобально-ролевой подход—Возможные сценарии будущего России и мира: Междисциплинарный дискурс. doi: 10.46865/978-5-901640-34-0-2020-416-422
- Старостин А.М. (2020b). Контуры политического управления в условиях нового российского конституционного порядка: Национальный и глобальный аспекты. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 1, 143-147.
- Старостин А.М. (2021). Глобальные инновации как предпосылки продвижения к новой социальной реальности. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 11, 143-147.
- Старостин А.М., Денисенко И.Ф., & Тованцова Е.Н. (2019). SOFT-power и sharp-power: Новые технологии влияния в процессе современной глобализации. Управление Государственное, Муниципальное и Корпоративное: Теория и Лучшие Практики.
- Старостин А.М., Понеделков А.В., & Швец Л.Г. (2016). Феномен маргинализации в современном российском элитогенезе. Власть, 24(1).
- Тованцова Е.Н. & Старостин А.М. (2020). Транспарентность и герметичность в современном политическом управлении: Риски, балансы во взаимодействии и условия реализации. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 7, 143-146.
- Чумаков А.Н. (2018). Глобальный мир: Столкновение интересов. Изд-во «Проспект».
- Шутов А.Ю. (2016). Элитология и стратегии развития современной России. Второй всероссийский элитологический конгресс с международным участием: Т.1. Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Шутов А.Ю. (2019). Российская элитология: Инновационные ответы на вызовы современного мира: Т.1 (с. 480). Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.

References

- Albekov A. U., Starostin A. M., & Ilyin I. V. (2018). Philosophy of education in the global and national dimension: Monograph (p. 311). RGEU (RINH). (In Russian).
- Chumakov A.N. (2018). Global world: Clash of interests. Publishing house «Prospect». (In Russian).
- Dubrovsky D.I (Ред.). (2013). Global Future 2045: Convergent technologies (NBICS) and transhumanist evolution / . B Nauch. Council of the Strategic Public Movement «Russia 2045» (p. 271). MBA Publishing House. (In Russian).
- Duka A.V. (2014). Power and elites: V. 1-5. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O. V. & Patrushev S.V (Ed.). (2018). Trends and problems of the development of Russian political science in the global context: Tradition, reception and innovation (p. 477). ROSSPEN Publishing House. (In Russian).
- Girenok F.I. (2021). Introduction to singular philosophy. Prospect. (In Russian).
- Joseph, N. S. (2014). The future of power. AST. (In Russian).
- Kissinger, G. (2021). World order. Ed. AST. (In Russian).
- Lobova L.A., & Tovanchova E. N. (2021). State-forming processes in the conditions of the modern wave of globalization. Scientific notes, 1, 204-208. doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-204-208 (In Russian).
- Lunev A.P. & Karabuschenko P.L. (2017). Elites and Leaders: Formation Strategies in the Modern University. Materials of the international congress (p. 364). Astrakhan University Publishing House. (In Russian).
- North D., Wallis D., & Weingast B. (2011). Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of mankind. Publishing House of Gaidar Institute. (In Russian).
- Panarin A.S. (2000). The Temptation of Globalism. Russian National Fund. (In Russian).
- Ponedelkov A.V. & Starostin A.M. (1998). Introduction to political elitology. Rostov n/a. (In Russian).
- Popper, K. (1992). The Open Society and Its Enemies: V. 1-2. (In Russian).
- Rudoy V.V. (2013). Russian elitology: Current state and development prospects: Materials of the First All-Russian elitological congress with international participation (V. 1, p. 928). Publishing House of the RANEPa Jurif. (In Russian).
- Rudoy V.V. (2022). Power and elite in the era of digital transformation: New challenges and threats, trajectories of socio-political development of modern society (ed. by Rostov-on-Don, V. V. A. V. Ponedelkov, & Ay. Goloborodko, Ed.) p. 512. Publishing house of YURIURANHIGS. (In Russian).
- Sharp, D. (2012). From Dictatorship to Democracy: Strategy and Tactics for Liberation. New publishing house. (In Russian).
- Shutov A.Yu. (2016). Elitology and development strategies of modern Russia. The Second All-Russian Elite Congress with International Participation (V. 1, p. 928). Publishing house of YURIU RANEPa. (In Russian).
- Shutov A.Yu. (2019). Russian elitology: Innovative responses to the challenges of the modern world: Materials of the Third All-Russian Elite Congress with international participation February 15-16, 2019, Rostov-on-Don: T. V (A.V. Ponedelkov et al. Ed.-ed. by: O.V. Lokota, Ed.; Issue 1, p. 480). Publishing house of YURIU RANEPa. (In Russian).

- Smirnov I.I. (2020). Paths of history. Cryptanalyst of deep power. KMK Publishing House. (In Russian).
- Starostin A.M. (2012). Philosophy of social and humanitarian innovations in the context of philosophical pragmatics. Donizdat. (In Russian).
- Starostin A.M. (2018). Research Philosophy. Publishing House of the Russian State Economic University (RINH). (In Russian).
- Starostin A.M. (2020a). Outlines of political governance in the context of the new Russian constitutional order: National and global aspects. Science and Education: Economy and Economy; Entrepreneurship; Law and Man-Agement, 1, 143–147. (In Russian).
- Starostin A.M. (2020b). The future of Russia and the world: A global role approach—Possible scenarios for the future of Russia and the world: An interdisciplinary discourse. M. doi: 10.46865/978-5-901640-34-0-2020-416-422 (In Russian).
- Starostin A.M. (2021). Global innovations as prerequisites for moving towards a new social reality. Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management, 11, 143–147. (In Russian).
- Starostin A.M., Denisenko I.F., & Tovanchova E.N. (2019). SOFT-power and sharp-power: New technologies of influence in the process of modern globalization. State, Municipal and Corporate Governance: Theory and Best Practices. (In Russian).
- Starostin A.M., Ponedelkov A.V., & Shvets L.G. (2016). The phenomenon of marginalization in modern Russian elitogenesis. Power. V, 24(1). (In Russian).
- Tovanchova E.N., & Starostin A. M. (2020). Transparency and integrity in modern political management: Risks, balances in interaction and conditions for implementation. Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management, 7, 143–146. (In Russian).
- Vladlenova I.V. (2011). The Future of Science: Shaping the NBJC Convergent Paradigm. The Future of Basic Science. (In Russian).
- Weizsaecker, E. V. & Wijkman A. (2018). Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer.

Elithological Constructs in N.V. Gogol's «Selected Passages from Correspondence with Friends»

Elena E. Zavyalova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

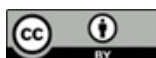
E-mail: zavyalovaelena[at]mail.ru

Abstract

The material for the study was the last published by N.V. Gogol book. The goal was to identify elitistological constructs in the work. The first conclusion concerns the figure of the author placed in the foreground. The writer is sure that his personal experience of ascent to God must be passed on to people. He mythologizes his biography, demonstrates prophetic features and assumes the role of the messiah. Further, the serious significance of the principle of hierarchy. During the analysis of «Selected Passages...» it is established that the writer is convinced of the innate superiority of some people over others. Among the «natural» factors of society stratification, the author singles out gender, age, state of health, mental abilities, and beauty. Estate, rank, position, in his opinion, are given by God, in no case should you try to change the existing order, because from above the inclinations corresponding to the calling are wisely distributed. The measure of responsibility of the superiors is many times greater than that assigned to the lower strata of society. The top of the social pyramid is represented by the king, the mediator between heaven and earth. The last part of the article is devoted to the writer's ideas about the exceptional position of Russia on the world stage. The arguments are considered, by which N.V. Gogol proves the special fate and unique mission of the Russian people. The triad of higher principles is indicated, which, according to the author, bring salvation: Orthodoxy, autocracy and art.

Keywords

N.V. Gogol; elitism; hierarchy; social stratification; estate; patriarchy; monarchism; Orthodoxy; theocratic state; automythologization.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Элитологические конструкты в книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»

Завьялова Елена Евгеньевна

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: zavyalovaelena[at]mail.ru

Аннотация

Материалом для исследования послужила последняя опубликованная Н.В. Гоголем книга – «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Целью стало выявление элитологических конструктов в произведении. Первый вывод касается фигуры автора, помещённой на переднем плане. Писатель уверен, что пережитый им личный опыт восхождения к Богу необходимо передать людям, это поможет избавить русский народ и человечество в целом от страшной участи. Он мифологизирует свою биографию, демонстрирует профетические черты и принимает роль мессии. Далее речь ведётся о гоголевской поэтике: склонности к столкновению противоположностей, вертикальной ориентации художественного пространства, частотности образа лестницы. Подтверждается серьёзное значение принципа иерархичности в авторской картине мира. В ходе анализа «Выбранных мест...» устанавливается, что писатель убеждён во врождённом превосходстве одних людей над другими. Среди «естественных» факторов стратификации общества автор выделяет пол, возраст, состояние здоровья, умственные способности, красоту. Во взглядах на идеальное устройство семьи Н.В. Гоголь близок к патриархальной традиции. Сословие, чин, должность, по его мнению, даются Богом, стараться изменить существующий порядок ни в коем случае нельзя, потому что свыше мудро распределены соответствующие призванию наклонности. Мера ответственности вышестоящих в разы превышает ту, что возлагается на низшие слои общества, начальники обязаны заботиться о своих подчинённых. Вершину социальной пирамиды представляет царь, посредник между небом и землёй. Последняя часть статьи посвящена представлениям писателя об исключительном положении России на мировой арене. Рассматриваются доводы, с помощью которых Н.В. Гоголь доказывает особую судьбу и уникальную миссию русского народа. Обозначается триада высших начал, которые, по мнению автора, несут спасение: православие, самодержавие и искусство (конкретно – литература, живопись, театр).

Ключевые слова

Н.В. Гоголь; элитарность; иерархичность; социальная стратификация; сословие; патриархальность; монархизм; православие; теократическое государство; автомифологизация.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
[Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

«Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) – последняя опубликованная Н.В. Гоголем крупная работа. Т.А. Кулакова отмечает, что в произведении «воплотились итоги глубокой и драматичной внутренней жизни автора» (2010, стр. 43). В.А. Воропаев уточняет: здесь, «как в фокусе, собраны и сконцентрированы все проблемы его писательской и личной биографии» (2014, стр. 8). Книга состоит из писем, обращённых к разным адресатам; ряд посланий – переработанные «настоящие», другие специально сочинены Н.В. Гоголем для издания. Убедительно доказано, что это не просто сборник корреспонденции: «беглый дневниковый набросок, запись факта, эпистолярное сообщение преобразуются в принципиально новое качество – в явление литературы» (Барабаш, 1993, стр. 15).

Идеи, концепции, проекты, которые писатель десятилетиями вынашивал в голове, ноне воплотил в художественных образах,¹ были изложены напрямую – путём обращения к уникальной жанровой форме. Программа социального, религиозного возрождения России – гоголевские «Апокалипсис и Домострой», по выражению А. Терца (2009, стр. 39), – одновременно стали попыткой «открыть читателю свой настоящий писательский облик» (Виноградов, 2000, стр. 354).

Правительство настороженно отнеслось к столь необычному проявлению гражданской тревоги, попытка дать властям уроки была воспринята как дерзость. Последовали цензурные купюры (Гиппиус, 2019, стр. 50), текст сократили примерно на треть (Сартаков, 2014, стр. 200). Но и в таком виде «Выбранные места...» вызвали бурную негативную реакцию. Содержанием сборника оказались озадачены люди с самыми различными взглядами: С.Т. Аксаков, П.Я. Чаадаев, О.И. Сенковский, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Н.Ф. Павлов, Д.А. Брянчинов, С.П. Шевырёв, В.Г. Белинский, В.П. Боткин, А.И. Герцен, П.В. Анненков, Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев, Ю.Ф. Самарин, А.А. Григорьев, Н.Г. Чернышевский и многие другие. «Показательно, что с резким осуждением книги Гоголя выступил ряд лично и духовно близких ему людей», – подчёркивает Г.Г. Сильницкий (2010, стр. 47). Редкие похвалы (П.А. Плетнёва, П.А. Вяземского, А.О. Смирновой-Россет) чаще напоминали пристрастные оправдания таланта. Высочайшей защиты не последовало.

Н.В. Гоголь расспрашивал знакомых о реакции окружающих на своё сочинение, живо интересовался печатными отзывами. После его смерти был обнаружен чемодан с кипой вырезок-рецензий; первый биограф классика П.А. Кулиш свидетельствовал: «Он не только находил время читать их, но некоторые даже списывал собственной рукою очень тщательно» (1856, стр. 170). Резкие, категорические суждения не могли обнадёжить автора. Как полагают многие, очередной шквал критики «сломило его волю к сопротивлению,

1 В частности, в запланированных втором и третьем томах «Мёртвых душ».

подточил веру в свой художественный дар» (Сарычев, 2020, стр. 31). В результате писатель отказался от творчества, от мессианских устремлений, что привело к угасанию сил – духовных и физических.

В последствии многие положения «Выбранных мест...» нашли своё продолжение: в религиозно-философских концепциях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьёва, С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, Г.В. Флоровского и др. В начале XX века Д.С. Мережковский заявил об осуществлённом Н.В. Гоголем «переходе русской литературы, всего русского духа от искусства к религии, от великого созерцания к великому действию, от слова к делу» (1991, стр. 247). Так же высоко оценил заслуги писателя К.В. Мочульский: «ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть её с пути Пушкина на путь Достоевского» (2004, стр. 86). Однако позднее «Выбранные места...» вновь были отвергнуты по идеологическим соображениям, теперь уже советскими учёными (Вильнова, 2008, стр. 4). Новый всплеск интереса к произведению пришёлся на рубеж XX–XXI столетий, прежде всего, со стороны представителей православного направления в современном литературоведении (М.М. Дунаева, Е.И. Анненковой, В.А. Воропаева, С.А. Гончарова, И.А. Виноградова, И.А. Есаулова и др.).

На данном этапе по «Выбранным местам...» опубликовано несколько монографий, ряд диссертаций, большое количество статей – по литературоведению, литературной критике, языкознанию, лингвокультурологии, журналистике, богословию, философии, истории, политологии, даже криминологии.¹ Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что книга остаётся малоизученной – в силу причудливой композиции, жанрового синкретизма, мощнейшей интертекстуальной составляющей, симфонизма (порой алогизма) и, конечно, особой содержательной глубины.

В наше время политические, экономические процессы ведут к формированию в России нового соотношения общностей, к преобразованию социальной стратификации. В таких условиях особенно актуальным становится определение вектора общественных изменений и их динамики. Произведение Н.В. Гоголя снова приобретает весьма злободневное звучание. Учитывая культурно-историческую значимость содержащихся в книге выводов, изучение элитологических воззрений писателя видится сегодня принципиально важной задачей.

Страсть любоначала (образ автора)

Сильнее всего читателей в «Выбранных местах...» возмутила роль Духовного отца, которую по собственной инициативе принял на себя Н.В. Гоголь. «Он слишком спесив...» (Чаадаев, 1991, стр. 201), – отмечает П.Я. Чаадаев в письме к П.А. Вяземскому. «Книга <...> проникнута лестью и страшной гордо-

¹ См., например статью: (Харабет, 2019).

стью под личиной смирения...» (Вересаев, 1990, стр. 400), – пишет С.Т. Аксаков своему сыну, И.С. Аксакову.

Большинство биографов полагают, что автор всегда питал страсть к любопытству. И.В. Любич-Романович вспоминал, что ещё в нежинской гимназии Н.В. Гоголь «...производил впечатление человека глубоко занятого чем-то или суровым субъектом, пренебрегающим всеми людьми. Наше [других детей] поведение он считал кичливостью аристократов и знать нас не хотел» (1902, стр. 3). А. Терц, исходя из документальных свидетельств, делает заключение: он с юных лет думал о служебной карьере, статусной должности, «важной кафедре» (2009, стр. 11). И.П. Золотусский констатирует: «Гоголь всегда любил повелевать людьми» (1988, стр. 114).

Ю.Я. Барабаш замечает, что с годами его письма родным делаются всё более нравоучительными, «чем дальше, тем заметнее становятся менторские интонации» (1993, стр. 101). М.М. Дунаев указывает: «Ощущение собственного избранничества владело Гоголем издавна. В моменты духовного перелома оно в нём лишь усиливалось» (2003, стр. 157). По мнению В.И. Шенрока, знакомые (П.В. Анненков, Ф.В. Чижов, Толстые, Апраксины, Смирновы, Виельгорские и др.) развивали в писателе чувство собственной исключительности, «относясь к нему с каким-то слепым подобострастием» (1898, стр. 7). Они спрашивали советов, с благоговением выслушивали рассуждения, нотации, напрашивались на поручения. «Надо полагать, что такое неполучение отпора <...>, – резюмирует историк литературы, – могло только утверждать Гоголя в уверенности, будто он в самом деле находится на истинной дороге» (Там же).

За семь лет до издания «Выбранных мест...» писатель серьёзно переболел.¹ Он не надеялся на выздоровление, готовился к смерти, написал завещание, а исцеление счёл знаком «небесной милости Божией» [Предисловие, 173].² Уверовав, что Господь оставил его в подлунном мире для свершения великих дел, Н.В. Гоголь принялся за «внутреннее воспитание», а через некоторое время, почувствовав себя постигшим тайны спасения, счёл необходимым стать духовным учителем для всего народа.

Писатель был уверен в успехе своего предприятия. Об этом свидетельствуют послания к П.А. Плетнёву, которому он поручил издание сочинения:

«Все свои дела в сторону, и займись печатаньем этой книги <...>. Она нужна, слишком нужна всем – вот что покаместь могу сказать; все прочее объяснит тебе сама книга» (Гоголь, 1952, стр. 91–92);

«Печатай два завода и готовь бумагу для второго издания, которое, по моему соображению, воспоследует немедленно: книга эта разойдётся более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор моя единственная дельная книга» (Там же, стр. 92).

В предисловии автор велит соотечественникам прочитать своё произведение несколько раз, купить дополнительные экземпляры для распростра-

1 Точный диагноз до сих пор неизвестен.

2 Здесь и далее произведение Н.В. Гоголя цитируется по изданию: (Гоголь, 1986), с указанием номера главы и страницы в квадратных скобках.

нения среди бедных [Предисловие, 174]. А после смерти наказывает в срочном порядке опубликовать завещание «во всех журналах и ведомостях» [I, 180]. Как справедливо отмечает Ю.Я. Барабаш, неприличным общественность сочла, прежде всего, то, что Н.В. Гоголь «превратил факт сугубо личной жизни в факт литературы» (1993, стр. 40).

П.А. Вяземский очень наглядно представляет решимость писателя: он «круто своротил с торжественного пути своего и спиною обратился к своим поклонникам» (1982, стр. 172). С.А. Шульц характеризует поведение Н.В. Гоголя как «духовное бунтарство» (1994, стр. 124). Оно коррелировало как со святоотеческой традицией учительствования, так и с романтической идеей противостояния «поэт – толпа». Скажем больше: Н.В. Гоголь предвосхитил символистское понимание художника-заклинателя, демиурга, субъекта аутомифологизации.

Смелость Н.В. Гоголя проявляется не только в готовности выставить свою жизнь напоказ; бесстрашен новаторский подход к форме сочинения. Взять хотя бы стереоскопическое изображение. По наблюдениям Т.А. Кулаковой, «повествователь выступает то как светский писатель и литературный критик, то как философ, духовное лицо, то как мученик» (2010, стр. 45–46). С.В. Бурмистрова называет эту позицию мерцающей: фигура автора помещается «между полюсами проповедника и исповедника, учителя и ученика» (2019, стр. 102). Смена нарратора происходит, как правило, в результате перехода к новому предмету изображения и подразумевает стилистические модуляции.

Наставления часто звучат резко, повелительно. В статье, названной впоследствии «Авторской исповедью», Н.В. Гоголь признаёт «решительный слог и некоторую лирическую торжественность речи» (Гоголь, 1986, стр. 438) в своей книге. Высоким пафосом проникнуты как ключевые фрагменты сочинения, так и – нередко – отрывки, в которых сообщается о частных, бытовых проблемах. Это было очень непривычно для современников классика.

«В русской традиции экспрессивную стилистику использовало торжественное красноречие, но в подобного рода проповедях всегда поднимались крупные религиозные и национально-культурные вопросы, а гоголевская эмоционально-возвышенная стилистика возникает тогда, когда повод к ней кажется совершенно ничтожным», – замечает У.С. Алексеева (1999, стр. 12).

Писатель использует традиционные изобразительно-выразительные средства – тропы и риторические фигуры, хотя их обилие, контрастное расположение позволяет вести речь о воздействии на стиль «Выбранных мест...» барочной традиции. С.А. Шульц обращает внимание на наличие в книге большого количества повторов, лейтмотивов; подспудная центростремительность повествования направлена на важную цель – не столько растолковать, сколько внушить. С этим же связана «витиеватая психологическая нюансировка» (Шульц, 1994, стр. 120): чтобы добиться желаемого эффекта, повествователь¹ прибегает к «лести, назиданиям, укорам, даже угрозам и приказам» (Там

1 Вернее – повествователи.

же). Читатель вынужден покоряться, следовать причудливому течению авторской мысли и волнообразной смене настроений.

Соединение проповеди с исповедью ведёт к замысловатому чередованию торжественно-громогласных интонаций с интимно-покаянными. Перед нами предстаёт то пророк, то великий грешник. К.В. Мочульский заявляет, что самообвинение в «Выбранных местах...» – единственное в своём роде признание в русской литературе, в нём «...слышится дрожь отвращения и упоение позором» (2004, стр. 88). По логике писателя, человек, ориентированный на духовное развитие, всегда чувствует себя ниже других, с радостью принимает роль наставляемого. «Всё становится для него учителем; весь мир для него учитель: ничтожнейший из людей может быть для него учитель» [XII, 220]. Вместе с тем Бог дарует страдания, чтобы придать мудрости, а значит после пережитого праведник-мученик обязан учить других тому, что постиг сам.

И.Д. Ермаков, психоаналитик, изучавший наследие Н.В. Гоголя, пришёл к выводу, что в основе творчества писателя «лежат две противоположные, всегда борющиеся тенденции – самоуничтожения и самовозвеличивания» (1923, стр. 174). Анализ нарративной стратегии «Выбранных мест...» подтверждает выводы профессора. Возможно, истоки таких представлений таятся в особенностях суждений классика о мироустройстве.

Принцип иерархичности в гоголевской картине мира

Одной из самых заметных черт гоголевской поэтики является постоянное столкновение противоположностей – в тропах, портретах, характерах, пейзажах, тональностях, системе персонажей, сюжетных коллизиях, жанровых разновидностях и проч. В «Выбранных местах...» сам автор объясняет этот художественный принцип требованиями закона диалектики: «Словом, храни вас Бог от односторонности! Глядите разумно на всякую вещь и помните, что в ней могут быть две совершенно противоположные стороны, из которых одна до времени вам не открыта» [XIV, 231].

А. Белый доказывает, что такая особенность связана со спецификой «зрения» писателя:

«...Один глаз – дальнозорок; другой – близорук; один – отдаляет; другой – приближает; один – телескоп; другой – микроскоп. Нормальны лишь усилия интерферировать ненормальность: телескоп заставлял дам одевать платья звёздного блеска; микроскоп – видеть зловонными ямами поры кожи; есть миры блеска; и поры кожи – пропасти в микромире; есть действительность обоих видов гипербола; только их нет в нам данной действительности... <...> Двоякий гиперболизм – скрещение двух ножей: в месте сердца» (1934, стр. 267).

С помощью развёрнутой метафоры критик-модернист демонстрирует, как тесно взаимосвязаны характер, мировоззрение, художественный стиль, закономерности поведения и судьба Н.В. Гоголя. В академической форме сходные мысли излагает литературовед В.В. Ермаков: «Пафос художественного мышления Гоголя – это пафос выявления противоположностей и просле-

живания их движения, гибкости их постоянных, непрерывно совершающихся переходов одной в другую, их взаимопереплетения и борьбы, переходов от резкой противопоставленности к неожиданному тождеству и затем к новому, ещё более резкому противопоставлению и т.д.» (1959, стр. 58). Учёный отмечает элементы диалектического мышления фактически на всех формальных и содержательных уровнях гоголевского текста.

Ю.М. Лотман указывает наклонность писателя переходить к изображению трёхмерного пространства, вынося «точку зрения» вертикально вверх (1988, стр. 265). С.В. Вильнова называет книгу «Выбранные места...» «классическим образцом того, как в русском искусстве вечный поиск Истины перенаправляет идею “русской горизонтали” в Небесную вертикаль» (2008, стр. 14). О.А. Пороль и И.И. Просвиркина полагают, что данная направленность позволила автору «соединить несоединимое: небо и землю» (2020, стр. 183). Образ лестницы – один из самых повторяющихся в творчестве Н.В. Гоголя. Сочинение Иоанна Синайского «Лествица», в котором содержится 30 глав – ступеней добродетелей, ведущих к духовному возрастанию, едва ли не любимое богословское сочинение писателя (Тарасенков, 1902, стр. 13). В.А. Воропаев сопоставляя с ним «Выбранные места...», отмечает сходную композицию и направленность:

«восхождение человека от самого низкого, заземлённого состояния – физической или душевной смерти <...> – через победу над страстями и умерщвление в себе “ветхого человека” – к конечной цели – стяжанию духа святого и воскресению» (2018, стр. 105).

На строгую структурную связь и последовательность последней книги классика обращали внимание ещё его современники (Бухарев, 1860, стр. 11). Я.Р. Коздринь доказывает, что «принцип иерархичности является ключевым в этических, гносеологических, онтологических и эстетических взглядах писателя» (2012, стр. 223). Он замечает: одним из самых частотных определений в произведении становится «высший». Дополним это наблюдение: чтобы показать всеохватность того или иного явления, в «Выбранных местах...» Н.В. Гоголь многократно использует конструкции, в которых упоминаются власть предержащий (в первую очередь) и бедняк (во вторую): «от купца до последнего бобыля» [XXI, 263], «от главы, <...> и до последнего труженика» [XXXI, 346], «от царя до последнего нищего» [XIII, 221] и т.п.

Далее речь пойдёт о том, каков, по мнению писателя, порядок ранжирования.

Физико-генетические факторы стратификации общества

Ряд фрагментов в «Выбранных местах...» свидетельствует о том, что Н.В. Гоголь учитывает «естественные», физико-генетические факторы стратификации общества, в частности, серьёзное внимание уделяет возрастным различиям. «...Седина есть уже святыня» [XI, 218], – заявляет писатель; зрелость

именует «летами разумного мужества» [XIV, 230], а юность «увлекающейся» [Там же]. В соответствии с религиозными постулатами автор книги осмысляет опыт болезни и надвигающейся смерти как позитивный, вразумляющий. Выше упоминалось, что именно на этом основании он считает свои выводы достойными всеобщего внимания: «...человек, лежащий на смертном одре, может иное видеть лучше тех, которые кружатся среди мира» [I, 178].

Н.В. Гоголь уверен, что умявляется несомненным достоинством, возвышающим человека над окружающими, эта мысль звучит во многих письмах(см., например, главы «Женщина в свете» [II, 183], «О том, что такое слово» [IV, 186], «О помощи бедным» [VI, 192], «О лиризме наших поэтов» [X, 208], «Споры» [XI, 218], «О театре...» [XIV, 226], третье письмо «...по поводу “Мёртвых душ”» [XVIII, 249], «Нужно проездиться по России» [XX, 261], «Что такое губернаторша» [XXI, 265, 269, 272], «Русской помещик» [XXII, 276, 277], «Чем может быть жена для мужа...» [XXIV, 290], «Близорукому приятелю» [XXVII, 300, 301]). Писатель выстраивает иерархию: «ум – разум – мудрость». Первый, врождённый, рассматривается как способность принимать информацию. Второй, подкреплённый образованием, помогает подавлять страсти, но далеко не всегда позволяет человеку идти вперёд. Третья даруется свыше, она «есть дело высшей благодати небесной» [XII, 220]: мудростью человек наделяется в результате непрестанной душевной работы, «христианство даёт уже многосторонность уму» [XVI, 231].

Несколько раз в «Выбранных местах...» автор заявляет о том, что женщины превосходят мужчин.

«...Подобной мудрости ещё не встречал я ни в ком из нашей братии мужеска пола» [XXVI, 299];
«...женщина скорей способна очнуться и двинуться» [XXIV, 277];
«клянусь, женщины гораздо лучше нас, мужчин. В них больше великодушия, больше отважности на всё благородное; <...> её небесное поприще быть воздвижницей нас на всё прямое, благородное и честное» [XXI, 272].

Разящим орудием воздействия на сильный пол Н.В. Гоголь называет красоту, здесь он явно продолжает находиться подобаянием романтической эстетики: «Красота женщины ещё тайна. Бог недаром повелел иным из женщин быть красавицами; недаром определено, чтобы всех равно поражала красота, – даже и таких, которые ко всему бесчувственны и ни к чему не способны» [II, 182]. С другой стороны, красавицы уже в ранних произведениях писателя наделялись «смертоносной чертой ударности своего бытия» (Терц, 2009, стр. 18), в подобных умозаключениях дают о себе знать давние фобии автора.

Манифестируя лидерство женщин и их безусловное влияние на муж-чин, Н.В. Гоголь на деле отводит прекрасному полу косвенную роль в обществе. Представления об обязанностях хранительницы очага дают о себе знать, например, в главе с примечательным названием «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России».

Здесь указывается, что «жена должна быть помощницей мужа» [XXIV, 293] – обратим внимание на категоричность интонации. Далее писатель сожалеет о стирании гендерных границ (мы используем современную терминологию) и предлагает оригинальный путь решения проблемы: «Нигде я не вижу мужа. Пусть же бессильная женщина ему о том напомнит! Стало так теперь всё чудно, что жена же должна повелеть мужу, дабы он был её глава и повелитель» [XXIV, 294].

Получается, что во взглядах на идеальное устройство семьи автор близок патриархальной традиции.

Сословные компоненты социальной структуры

Мы вынесли в подзаголовок слово «сословный», а не «классовый», потому что для подобной системы стратификации характерна закрытость: права и обязанности групп передаются по наследству, а переход из одной в другую крайне затруднителен. Н.В. Гоголь убеждён: иерархия в обществе определена Богом, а значит менять существующий порядок вещей ни в коем случае нельзя. В главе «Русской помещик» в обращении к землевладельцу¹ автор разъясняет:

«ты уже есть помещик, что ты родился помещиком, что взыщет с тебя Бог, если б ты променял это званье на другое, потому что всяк должен служить Богу на своём месте, а не на чужом, равно как и они также, родясь под властью, должны покоряться той самой власти, под которою родились, потому что нет власти, которая бы не была от Бога» [XXII, 275].

Писатель декларирует: всем необходимо признать принцип социального неравенства, в здешнем мире – в отличие от Божьего – люди априори не равны, они отличаются друг от друга не только по полу, возрасту, физическим параметрам и состоянию здоровья, но по умственным, морально-волевым, психологическим качествам². Стало быть, каждый обязан вносить в дело жизнестроительства вклад в той мере, которая уготована ему свыше. Как справедливо указывает А.И. Иваницкий, такой подход подразумевает самовоплощение Бога в материальном пространстве земного мира через властную иерархию империи и ведёт к последовательной её «спиритуализации» (2021, стр. 216, 218).

По мнению Н.В. Гоголя, Господом дана и конкретная система государственного управления, из чего следует, что она тоже должна оставаться в неизменном виде: «...Сам Бог строил незримо руками государей. Всё полно, достаточно, всё устроено именно так, чтобы споспешествовать в добрых действиях...» [XXVIII, 309]; «Все наши должности в их первообразе прекрасны и прямо созданы для земли нашей» [XXVIII, 306]. Отсюда активная критика

1 Адресат письма не установлен, но это не принципиально; «получатель» послания в книге важен как представитель той или иной группы, а не личность.

2 В данном контексте показательны характеристики «сословие высшее... цвет наро-да» [XXVIII, 313], «грубое и низшее сословие» [XV, 235] и в особенности «бесчувственные дикари, обитающих на концах... империи» [X, 207].

преобразований, которые чиновники пытаются вести на местах: «всякое нововведение – ненужная вставка» [Там же]. Кроме того, писатель порицает поведение отдельных людей, стремящихся (из благих намерений, чаще из гордыни) превысить свои полномочия – «пристегнуться сбоку» [XIV, 227], как он выражается. Необходимо соблюдать чёткие должностные границы и исполнять исключительно свои служебные обязанности.

Как было отмечено выше, автор «Выбранных мест...» признаёт врождённое превосходство одних людей над другими. В то же время, он не сомневается, что мера ответственности элиты в разы превышает ту, что возлагается на низшие слои общества. Поэтому призывает высокопоставленных лиц инициировать наведение порядка в государстве и показывать всем пример: «Старайтесь только, чтобы сверху было всё честно, снизу будет всё честно само собою» [XXI, 267]. В.М. Маркович отмечает: «автор “Выбранных мест...” прямо предлагает властвующим сословиям своеобразное иночество вне монастыря» (2011, стр. 379).

Вершину социальной пирамиды представляет царь, посредник между небом и землёй. А.И. Иваницкий истолковывает гоголевский идеал как «возвышение народом смыслов своей любви к Богу через восходящие ступени административной лестницы» и происходящее в обратном направлении «метастатирование высших (духовных) смыслов власти» (2020, стр. 220, 222). Западное устройство государства в «Выбранных местах...» критикуется. Ограничение самодержавия, по словам автора, не позволяет монарху сосредоточиться на мысли о необходимости быть образом Божиим на земле. Как следствие, высшее значение миссии государя – утверждение взаимной всепобеждающей любви – остаётся недостижимым, усиливаются антагонизм, борьба интересов.

Исследователи достаточно подробно осветили вопрос об истоках этой концепции. Среди наиболее явных: «Государство» Платона, «Монархия» Данте, византийская теория государства, «Слово о законе и благодати» Иллариона Киевского, «Поучение чадам» Владимира Мономаха, «Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» Н.М. Карамзина. На становление верноподданнических взглядов Н.В. Гоголя, вероятно, повлияли близкие ко двору А.О. Смирнова-Россет и В.А. Жуковский. Следует заметить, что монархические настроения в 1840-е годы были достаточно распространены, о чём свидетельствуют, в частности, многочисленные публикации в журналах «Москвитянин», «Маяк». В отличие от авторов подобных статей, Н.В. Гоголь старался соблюсти баланс между обозначением «мирской» и «сакральной» природы царя» (Сартаков, 2014, стр. 97). К.В. Мочульский замечает: «Это – не “реальная политика”, а чистая романтическая утопия, вроде произведения Новалиса “Вера и любовь, или Король и королева”» (2004, стр. 101).

Для доказательства своих умозаключений писатель часто обращается к авторитету знаменитых предшественников: М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и др. Причём в ряде случаев он достаточно

вольно трактует их произведения. Самый очевидный пример – толкование пушкинского послания «К Н***» («С Гомером долго ты беседовал один...»). Н.В. Гоголь «раскрывает тайну»: адресат Н*** – император, поэт сочинил произведение под впечатлением от увиденного им в Аничковом дворце эпизода. Николай I, зачитавшись «Илиадой», забыл о бале, спустился к танцующим «... уже несколько поздно, принесся на лице своём следы иных впечатлений» [X, 209]. На самом деле в стих о творении описывается поэт Н.И. Гнедич, что понятно по ряду деталей и доказано литературоведами.

Зачем Н.В. Гоголь предлагает в «Выбранных местах...» другое объяснение? В.Э. Вацуро считает, что таким образом писатель творит «консервативную легенду» о Пушкине, сознательно мистифицирует читателя (1985, стр. 22). В.П. Белоногова – что автор «досоздаёт» историю, «догадывается» об истине» (2003, стр. 89). Убедительнее всего, на наш взгляд, версия С.А. Кибальника:

«В действительности Гоголь одновременно творит миф и о своей большей, чем в действительности, близости к Пушкину, и о высокопросвещённости Николая I, и о своей внутренней близости с императором («Илиада» была предметом постоянного чтения и самого Гоголя), и о сходстве задач, стоявших перед ним самим и императором. Ведь он создаёт эпопею нового времени, которая должна, по мысли Гоголя, преобразить русское общество» (2014, стр. 174).

Объяснение С.А. Кибальника подтверждает подлинная история, произошедшая в 1837 году (Виноградов, 2016, стр. 270). В главе «Исторический живописец Иванов» писатель рассказывает, как, находясь в чужом городе и рискуя умереть от голода, был спасён государем: «Мне было приятно в эту минуту быть обязану ему, а не кому-либо другому. К причинам, побудившим взяться с новою силою за труд, присоединилась ещё и мысль, <...> “...меня бы не было, может быть, на свете, если б не государь”» [XXIII, 287]. Н.В. Гоголь рассуждает о благородстве императора, параллельно намекает на свои короткие отношения с Николаем I и на его причастность к сочинению книги, тем самым придавая ей особую весомость.

Как неоднократно отмечали исследователи, автор «Выбранных мест...» разъясняет обязанности представителям самых разных уровней государственной системы. Н.В. Гоголь убеждён, что элита обращает на себя всеобщее внимание и вызывает желание подражать. «Вы первое лицо в городе, с вас будут перенимать всё до последней безделушки, благодаря обезьянству моды и вообще нашему русскому обезьянству. Вы будете законодательницей во всём» [XXI, 263], – пишет он жене губернатора. Советует чиновнику не распыляться по мелочам, оставить после себя «дело прочное» [XXVII, 300]. Помещику велит быть «патриархом, <...> начинателем всего и передовым, во всех делах» [XXII, 277], заботиться о крестьянах, «как о своих кровных и родных» [XXVIII, 314], работать с ними бок о бок, вдохновляя на праведный труд. В главе «Занимающему важное место» автор подробно освещает структуру управления губерниями: губернатор; подвластные ему полицмейстер и городничие, капитан-исправники и земские заседатели, советники и чиновники; министер-

ства, гражданская плата, суды; предводитель дворянства; прокурор; совестной судья. Писатель «выступает как государственный человек, стремящийся к наилучшему устройству страны, единственно правильной иерархии должностей в ней, при которой каждый выполняет свой долг», – отмечает В.А. Воропаев (2014, стр. 12). Вывод Н.В. Гоголя однозначен: «...Все места святы» [XVIII, 246].

Особое место в книге отводится священнослужителям и сочинителям. Первые «одни в силах истолковать человеку святой и глубокий смысл» [VI, 192] происходящих с ним событий. В.М. Маркович отмечает парадоксальное скрещение полномочий: мирянам, наделённым властью, писатель предлагает «заняться религиозно-нравственным воспитанием подчинённых им людей» (2011, стр. 378), а духовенству углубиться в изучение народной жизни [XXII, 278–280]. Поэты, по мнению Н.В. Гоголя, одни способны открывать высшую – Божественную – сторону во всяком творенье [XXXI, 332]. Их долг – помогать простым смертным постигать истины [XV, 233], поучать людей [I, 177]. «Стыдно тратить лирическую силу в виде холостых выстрелов на воздух, тогда как она дана... на то, чтобы взрывать камни и ворочать утёсы» [XV, 234], – замечает автор. С.В. Бурмистрова заключает, что для Н.В. Гоголя «апостольское и писательское служение... имеют общую сотериологическую цель» (2019, стр. 102).

Как видим, идеальное общество в представлении писателя статично в своей основе, покоится на православной доктрине, земледельческом быте, старозаветных принципах, предполагающих строгую иерархию. В своих построениях автор ориентируется на российскую традицию: «Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными» [XXXII, 367].

Русская идея

Одна из ведущих тем гоголевской книги – будущее русского народа. Почти во всех главах «Выбранных мест...», так или иначе, утверждается его особая судьба и уникальная миссия.

Н.В. Гоголь уверен в своеобразии наций, считает, что одни и те же события неодинаково на них действуют: «Тот же самый молот, когда упадет на стекло, раздробляет его вдребезги, а когда упадёт на железо, куёт его» [XXVII, 300]. Черты русского народа, которые называет писатель, многообразны и выгодно отличают его от других. Это:

- «целизна» [XXVIII, 310] при большом «разнообразии характеров» [XXVI, 298];
- гениальная восприимчивость [XXXI, 331];
- богобоязненность [XXV, 299];
- «благодарность за всякое добро» [XXII, 272];
- «задний ум», т.е. «ум окончательных выводов» [XXXI, 339];
- «богатырство» [XVIII, 246], «крепкое начало» [XXXI, 325];
- удаль [XXXI, 358];
- «отвага, никому не сродная» [XXXII, 368].

Наш язык Н.В. Гоголь называет «полнейшим и богатейшим» [VII, 193] из всех европейских, а пословицы – самыми значительными среди «всех других народов» [XXXI, 339].

Знаменательно, что в последней главе даётся прямо противоположный всем этим характеристикам отзыв: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь ещё неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” – вот что мы должны всегда говорить о себе» [XXXII, 368]. Думается, что противоречие легко разрешается с учётом пристрастия автора к покаянному самоукорению и диалектическим построениям, о которых шла речь в начале нашей статьи, а также намечаемой в письме «Светлое Воскресенье» перспективе развития. Нация вновь сравнивается со сплавом, в противовесным народам, металл растоплен, не получил окончательной формы, а значит есть надежда на достижение большего совершенства «литься».

По мнению Н.В. Гоголя, выгодно отличаются все российские сословия. Так, дворянство, в противоположность знати «других земель», является носителем «не благородства рождения или происхождения и не европейского point d'honneur¹, но настоящего, нравственного благородства» [XXI, 267]. «Началось оно не насильственным приходом, в качестве вассалов с войсками, всегдашних оспоривателей верховной власти и вечных угнетателей сословия низшего; началось оно у нас личными выслугами перед царём, народом и всей землёй, – выслугами, основанными на достоинствах нравственных, а не на силе» [XXVIII, 313], – продолжает развивать мысль писатель. А низшее сословие «...не носит у нас названия ни вольных, ни рабов, но называется хрестьянами от имени Самого Христа» [XXVIII, 314]. Простой мужик обладает «верным тактом русского ума, <...> умеет говорить со всеми себя высшими, даже с царём» [XXXI, 357].

В «Выбранных местах...» утверждается, что и творческие люди в России выделяются на фоне иностранных собратьев. «...В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому, – то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных и есть твёрдый взлёт в свете разума, верховное торжество духовной трезвости» [X, 204]. Русские сочинители ближе к Богу и, следовательно, лучше различают Его знаки, понимают Его волю. Оттого их произведения «получают какое-то величественно-царственное выражение» [X, 207], «исполнены библейских отголосков» [X, 213], а ещё – проникнуты верой в «значение высшее монарха» [X, 212].

К первостепенным преимуществам россиян Н.В. Гоголь относит чинопочитание. Начальник на родном языке называется отцом [XXVIII, 311]. «...Нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреобо-

1 вопрос чести (фр.)

римое к соединению людей и братской любви между ними...» [XXXII, 368]. Любовь к царю зиждется на понимании его высшего значения и передаётся на генетическом уровне: «весь народ слышит её каким-то сердечным чутьём» [X, 208]. Писатель видит особый путь отчизны: «В десять лет внутри России столько совершается событий, сколько в другом государстве не совершится в полвека» [XX, 257]. Он уверен, что случившееся в истории России, начиная с татаро-монгольского ига, было predetermined, направлено на то, «чтобы собрать могущество в руки одного» и представить «власть в её полном и совершенном виде» [X, 212]. Что «страхи и ужасы» в отечестве способствовали воспитанию её сынов: «Самая затруднительность обстоятельств, предоставивши новые извороты уму, разбудила дремавшие способности многих...» [XXVI, 298].

Особую роль Н.В. Гоголь отводит религии. Здесь тоже подчёркивается преимущество российского варианта. Наша Церковь, уверяет писатель, сохранила апостольскую чистоту, «...вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба» [VIII, 201]. Одежда православных священников «прекрасна и величественна» [IX, 203], потому что пошита по образу и подобию одежды Спасителя. Мысли духовных лиц чисты и возвышенны, так как они чужды «ничтожным нуждам света» [Там же]. Автор полагает, что Бог намеренно разделил Церковь. С одной стороны – Западная половина, которая вступает в контакт со светским обществом, меняется, вносит нововведения, в том числе «сделанные даже порочными несвятыми епископами» [XVII, 238]. С другой – Восточная, она находится как бы «вдали от людей» [Там же], отличается традиционализмом. Первую Гоголь сравнивает с гостеприимной и заботливой Марфой, вторую – со скромной Марией, разместившейся «у ног Самого Господа» [Там же]. Не отказывая в относительной полезности первой, пальму первенства писатель безапелляционно отдаёт второй.

Концепция Н.В. Гоголя, на наш взгляд, такова: Бог наложил на россиян миссию спасения, поэтому у них особая связь с Господом. Избранничество позволяет чувствовать большую, чем у других наций, любовь к отечеству и к Божьему помазаннику царю. Посланные народу России особые испытания направлены на то, чтобы каждый понял необходимость единоначалия. Проходя через мытарства, сознавая свою греховность, народ делается праведнее.

Заключение

«Выбранные места...» стали квинтэссенцией духовного опыта Н.В. Гоголя. Произведение создавалось «издалека», взгляд со стороны помог писателю выстроить системную модель Российского государства, идеалистическую модель.

На первом плане фигура самого сочинителя – грешника, мученика, пророка, душеспасителя. Н.В. Гоголь уверен, что пережитый им личный опыт восхождения к Богу необходимо передать людям, это поможет избавить русский народ и человечество в целом от страшной участи. Он мифологизирует свою биографию, демонстрирует профетические черты и принимает роль мессии.

В контексте эсхатологических настроений «Выбранных мест...» всё сущее обретает новый смысл. Отсюда всеобъемлющая сакрализация составляющих российской действительности: от ландшафта, языка, одежды – до политического устройства.

Высшими началами России, несущими спасение, Н.В. Гоголь провозглашает православие, самодержавие и искусство (литературу, живопись, театр). Ценность власти обосновывается с религиозно-мистической позиции, а ценность культуры – с религиозно-мистической и венценосной. Эталоном автора, по сути, становится теократическое государство. Роль монарха определяется сверхтварной сущностью и сводится к трансцендентальному значению. Народ с восторгом подчиняется государю, потому что желает повиноваться верховной власти Бога.

Автор «Выбранных мест...» ратует за соборность и единоначалие. Жёсткое иерархическое строение общества видится ему единственно верным. Патриархальность, по мнению писателя, является свойством русской природы, потому что эта нация ближе к сверхсущему. Каждый вышестоящий по сословию, чину, должности должен являться «отцом», заботиться о своих подчинённых, принимать пламя любви и передавать его дальше, на следующую ступеньку лестницы.

Важным представляется тот факт, что в последней книге Н.В. Гоголь не просто конструирует образцовый аналог действительности, но верит, что создает этот новый мир. Вероятно, поэтому он с такой целеустремлённостью трудился над произведением и так мечтал донести свои идеи до современников.

Список литературы

- Алексеева, У. С. (1999). Художественное своеобразие цикла «Выбранные места из переписки с друзьями» в контексте поэтики «позднего» Гоголя.
- Барабаш, Ю. Я. (1993). Гоголь. Загадка «Прощальной» повести «Выбранные места из переписки с друзьями». Опыт непредвзятого прочтения. Художественная литература.
- Белоногова, В. П. (2003). Выбранные места из мифов о Пушкине. ДЕКОМ.
- Белый, А. (1934). Мастерство Гоголя: Исследование. Государственное издательство художественной литературы.
- Бурмистрова, С. В. (2019). Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. *Stephanos*, 3(35), 99–107. doi: 10.24249/2309-9917-2019-35-3-99-107
- Бухарев, А. М. (1860). Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. Типография Морского министерства.
- Вацуро, В. Э. (1985). Пушкин в сознании современников. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. I (В. Э. Вацуро, Ред.). Художественная литература.
- Вересаев, В. В. (1990). Гоголь в жизни. Московский рабочий.
- Вильнова, С. В. (2008). Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в литературно-общественном контексте 1840-х годов: Историко-функциональный аспект.
- Виноградов, И. А. (2000). Гоголь – художник и мыслитель: Основы христианского миро-созерцания. Наследие.
- Виноградов, И. А. (2016). Отеческое попечение: Император Николай I в судьбе Гоголя. *StudiaLitterarum*, 1–2, 269–277. doi: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-269-277
- Виролайнен, М. (2003). Ранний Гоголь: Катастрофизм сознания. Гоголь как явление мировой литературы (Ю. В. Манн, Ред.; сс. 9–14). ИМЛИ РАН.
- Воропаев, В. А. (2014). Монастырь ваш – Россия! Гоголь Н.В. Духовная проза. Завещание (В. А. В. И. А. Виноградов, Ред.). ОЛМА МЕДИА ГРУПП.
- Воропаев, В. А. (2018). Лествица преподобного Иоанна Синайского в жизни и творчестве Н. В. Гоголя. *Русская речь*, 6, 101–108. doi: 10.31857/S013161170003014-4
- Вяземский, П. А. (1982). Сочинения: В 2: Т. II. Художественная литература.
- Гиппиус, В. В. (2019). Гоголь. Издательство Юрайт.
- Гоголь, Н. В. (1952). Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 13. Письма, 1846–1847 (Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский, & А. Н. Михайлова, Ред.). Издательство АН СССР.
- Гоголь, Н. В. (1986). Выбранные места из переписки с друзьями. В: Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. Статьи (Ю. В. Манн, Ред.). Художественная литература.
- Дунаев, М. М. (2003). в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. Совет Русской Православной Церкви.
- Ермаков, И. Д. (1923). Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя: (Органичность произведений Гоголя. Государственное издательство.
- Ермилов, В. В. (1959). Гений Гоголя. Советская Россия.
- Золотусский, И. П. (1988). По следам Гоголя: Очерк. Детская литература.

- Иваницкий, А. И. (2021). Полковник Кошкарёв и «гатчинский помещик»: Раздвоение фигуры Павла I у позднего Гоголя. Культура в фокусе научных парадигм (Т. 12–13, сс. 213–220).
- Кибальник, С. А. (2014). О гоголевском истолковании стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...». С. А. Пушкин: Лики и «отраженья». Статьи, очерки и заметки. Издательский дом «Петрополис».
- Коздринь, Я. Р. (2012). Символ лестницы в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Межрегиональные Пименовские чтения, 9(9), 222–230.
- Кулакова, Т. А. (2010). Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: Идея служения и поэтика её воплощения. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика, 10(1), 43–47.
- Кулиш, П. Л. (1856). Записки о жизни Н.В. Гоголя: В 2: Т. 2. типография Ю. Штауфа.
- Лотман, Ю. М. (1988). Художественное пространство в прозе Гоголя. Лотман Ю.М. В В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь (сс. 251–293). Просвещение.
- Любич-Романович И. В. (1902). Воспоминания. Исторический вестник: историко-литературный журнал, 7, 3.
- Маркович, В. М. (2011). О некоторых парадоксах книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции (М. Н. Вироланен & А. А. Карпова, Ред.). Петрополис.
- Мережковский, Д. С. (1991). Гоголь и чёрт (исследование). В: Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. Советский писатель.
- Мочульский, К. В. (2004). Духовный путь Гоголя. Наш дом.
- Пороль, О. А., & Просвиркина, И. И. (2020). Библейское слово в книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь и русская духовная культура. Девятнадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции.
- Сартаков, Е. В. (2014). Выбранные места из переписки с друзьями Н. В. Гоголя и русская консервативная журналистика первой половины 1840-х гг.: Теория государственности. Русская литература и журналистика в движении времени (Т. 1, сс. 192–211).
- Сарычев, В. А. (2020). Русская Россия». Концепция «истинно-русского царства» в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Сарычев В. А. Мета-физика русской литературы. Избранные труды. ЛГПУ.
- Сильницкий, Г. Г. (2010). Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и их роль в истории русского общественного самосознания. Известия Смоленского государственного университета, 3(11), 44–56.
- Тарасенков, А. Т. (1902). Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Товарищество скоропечати А.А. Левенсон.
- Терц, А. (2009). В тени Гоголя. ImWerdenVerlag.
- Харабет, К. В. (2019). Н.В. Гоголь «Выбранные места из переписки с друзьями» (опыт криминологического исследования). Российская юстиция, 6, 40–45.
- Чаадаев, П. Я. (1991). Полное собрание сочинений и избранные письма: Т. II. Наука.
- Шенрок, В. И. (1898). Материалы для биографии Гоголя: Т. IV. Типография А. И. Мамонтова и К.
- Шульц, С. А. (1994). Гоголь. Личность и художественный мир. Интерпракс.

References

- Alekseeva, W. S. (1999). Artistic originality of the cycle «Selected Passages from Correspondence with Friends» in the context of the «late» Gogol's poetics. (In Russian).
- Barabash, Y. Y. (1993). Gogol. The riddle of the «Farewell» story Selected Passages from Correspondence with Friends. An unbiased reading experience. Imaginative literature. (In Russian).
- Belonogova, V. P. (2003). Selected Passages from the myths about Pushkin. DEKOM. (In Russian).
- Bely, A. (1934). Gogol's Artistry. State publishing house of imaginative literature. (In Russian).
- Bukharev, A. M. (1860). Three letters to N.V. Gogol, painted in 1848. Printing house of the Naval Ministry. (In Russian).
- Burmistrova, S. V. (2019). The Functions of the Apostolic Text in «Selected Passages from Correspondence with Friends» by N.V. Gogol. Stephanos (V. 3, Issue 35, p. 99–107). doi: 10.24249/2309-9917-2019-35-3-99-107 (In Russian).
- Chaadaev, P. Y. (1991). Complete Works and Selected Letters: V. II. Nauka. (In Russian).
- Dunaev, M. M. (2003). Faith in the Crucible of Doubts: Orthodoxy and Russian Literature of the 17th – 20th Centuries. Publishing Council of the Russian Orthodox Church. (In Russian).
- Ermakov, I. D. (1923). Essays on the analysis of N. V. Gogol's creation: Organicity of Gogol's works. State Publishing House. (In Russian).
- Ermilov, V. V. (1959). The genius of Gogol. Soviet Russia. (In Russian).
- Gippius, V. V. (2019). Gogol. Yurayt Publishing House. (In Russian).
- Gogol, N. V. (1952). Complete Works: In 14 vols. B N. F. Belchikov, B. V. Tomashevsky, & A. N. Mikhailova (Ред.), The Academy of Sciences of the USSR (V. 13). Publishing House. (In Russian).
- Gogol, N. V. (1986). Selected Passages from Correspondence with Friends. In: Gogol N.V. Collected Works: In 7 vols (A. V. Mann, Ed.; V. 6, p. 173–369). Imaginative literature. (In Russian).
- Harabeth, K. W. (2019). N.V. Gogol «Selected Passages from Correspondence with Friends» (the experience of criminological research. Russian Justice, 6, 40–45. (In Russian).
- Ivanitsky, A. I. (2021). Colonel Koshkarev and the «Gatchina landowner»: The bifurcation of the figure of Paul I in the late Gogol. Culture in the Focus of Scientific Paradigms, 12–13, 213–220. (In Russian).
- Kibalnik, S. A. (2014). About Gogol's interpretation of Pushkin's poem «S Gomeromdolgo ty besedoval-odin...». «For a long time you talked alone with Homer ...» B K. S. A. Pushkin (Ed.), Faces and «Reflections. Articles, essays and notes (p. 166–189). Publishing House «Petropolis». (In Russian).
- Kozdrin, J. R. (2012). Symbol of the ladder in the book of N. V. Gogol «Selected Passages from Correspondence with Friends». Interregional Pimenov Readings (V. 9, Issue 9, p. 222–230). (In Russian).
- Kulakova, T. A. (2010). Selected Passages from Correspondence with Friends by N.V. Gogol: The idea of service and the poetics of its implementation. Series: Philology. Journalism, 10(1), 43–47. (In Russian).
- Kulish, P. L. (1856). Notes on the life of N. V. Gogol: In 2 vols (V. 2). Y. (In Russian).
- Lotman, Y. M. (1988). Artistic space in Gogol's prose. In: Lotman Yu. M. In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol (p. 251–293). Education. (In Russian).
- Lyubich–Romanovich I. V. (1902). Historical Bulletin. Historical and Literary Journal, 7, 3. (In Russian).

- Markovich, V. M. (2011). About some paradoxes of Gogol's book «Selected Passages from Correspondence with Friends». B M. N. Virolanen & A. A. Karpova (Ed.), *The Gogol Phenomenon: Proceedings of the Anniversary International Scientific Conference* (p. 373–387). Petropolis. (In Russian).
- Merezhkovsky, D. S. (1991). And the devil (Research). In: Merezhkovsky D.S. *In the Still Water: Articles and Researches of Different Years* (p. 213–309). Soviet Writer. (In Russian).
- Mochulsky, K. V. (2004). *The Spiritual path of Gogol. Our home* (In Russian).
- Porol, I. I. (2020). Biblical word in Gogol's book «Selected Passages from Correspondence with Friends». *Gogol and Russian spiritual culture* (p. 178–184). *Nineteenth Gogol Readings: Sat. scientific articles based on the materials of the International scientific conference.* (In Russian).
- Sartakov, E. V. (2014). «Selected Passages from Correspondence with Friends» by N.V. Gogol and Russian conservative journalism in the first half of the 1840s: The theory of statehood. *Russian Literature and Journalism in the Movement of Time*, 1, 192–211. (In Russian).
- Sarychev, V. A. (2020). Russian. The concept of the “true Russian kingdom in the book by N.V. Gogol «Selected Passages from Correspondence with Friends». B Sarychev V. A. *Metaphysics of Russian Literature. Selected works* (p. 31–85). Lipetsk State Pedagogical University. (In Russian).
- Schultz, S. A. (1994). *Gogol. Personality and the artistic world. Interpraks.* (In Russian).
- Shenrock, W. I. (1898). *For the biography of Gogol: V. IV. Printing house A.I. Mamontov & Co.* (In Russian).
- Silnitsky, G. G. (2010). «Selected Passages from Correspondence with Friends» by N.V. Gogol and their role in the history of Russian public consciousness. *News of the Smolensk State University*, 3(11), 44–56. (In Russian).
- Tarasenkov, A. T. (1902). *The last days of N.V. Gogol. Fast Press Association A.A. Levenson.* (In Russian).
- Tertz, A. (2009). *In the shadow of Gogol. Im Werden Verlag.* (In Russian).
- Vatsuro, V. E. (1985). Pushkin among his contemporaries. A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols: V. I (V. E. Vatsuro, Ed.; p. 5–42). *Imaginative literature.* (In Russian).
- Veresaev, V. V. (1990). *Gogol in life. Moskovskij rabochij.* (In Russian).
- Vilnova, S. V. (2008). «Selected Passages from Correspondence with Friends» by N.V. Gogol in the Literary and Social Development of the 1840s: Historical and Functional Aspect. (In Russian).
- Vinogradov, I. A. (2000). *Gogol as an Artist and Thinker: Christian Foundations of the Worldview. Nasledie* (In Russian).
- Vinogradov, I. A. (2016). Care: Emperor Nicolas I in Gogol's Fate. *Studia Litterarum*, 1–2, 269–277. doi: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-269-277 (In Russian).
- Virolainen, M. (2003). Early Gogol: Catastrophism of consciousness. Gogol as a phenomenon of world literature. *Collection of articles based on the materials of the international conference* (Y. V. Mann, Ed.; p. 9–14). Gorky Institute of World Literature. (In Russian).
- Voropaev, V. A. (2014). Your monastery is Russia! (G. N. V. S. Will. V. A. Voropaev & I. A. Vinogradov, Ed.; p. 7–41). OLMA MEDIA GROUP. (In Russian).
- Voropaev, V. A. (2018). Ladder of St. John of Sinai in the life and work of N.V. Gogol. *Russian speech*, 6, 101–108. doi: 10.31857/S013161170003014-4 (In Russian).

Vyazemsky, P. A. (1982). Works: In (V. 2). Imaginative literature. (In Russian).

Zolotussky, I. P. (1988). In the footsteps of Gogol: Essay. Children's Literature. (In Russian).

Carnival as a Marker of a Modern Deviant Political Culture

Olga I. Oskina

Astrakhan State University, Russia, Astrakhan

E-mail: oskina_olga[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-2006-1786

Abstract

The nature of the political carnival has not been fully studied yet, although this phenomenon is more than one hundred years old. As political history shows, carnival political culture arises when people who are not professional politicians begin to rule the state. The intellectual and moral image of these representatives of political elites is so doubtful that one should speak of a systemic failure in their selection. It is among such elites that various kinds of deviations are most noticeable. The total growth of these deviations creates a threat to the classical types of political cultures, giving rise to their crisis form, which is most often defined as a carnival political culture.

The nature of the political carnival is manifested in the cunning of power, in its duplicity, in institutionalized Machiavellianism, which gives the elites the right to act at the discretion of their egoism. Carnival is an illusion of power, the mistake is that power is professional and is in the hands of a real, and not a formal (fictitious) elite. Carnival is the evidence of deviance, a sign of the destructiveness of power relations that have entered the period of their systemic crisis. All the defects of power are precisely revealed in the entrance of their immersion in the political carnival. It is the analysis of these deviations that the present work will be devoted to.

Keywords

Political carnival; elites; deviant; political carnival tools; self-promotion; caricature; crisis.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Карнавальность как маркер современной девиантной политической культуры

Оськина Ольга Ивановна

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: oskina_olga[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-2006-1786

Аннотация

Природа политического карнавала до конца еще не изучена, хотя этому явлению не одна сотня лет. Как показывает политическая история, карнавальная политическая культура возникает тогда, когда государством начинают управлять лица, которые не являются профессиональными политиками. Интеллектуальный и моральный облик этих представителей политических элит столь сомнителен, что следует говорить о системном сбое в их селекции. Именно у таких элит в наибольшей мере заметны различного рода девиации. Суммарный рост этих отклонений создает угрозу классическим типам политических культур, порождая их кризисную форму, которую чаще всего определяют как карнавальную политическую культуру.

Природа политического карнавала проявляется в лукавстве власти, в ее двуличии, в узаконенном макиавеллизме, дающем элитам право поступать по усмотрению своего эгоизма. Карнавальность это иллюзия власти, ошибка в том, что власть профессиональна и находится в руках реальной, а не формальной (фиктивной) элиты. Карнавальность это свидетельство девиантности, признак деструктивности властных отношений, вступивших в полосу своего системного кризиса. Все дефекты власти как раз и выявляются в ходе их погружения в политический карнавал. Именно анализу этих девиаций и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова

Политический карнавал; элиты; девиация; инструментарии политического карнавала; само-реклама; карикатура; кризис.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
[Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В современном мире сам характер неоднозначных (и порой весьма противоречивых) характеристик действительности, порождает хаос и анархию восприятия и оценки объективной политической реальности. В результате мы имеем дело с противоположными точками зрения на одно и то же историческое событие. И этот плюрализм работает не столько на упорядочение научного представления о природе политической реальности, сколько способствует и усиливает хаотизацию и бессмысленное умножение различных точек зрения.

Политическая девиация означает отклонение от нормы профессиональной компетенции в сторону деградации и фальсификации деятельности. Чаще всего подобного рода отклонения носят карнавальный характер и заставляют исследователей рассматривать политиков в качестве политиканов (т.е. имитаторов), которые случайно пришли в политику или даже случайно вошли во власть. В политической истории подобных случаев много. И эта их множественность заставляет нас выделить эту проблему в отдельную тему комплексного исследования.

Карнавал всегда подразумевает бессмысленную круговерть неких событий, бесцельное метания людей, толчею бесплодных идей и полное игнорирование какого-либо порядка. Это мир произвола политического эгоизма и нарциссизма; мир девиаций и отрицательной селекции элит; это мир надуманных угроз, которые игнорируют реальные угрозы и вызовы. И таким фантазийным миром живут и дышат политические элиты, постепенно утрачивая всякую связь с объективной социально-политической реальностью.

Мы видим, как в настоящее время политический карнавал начинает проникать во все сферы политики (особенно в страны т.н. коллективного Запада), подменять ее, искажать объективную действительность. Общее падение профессионализма политического класса приводит к негативным результатам – запредельная глупость политиков возводится в ранг высшей политики; ценности подменяются суррогатом; идеалы высмеиваются, идеологии разрушаются и т.д., и т.п.

Методология

В настоящем исследовании автор опирается на уже существующие теоретические разработки карнавальной политической культуры (Карабу-щенко, 2020а-в; 2021) и на богатейший эмпирический материал («хроники» текущих политических событий). В качестве уже известных методов исследования, автором в первую очередь используется компаративистика, статистический метод и метод историзма.

Для новых научных тем исследования всегда острым стоит вопрос о выборе конкретных методов исследования и установления точного понятий-

ного аппарата. С каждым годом в научной литературе появляется значительное количество новых терминов, которые описывают новые стороны политической действительности. С нашей точки зрения представляется весьма интересно посмотреть, насколько эти новые понятия помогают нам в описании карнавальной политической культуры, насколько успешно мы можем их применить в исследовании этой сферы социальной действительности. Речь, в частности, идет о таких терминах, как «информационные пузыри», «эхо-камера», «тоннель реальности» и т.д., которые применяются при описании процесса формирования общественного мнения (Барсуков, 2018; Коноплев, 2018; Гуров, 2019; Русаков, 2019; Джавадова, 2020; Толстых, 2020; Шамахов & Межевич, 2021). Использование данной терминологии должно расширить научное поле исследования, сделать его более пластичным и устойчивым к различного рода критическим замечаниям.

Как элемент политической культуры карнавальность свидетельствует о деструктивности и кризисе легитимности. Уходя в зону «серых» отношений, отдавая предпочтения ненормативным практикам, такие элиты фактически разрушают саму реальность. Если культура есть способ легитимации социальных и политических практик, которые осуществляются через определенные «мыслительные схемы», (Wildavsky, 1987, p. 6) то схемы карнавальной политической культуры характеризуются отсутствием какого-либо позитивного смысла.

Природа политического карнавала: сущность и основные черты

В политической культуре не последнюю роль играют традиции, которые передаются от поколения поколению. Ещё Н. Луман сравнивал современную политику с театральным действием, указывая на то, что традиции во многих странах передаются по наследству, а не приобретаются как приобретается мебель или дома. «Таким образом, страты, выделяемые на основе происхождения, замещаются фракциями знаменитостей; а утверждение о том, что будто бы где-то 'из-за кулис' воздействует невидимая власть, относится к мифологии Модерна, которая объясняет зрителю тот факт, почему сам он не был отмечен [таким же общественным признанием]» (Луман, 2005, стр. 111-112). Политическая карнавальность тоже имеет свои традиции, которые так же передаются по наследству. И тоже не всегда оказываются адекватными для своего времени и нового поколения политиков.

Исторический карнавал всегда был временным нарушением действительности, выходом за рамки действительности. Из этого преднамеренного нарушения и вытекали все особенности карнавала. Он устанавливал свои законы и правила, выбирал свою элиту и своих лидеров. И все они понимали не только кратковременный, но и ложный его характер. Все понимали, что это временно и ложно, но условно принимали эти правила игры.

Чаще всего в политическом карнавале выделяются такие его характеристики (маркеры), как девиантность, игромания, словоблудие, реклама (самореклама), скандальность (мошенничество, спекулятивность, шантаж), абсентеизм, манипуляция (фальсификация), пародийность, осмеяние (как поругание), демагогия, эклектизм, истеричность, эгоистичность, карикатурность и т.д.

Как правило, карнавальная политическая культура имеет дело с различного рода политическими отклонениями. Девиантное поведение (лат. *deviatio* — отклонение, расстройство от англ. *deviant* — отклоняющийся) в политическом карнавале характеризуется устойчивым поведением политиков, отклоняющемся от наиболее важных норм и правил. Это поступки и действия, которые не соответствуют ожидаемым нормам и требованиям.

Чаще всего в качестве главного упрека к участникам политического карнавала является упрек в том, что у них слишком много слов и мало дел. Словоблудие стала визитной карточкой таких карнавальных деятелей. Говорить много и ни о чем, кричать и настаивать на своем, при этом совершенно не понимая сути собственного утверждения, — подобного рода манеры профессионального поведения как раз могут указать на карнавальность происходящего.

Самореклама участников политического карнавала занимает важное место в системе его характеристик. Реклама подменяет собой сам процесс деятельности элит власти. Всё во имя рекламы и ничего кроме рекламы в политическом карнавале нет. Ради собственной рекламы и антирекламы своих врагов такие элиты готовы пойти на все.

Только в рекламе такие элиты могут выглядеть в качестве непосредственно самой элиты. Такой элите реклама нужна для того, чтобы быть как элита и выдавать себя за элиту. Борьба таких элит есть фактически борьба их реклам за право быть главной. Но то, что есть в их рекламе, того нет в действительности. Это война теней. Точнее, масок. Реклама таких элит это реклама того, чем они хотели быть, если бы могли, если бы имели силы и ресурсы. Элит без рекламы не существует. Но в политическом карнавале элиты настолько погружены в зависимость от рекламы, что уже сама реклама становится элитой вместо элиты. Рекламность становится сущностью политического карнавала. Но кроме этой рекламы (самолюбования) у них за душой ничего нет.

Помимо рекламы еще одной характеристикой политического карнавала является скандальность. Скандал является тоже рекламой элит политического карнавала. Посредством скандала такие политические деятели напоминают всем о своем существовании. Поэтому они существуют от скандала до скандала, а если быть точнее — они существуют в самом скандале и благодаря скандалу. Такие с позволения сказать «деятели» весьма часто и охотно прибегают и используют в достижении своих целей мошенничество, спекуляцию, фальсификацию и откровенный шантаж.

Политический карнавал призван скрыть интеллектуальную истерию, за которой стоит растерянность и непонимание текущей политической ситуации. Подмена реальности заключается в том, что «историческими событиями» объявляются малозначительные случаи, а действительно исторические вещи отодвигаются на задний план и игнорируются. Политический карнавал может фальсифицировать все, что угодно. Для него нет ничего святого. Саму фальсификацию легко может выдать за «святое» и тут же над ним надругаться.

Сущность политического карнавала мы можем также рассматривать в качестве проявления абсентеизма (от лат. *absens*, *absentis* — отсутствующий, англ. *absenteeism*) — приверженцев поведенческой модели, при которой работник систематически отсутствует на рабочем месте и избегает выполнения своих профессиональных обязанностей. Традиционно в политическом дискурсе абсентеизм рассматривается как уклонение от участия в голосовании на выборах, или, в более широком понимании, политическое поведение, характеризующееся бездействием, то есть уклонением от какого-либо политического участия (Джандубаева, 2005). В данном случае речь идет о том, что участники политического карнавала игнорируют выполнять свои профессиональные политические обязанности и занимаются различного рода «ерундой» (пустяками).

Подобного рода карнавальный абсентеизм характеризуется низкой степенью активности, частоты, периодичности или их полным отсутствием в поле публичной политики; это безучастность и бездействие индивида в политическом процессе; демонстративное нежелание политического участия по причине несоответствия политической системы и уровня их профессиональной компетенции; наконец, эта форма политического участия, представляющая собой политическое поведение индивида, не прошедшего достаточную политическую социализацию и, следовательно, имеющего низкий уровень знаний о политической системе и политической культуре (Самаркина & Логунова, 2017; Логунова, 2018). Как индикатор пространства публичной политики абсентеизм иллюстрирует уровень безответности политика — формально он присутствует, но в реальности его нет. Политический карнавал как раз и занимается тем, что имитирует наличие политиков (точнее, политиканов).

Критики склонны изображать участников политического карнавала в карикатурном виде, усиливая и высмеивая их искажения. В этой связи возникает вопрос: если политический карнавал сам по себе уже есть искажение действительности, то карикатура как такое же искажение, выпрямляет или вносит свои искажения в уже существующие. Ответ может быть сформулирован следующим образом: если смех носит конструктивный характер, то он выпрямляет кривизну политического карнавала, а если деструктивный, то усиливает карнавальность как искажение мира объективной реальности.

Те, кого мы относим к участникам политического карнавала, характеризуются тем, что постоянно своими действиями ухудшают свое собственное

положение. Они постоянно принимают ошибочные решения, которые приносят всем вред. Ошибки приумножают их кризис. Но они все равно их продолжают совершать. Упрямство, граничащее со слабоумием, становится их самым главным уязвимым местом.

В описании природы политического карнавала можно использовать уже разработанные приемы, как, например, эффект «horse-racepolitics», который рассматривает политиков как лошадей на скачках (Cappella & Jamieson, 1997). В силу значимости победы на выборах о действующих политиках часто рассуждают как о лошадях на скачках – «отмечают их сильные стороны или подчеркивают слабости – но не обсуждают программы, цели и задачи. Поэтому наблюдается гораздо большая ориентация на данные опросов общественного мнения, позитивность восприятия и рейтинги кандидатов, чем, собственно, на то, что они реального готовы делать. Это необсуждение связано с тем, что, во-первых, радикального отличия в них нет, и, во-вторых, именно получение властных полномочий и позволит реализовывать свои цели и задачи. Отсюда, в-третьих, содержательные моменты уходят на второй план – а на первый выходят сами “скачки” и ставки» (Артамонова & Демчук, 2021, стр.111).

В настоящее время термин «horserace politics» носит расширительную трактовку, которая сближает его с позициями карнавальной политической культуры. «В оптике “скачек” политика стала рассматриваться как стратегическая игра – битва за людское внимание; в ней важны не программы кандидатов, их видения проблем и их решений, а популярность; предвыборные стратегии в центр ставят не программы – а имидж кандидата, ориентируясь на восприятие и рейтинги. В рамках этой игры необходимо навязать определенное видение мира и в его рамках уже рассказать историю, которая не просто спровоцирует отклик – желательно, чтобы она была мобилизационной. Для рассказа же истории необходимо упрощение, поляризация, персонализация и визуализация. Именно поэтому и не требуется четкой программы – важен “выбор” сил добра» (Артамонова & Демчук, 2021, стр.111-112).

Карнавальная политическая культура не признает идентичности, поскольку она выводит нас на классическую политическую культуру. Для политического карнавала идентичность враг, поскольку показывает субъекта в его точных идентификационных параметрах. Поэтому она в первую очередь уничтожает эти связи и основания. Оторвать человека от идентичности, значит сделать его максимально эластичным и подвижным, так как им утрачиваются связи с традицией. Субъект теряет устойчивость, становится маргиналом. Именно это и требуется для процветания политического карнавала.

Следует также напомнить еще об одной особенности карнавальной политической культуры – она искажает самого индивида, его индивидуальность. Еще Ж. Делёз и М. Фуко в рамках концепта общества контроля, отмечали, что место индивида занял «дивид». «Поведение «дивида» реализуется в парадигме «Why not?» (почему нет?). Он может принять участие в различных проектах, и также довольно быстро от них отказаться. При этом дивид не идентифицирует

себя жестко с определенным социальным слоем, группой или организованным мероприятием... как только он вышел, за предшествующий отрезок он ответственности не несет. Тем самым он стал не индивидом («неделимым»), а как раз «дивидом» (не образующим единого «я»). Но и любые образуемые дивидами объединения неустойчивы. Смена партий и организаций, вплоть до придерживающихся противоречащих предыдущим взглядов, выглядит для дивида в современном обществе абсолютно нормальной. Для него скорее важно существование альтернатив, которое становится ценностью, возможность «опробовать» определенные способы действия, а также спокойно отказаться от них в последующем. Настоящее (а лучше настоящее как удовольствие) – вот единственная понятная ему цель (этим, кстати, легко объяснить распространение культуры селфи). И основной причиной здесь будет скорость изменений, с одной стороны, и «безмирность», отсутствие той самой нравственности (Sittlichkeit), с другой» (Артамонова & Демчук, 2021, стр.115-116). «Дивиды» предпочитают упрощенные схемы. Но самое главное они низводят до нуля свою идентичность – они не знают чему им соответствовать и все их попытки постоянно «соответствовать не знаю чему» порождают в этих искусственных конструкциях такое специфическое явление как тотальная анонимность.

Карнавальные миры политической действительности

Само многообразие политической действительности порождает феномен карнавальной политической культуры, создает благоприятные условия для различного рода отклонений, аномалий и искажений. И этому в немалой мере способствуют сами политики, которые самым фактом своего многообразия и разночтения своих мнений способствуют хаотизации политического порядка. Когда властям не удается навести порядок в этой хаотизации и хаос возрастает до угрожающих порядку размеров, и возникает то, что мы в научной литературе называем политическим карнавалом (Карабущенко, 2020а-в; Карабущенко & Гайнутдинова, 2020).

Когда во власти в силу различных карьерных обстоятельств оказываются слабые политические фигуры (или откровенно глупые люди), в политической практике возникают нестандартные ситуации, критическая концентрация которых приводит к аномальным отклонениям, которые мы и называем политическим карнавалом. Такое состояние политики указывает на деструктивность проводимой элитами политики, на перевернутую картину мира и искаженную шкалу ценностей.

В последнее время в политических исследованиях все чаще отмечается о происходящих в этой области изменениях («eventpolitics», «performance politics» и т.д.). Все чаще говорится о предпочтениях и презентациях, а «зонтичных» политических дискурсах, а содержательные (presentation over substance) аспекты отходят на второй план. Именно в рамках «зонтичных» политических дискурсов и происходит переоценка приоритетов, целей,

ценностей и их движение в сторону performance как «представление, спектакль» вместо performance как «результат» (Артамонова & Демчук, 2021, стр.114).

Большинство цитируемых западных политиков являются свидетельством интеллектуальной деградации – они не способны адекватно воспринимать угрозы, так как им не хватает уровня образования (хотя у многих значится учеба в престижных/элитных университетах!). Если в конце XX в. во многих странах западного мира к власти пришло «поколение троечников» («совершенная серость»), то в первой четверти XXI в. их сменило «поколение двоечников» («абсолютное ничтожество»). У них нет моральных ограничений, поскольку они слабо интеллектуально развиты. У них есть гипержелание быть политиком, но нет никаких способностей к этому. Из этого недостатка и рождается то, что мы называем политическим карнавалом и карнавальной политической культурой.

Когда политики в сатирическом свете начинают комментировать действия своих конкурентов, возникает эффект политического карнавала, когда несерьезное вытесняет серьезное из политической действительности. Появление в политике элемента комизма, делает из политиков политиканов, политических клоунов. Последним по времени таким политическим клоуном является президент Украины В.А. Зеленский, в прошлом профессиональный комик. Профессиональным политиком он так и не стал, зато привнес в должность президента массу комического (шутовского). Зеленский все больше напоминает Хлестакова из гоголевского «Ревизора». Он продукт дебилизации украинского общества, для которого мат (упрощение языка) стал нормой их существования (вслед за этим упрощаются до уровня примитивизма и все социально-политические отношения). Его давно уже называют «кровавым клоуном», который решил сжечь свой собственный «цирк» (т.е. Украину). В столь же комическом свете изображают и двух последних президентов США – Д. Трампа и Д. Байдена: первый страдает экзальтированным эгоизмом, второй – старческой деменцией. Оба диагноза указывают на то, что это политиканы карнавального типа, страдающие манией величия, нарциссизмом и низкими качествами профессиональной компетентности.

Если одни политики живут политикой (благоустроявая свое и общественное пространство), то другие в политику играю, воспринимая реальность как некую шахматную партию (в лучшем случае), манипулируя интересами других. Первые считают политику слишком серьезной сферой общественных отношений, решающей судьбы войны и мира и не терпящей беспечного к себе отношения. Вторые полагают, что в политике допустимы любые средства, в том числе и те, которые выходят за рамки классической политики.

Карнавальная политическая культура представляет собой фрагментацию политической действительности с последующей попыткой модуляции из этих фрагментов новых картин политического мира. Как уже говорилось выше, в определении сущности политического карнавала выделяют несколько наиболее характерных его маркеров, таких как игровые традиции, пренебре-

жение классическими нормами профессионализма; абсентеизм, безответственность, игнорирование норм морали и т.д.

Сама объективная политическая реальность состоит из множества отдельных и каждая сама по себе существующих реальностей, которые где-то пересекаются, как-то переплетаются или вообще существуют параллельно друг другу. У каждого имеющего свой вес и авторитет политика возникает свое видение политической действительности. И эти видения чаще всего не совпадают и конфликтуют друг с другом.

Политический карнавал возникает на стыке официального и кулуарного, когда сталкиваются две или более политические реальности. Нестабильность вызывает деградацию и деструкция поглощает все, что могло (было способно) удерживать политику в строгих рамках ее реализма. Политический мир начинает искажаться и извращаться до неузнаваемости. Классицизм сменяется эклектизмом и сюрреализмом.

Политический карнавал – это игра, ставшая основой бытия всех тех, кто отвернулся от объективной реальности в сторону реальности выдуманной. Причем плохо выдуманной и дурно объясненной. Заигрывание с совестью никогда до добра никого не доводило. Заигравшиеся сами себе подписали смертный приговор, но еще этого не поняли.

Карнавальная политическая культура – это попытка уйти от действительности, путем погружения в выдуманный мир. Такую тактику часто сравнивают со «страусиновой». Это впадение в детство, когда некто «прячется в домик», который обходят стороной все невзгоды и беды. Политический карнавал дает иллюзию безопасности и комфорта. Но это временное состояние. Даже можно сказать – кратковременное (См.: Карабущенко, 2021; Карабущенко & Оськина, 2021).

Политический карнавал – это история, которая имеет сослагательное наклонение – у всех есть маниакальное желание все переделать и неоднократно переделать («провернуть обратно фарш»).

Уровень доверия граждан к политикам из политического карнавала всегда находится на максимально низком уровне, порождая скепсис и нигилизм в оценках итогов их деятельности. Недоверие сопряжено с ростом негативизма в отношении таких элитных групп: презрение, высмеивание пороков, скепсис к объяснениям их достоинства и т.д. Иными словами, само несерьезное отношение таких элитных групп к действительности (их элитарный нигилизм и эгоизм) делает их малопривлекательными в глазах общественности.

Участники политического карнавала без зазрения совести формируют свою реальность вопреки здравому смыслу – вопреки этике, логике и объективной оценке действительности. Из этого эгоизма и произрастают все девиации их политического бытия. «Хроники» текущих политических событий указывают на то, что такие политики (политиканы) даже и не понимают того что они говорят, тем более не осознают (или ошибочно осознают) окружающую их объективную реальность. Они тонут в пучине субъективизма. Поэтому

считают, что могут себе позволить пренебрежительное отношение к нормам этики, эстетики и логики.

Когда политика начинает издеваться над моралью и гуманизмом, они не просто переступают через запретную черту, отделяющую человека от зверя, но объявляют себя неким сверхчеловеком, т.е. супер-зверем. Это помещает их по ту сторону разумного.

Инструментарии политического карнавала

В настоящее время социальные сети стали теми самыми вооруженными платформами, с помощью которых власти пытаются повлиять на общественное мнение и подорвать политический авторитет своих конкурентов. Они всеми правдами и неправдами распространяют различного рода дезинформацию, с помощью которой искажают общественные мнения и настроения, сея раздор, вражду, недоверие посредством эмоционального возбуждения публики (Джавадова, 2020).

Политический карнавал не соблюдает информационную гигиену и поглощает любой миф, любой фейк, всякий мусор без разбора. Предвзятость и откровенная склонность к фальсификации становятся основными причинами возникновения т.н. «информационных пузырей», «эхо-камер» и «тоннелей реальности». Данные инструменты позволяют участникам политического карнавала продвигать свои медиопродукты и навязывать их окружающему миру.

«Информационный пузырь» представляет собой состояние интеллектуальной изоляции, когда люди получают только ту информацию, которую желают видеть (Гуров, 2019). Такой индивидуальный контент ограничивает разнообразие информации, с которой человек сталкивается в обычной действительности, и которые содержат как позитивные, так и негативные для него данные. Следует подчеркнуть, что эффект «информационного пузыря» также весьма успешно используется и в отношении дезинформации, чему в немалой мере способствует сама интеллектуальная изоляция объекта манипуляции.

В представлениях об эхо-камерах преобладают мнения о том, что это распространение дезинформации в сообществах единомышленников. Такая дезинформация не вызывает возражений, благодаря тому, что эхо-камера отфильтровывает противоположные голоса и отсеивает противоречивую информацию. Эхо-камеры возникают, когда люди с одинаковыми интересами или взглядами взаимодействуют преимущественно внутри своей группы. Они живут в информационном поле, которое соответствует нормам их группы и способствует сплочиванию их рядов (Русаков, 2019). Эхо-камеры определяют как ограниченное, закрытое медийное пространство, которое в зависимости от необходимости может усиливать сообщения, или напротив изолировать их от возможных опровержений.

В основе «эхо-камеры» лежит метафорический способ описания ситуации, когда участниками политического действия рассматриваются и оцениваются только выгодные для этого сообщества идеи, информация и убеждения. Внутри этой группы ее члены будут сталкиваться только с тем, с чем они уже согласны. Они будут скреплены верой в свою правоту, а все, что находится за пределами эхо-камеры, они автоматически рассматривают как ложное знание. Поэтому всякий, кто с ними не согласен, оценивается ими в лучшем случае как жертва дезинформации, а в худшем – умышленно невежественный человек (Шамахов & Межевич, 2021). Термины «информационный пузырь» и «эхо-камера» часто используются как взаимозаменяемые понятия для описания предвзятых новостей. Разница между ними заключается в типе персонализации, который в основном отвечает за предвзятость. Они подчеркивают нестабильность и относительность существующей информации, указывают на степень доверия/недоверия со стороны конкретной группы лиц. Сторонники этого подхода отмечают, что даже научные выводы, при всей их точности, отражают всего лишь относительные истины, которые при неправильной интерпретации могут еще больше исказить представление человека об окружающем мире.

Что касается третьего понятия – «тоннель реальности» – то здесь тоже отмечается высокий уровень относительности и изменчивости. Процессы в политике могут носить столь стремительный характер, что их аналитическое осмысление может за ними просто не поспевать. Каждое индивидуальное мировоззрение необходимо в этой связи рассматривать как самостоятельный «тоннель реальности», который представляет собой неповторимый набор ценностей и координат движения. Такой тоннель реальности характеризует отдельно взятого человека, который рассматривается в качестве вполне самостоятельного субъекта, со своим отдельным оценочным мнением относительно того или иного политического события (Коноплев, 2018; Толстых, 2020).

Следует отметить, что в карнавальной политической культуре существует самый настоящий хаос различных точек зрения, фактов, мнений, истин и полуправд, что данное состояние, по мнению М. Эдельмана, представляет собой «калейдоскоп потенциальных реальностей», которые борются между собой за право быть главной (Edelman, 1993, P. 235).

Подобный научный инструментарий позволяет работать с новейшими информационными технологиями и выявлять карнавальность на уровне её зарождения. Но поскольку данные термины появились буквально в последнее время, говорить об их эффективности пока еще не приходится. Исследования природы карнавальной политической культуры все еще находятся в методологическом поиске и нуждается поэтому в постоянных уточнениях своих терминологических позиций.

Для нас же очевидным является тот факт, что девиация политического карнавала порождает многочисленные искажения политики и извращения самих политиков. Причем каждый случай подобного рода «извращений»

уникален и требует специального к нему подхода. Именно в этом заключается главная методологическая особенность исследования природы карнавальной политической культуры.

Анализ политической действительности западного мира указывает на то, что власть не просто упростилась, а деградировала и в плане профессионализма утратила целый ряд своих важных компетенций. Время упадка всегда активизировало категории карнавальной политической культуры. Упадок создает самые благоприятные условия для развития девиантного типа политической культуры. Концентрация девиантности в политике приводит к состоянию карнавальности, искажающей объективную реальность.

К современным (особенно западным) политическим элитам накопилась масса вопросов. Некогда передовые (доминирующие) в настоящее время они переживают период серьезного системного упадка и деградации. Девиации в политике чаще всего касаются элиты, свидетельствуя о снижении уровня ее профессиональной подготовленности. И именно эти данные и создают особенно благоприятные условия для всестороннего развития карнавальной политической культуры.

Список литературы

- Cappella, J. N., & Jamieson, K. H. (1997). *Spiral of Cynicism: The Press and the Public Good*. Oxford University Press.
- Edelman, M. (1993). Contestable Categories and Public Opinion. *Political Communication*. No10.
- Wildavsky, A. (1987). Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation. – *American Political Science Review*, 81(1. P), 3–21. doi: 10.2307/1960776
- Артамонова, Ю. Д., & Демчук, В. А. (2021). Современная персонализация политики: Новые подходы к анализу. *Полис. Политические исследования*, 6. С. 108–121. doi: 10.17976/jpps/2021.06.08
- Барсуков, Н. С., & Барсуков, Н. С. (2018). Эхо камеры» в Интернете: Иллюстрация «эффекта эха» на примере Брексита. *Государство и граждане в электронной среде*, 2, 73–82.
- Гуров, Ф. Н. (2019). Опыт социально-философского осмысления проблемы «фейков» и «пузырей фильтров» в сети. *Проблемы современного образования*, 3.
- Джавадова, С. А. (б. д.). Медиафрейминг, как инструмент влияния на общественное мнение. *E-Scio*, 5(44), 85–93.
- Джандубаева З.З. (б. д.). Абсентеизм как феномен современной российской практики (с. 24).
- Карабущенко, П. Л. (2020a). Карнавальная политическая культура: Политические элиты в поисках утраченной идентичности. – *Вопросы элитологии*, 1(4), 138–164. doi: 10.46539/elit.v1i4.41
- Карабущенко, П. Л. (2020b). Карнавальная политическая культура: Системный анализ основных категорий. – *Вопросы элитологии*, 1(2), 31–62. doi: 10.46539/elit.v1i2.16
- Карабущенко, П. Л. (2020c). Карнавальная политическая культура: Субъекты и объекты театра абсурда. – *Вопросы элитологии*, 1(3), 93–120. doi: 10.46539/elit.v1i3.28

- Карабущенко, П. Л. (2021). Кроличьи норы карнавальской политической культуры элит современного коллективного Запада. Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2(67), 109–116. doi: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116.
- Карабущенко, П. Л., & Оськина, О. И. (2021). Постправда карнавальской политической культуры элит современного коллективного Запада. – Современные науки и инновации, 2 (34), 187–197. doi: 10.37493/2307-910X.2021.2.20
- Карабущенко П.Л. & Гайнутдинова Е.В. Политическая герменевтика и со-временная элитократия. Вопросы философии. doi: 10.21146/0042-8744-2020-4-58-68
- Коноплев, Д. Э. (2018). Тоннель реальности как функция экономического мышления. Выпуск 1 (411). Вестник ЧелГУ.
- Логунова, В. П. (2018). Понимание абсентеизма в политической науке. Образование, наука, культура: Традиции и современность материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Анапский филиал ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».
- Луман, Н. (2005). Реальность массмедиа. Праксис.
- Русаков, А. Ю. (2019). Эхо-камера в социальных сетях как информационная экосистема. Pravo, ekonomija i menadžment u savremenim uslovima, 273–279.
- Самаркина И.В. & Логунова В.П. (2017). Абсентеизм молодежи как форма политического участия. Общество: политика, экономика, право, 2.
- Толстых, А. И. (2020). Современные технологии воздействия на общественное сознание: Информационные пузыри, эхо-камера и тоннель реальности. Инновации. Наука. Образование, 19, 764–771.
- Шамахов, В. А., & Межевич, Н. М. (2021). Современные информационные технологии: Препятствия и помощники в принятии управленческих решений. Управленческое консультирование, 6 (150).

References

- Artamonova Yu.D. & Demchuk V.A. (2021). Modern policy personalization: New approaches to analysis. Polis. Political Studies, 6, 108–121. doi: 10.17976/jpps/2021.06.08 (In Russian).
- Barsukov, N. S. (2018). Chamber echo on the Internet: Illustration of the «echo effect» on the example of Brexit. State and Citizens in the Electronic Environment, 2, 73–82. (In Russian).
- Cappella J.N. & Jamieson K.H. (1997). Spiral of Cynicism: The Press and the Public Good. Oxford University Press. vii +.
- Dzhandubaeva, Z. Z. (2005). Absenteeism as a phenomenon of modern Russian practice. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. M., 24s. (In Russian).
- Edelman, M. (1993). Contestable Categories and Public Opinion. Political Communication. No10.
- Gurov, F. N. (2019). Experience of socio-philosophical understanding of the problem of «fake» and «filter bubbles» in the network. Problems of Modern Education, Number 3. (In Russian).
- Javadova, S. A. (2020). Mediaframing as a tool to influence public opinion. – E-Scio, 5(44), 85–93. (In Russian).
- Karabushchenko P.L. & Gainutdinova E.V. Political Hermeneutics and Co-modern Elitocracy. Voprosy filosofii, 4. C, 58–68. doi: 10.21146/0042-8744-2020-4-58-68 (In Russian).

- Karabushenko, P. L. (2020a). Carnival political culture: A systematic analysis of the main categories. *Issues of elitology*, 1(2), 31–62. doi: 10.46539/elit.v1i2.16 (In Russian).
- Karabushenko, P. L. (2020b). Carnival Political Culture: Political Elites in Search of a Lost Identity. *Issues of Elitology*, 1(4), 138–164. doi: 10.46539/elit.v1i4.41 (In Russian).
- Karabushenko, P. L. (2020c). Carnival political culture: Subjects and objects of the theater of the absurd. *Issues of elitology*, 1. Number, 3 93–120. doi: 10.46539/elit.v1i3.28 (In Russian).
- Karabushenko, P. L. (2021). Rabbit holes of the carnival political culture of the elites of the modern collective West. The Caspian region: politics, economics, culture, 2(67), 109–116. doi: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116. (In Russian).
- Karabushenko, P. L., & Oskina, O. I. (2021). Post-truth of the carnival political culture of the elites of the modern collective West. *Modern Sciences and Innovations*, 2(34), 187–197. doi: 10.37493/2307-910X.2021.2.20 (In Russian).
- Konoplev, D. E. (2018). Tunnel of reality as a function of economic thinking. *Bulletin of ChelGU*, 1(411). (In Russian).
- Logunova V.P. (2018). Understanding absenteeism in political science (p. 50–52). Anapa branch of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». (In Russian).
- Luman, N. (2005). The reality of mass media (p. 256). *Praxis*. (In Russian).
- Rusakov, Ay. (2019). Echo chamber in social networks as an information ecosystem (p. 273–279). *Pravo, ekonomija i menadžment u savremenimuslovima*. (In Russian).
- Samarkina I.V. & Logunova V.P. (2017). Youth Absenteeism as a Form of Political Participation (Issue 2). *Society: Politics, Economics, Law*. (In Russian).
- Shamakhov, V. A., & Mezhevich, N. M. (2021). Modern information technologies: Obstacles and assistants in making managerial decisions. Article Two. Opportunities. *Management Consulting*, 6 (150). (In Russian).
- Tolstykh, A. I. (2020). Modern technologies for influencing public consciousness: Information bubbles, an echo chamber and a reality tunnel. *Innovations. The Science. Education*. No, 19, 764–771. (In Russian).
- Wildavsky, A. (1987). Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation. – *American Political Science Re-View*, 81(1), 3–21. doi: 10.2307/1960776

Fourth All-Russian Elite Congress – a New Page in the History of National Elitology

Vladimir V. Bobylev

Sochi Institute (branch) RUDN University, Sochi, Russia

E-mail: bob_6767[at]mail.ru

Abstract

A regular IV All-Russian Elite Congress with international participation was held in Russia in March 2022. Its topic was “Power and Elite in the Era of Digital Transformation: New Challenges and Threats, Trajectories of Socio-Political Development of Modern Society”. The congress was held in full-time format and brought together more than 200 participants from all regions of Russia. The main discussions revolved around the problem of the transformation of elites and power in the context of a developing digital system and the beginning of the global crisis of the Western globalist project. The Congress has become an open scientific platform for the exchange of modern elitist knowledge. Russian elitologists compared their watches and outlined new promising directions for their research. The present overview report is dedicated to the coverage of the results of this scientific event.

Keywords

Congress; elitology; elitist community; digital transformation; power; challenges and threats; creativity problems.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Четвертый всероссийский элитологический конгресс – новая страница в истории Отечественной элитологии

Бобылев Владимир Владимирович

Сочинский институт (филиал) РУДН, Сочи, Россия

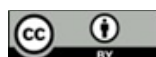
E-mail: bob_6767[at]mail.ru

Аннотация

В марте 2022 г. в России прошел очередной IV Всероссийский элитологический конгресс с международным участием на тему «Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества». Конгресс прошел в очно-заочном формате и собрал более 200 участников со всех регионов России. Основные дискуссии развернулись вокруг проблемы трансформации элит и власти в условиях развивающейся цифровой системы и начавшегося мирового кризиса западного глобалистского проекта. Конгресс стал открытой научной площадкой по обмену современным элитологическим знанием. Элитологи России сверили свои часы и наметили новые перспективные направления своих исследований. Освещению итогов этого научного мероприятия и посвящено настоящее обзорное сообщение.

Ключевые слова

Конгресс; элитология; элитологическое сообщество; цифровая трансформация; власть; вызовы и угрозы; проблемы творчества.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Прошедший 25 марта 2022 г. на базе сразу четырех городов России (Ростов-на-Дону, Астрахань, Таганрог и Пятигорск) Четвертый Всероссийский элитологический конгресс, ознаменовал новую страницу в истории развития как отечественной элитологии, так и мировых элитологических исследований. Общей темой Конгресса стала проблема цифровой трансформации, что нашло свое отражение в его названии.

Организаторами Конгресса были определены следующие тематические направления совместной работы: 1) трансформация политико-управленческих элит в контексте цифровой революции; 2) элиты и контрэлиты в цифровом обществе: характеристики и модели поведения; 3) роль цифровых технологий в управленческой деятельности; 4) лидеры в новых моделях общества; 5) управленческая и инновационная значимость элит в политике, науке, культуре, образовании, экономике; 6) новые траектории социально-политического и экономического развития общества в условиях цифровизации и роль элит в их реализации; 7) влияние цифровизации на эффективность политико-управленческой элиты; 8) контрэлиты в условиях цифровой трансформации; 9) управление процессом воспитания и формирования элит в контексте цифрового общества; 10) угрозы и ограничения развития цифровых технологий для общества и для элиты: сходства и различия жизненных и политических траекторий; 11) характеристики политического лидерства в условиях цифровой трансформации; 12) российская специфика цифровой трансформации; 13) этнократические элиты в современном цифровом обществе: политическая культура традиционного типа и информационные инновации; 14) цифровая трансформация и элиты в глобальном обществе; 15) цифровизация и национальная безопасность: стратегические подходы к выявлению и парированию возникающих угроз; 16) цифровизация и стабильность политико-управленческих процессов в российском обществе.

С приветственным словом к участникам Конгресса обратились:

директор Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, к.э.н., доцент Василий Владимирович Рудой (Россия, г. Ростов-на-Дону);

д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и теории политики, декан факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова Андрей Юрьевич Шутов (Россия, г. Москва);

д.полит.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой МГИМО МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ, ОП Москвы и Общественного Совета при Минобрнауки РФ Оксана Викторовна Гаман-Голутвина (Россия, г. Москва);

д.полит.н., профессор, Президент Академии политической науки, Почетный работник высшего профессионального образования РФ Олег Федорович Шабров (Россия, г. Москва) и другие.

В своем приветственном слове профессор О.В. Гаман-Голутвина отмечала, что «российская элитологическая школа активнейшим образом развивается в различных тематических разделах, на различных уровнях, и сегодня эта

отрасль, вне всякого сомнения, входит в число лидирующих субдисциплин отечественной политической науки как по достигнутым результатам, так и по тому интересу, который проявляет исследовательское сообщество. Причем, данная тематика, которая в начале своего развития нередко виделась как достаточно сегментарная, достаточно узкая, сегодня рассматривается в весьма различных плоскостях. Что касается содержательной повестки, то в фокус внимания исследователей вошли такие темы, как специфика рекрутирования и ротации общенациональных, региональных и локальных элит; специфика секторальных элит и их внутренняя структура; внутриэлитные отношения; отношения элит и масс и многие другие. Элитологические исследования ведутся в контексте характеристик политических систем и политических режимов, в контексте анализа стратегических коммуникаций и когнитивных изысканий» (Рудой, 2022, стр.8-9).

В работе Конгресса было заявлено пять секций:

Секция 1. Власть и элита в условиях цифровой трансформации.

Секция 2. Цифровая трансформация социума на основе интернет-коммуникаций.

Секция 3. Угрозы национальной безопасности в эпоху цифровой трансформации.

Секция 4. Политические элиты и проблемы комплексной безопасности.

Секция 5. Элитология культуры: творчество и ценности современного мира.

Переходя к обзору наиболее интересных выступлений, следует отметить, что сама атмосфера работы Конгресса позволяла его участникам свободно обмениваться мнениями, и открыто дискутировать по самым острым вопросам. Ключевыми темами Конгресса стали темы трансформации политических элит в условиях процесса цифровизации. Этой теме было посвящено большинство докладов и сообщений.

В своем докладе «Особенности элитообразования в постсоветской России» Яков Андреевич Пляйс (д.ист.н., д.полит.н., профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва) обратил особое внимание на создание системы формирования адекватной и эффективной политико-административной элиты. Анализ проблемы трансформации постсоветского элитообразования привел его «к выводу о том, что процесс переформатирования политико-административной элиты, развивавшийся в 1990-е годы в целом стихийно, сменился в последующем при президенте Путине В. В. попыткой придать этому процессу системный характер, но и в этом случае создать новую систему не удалось. Об этом я уже писал ранее. Однако ни те процессы, которые происходили в предыдущие десятилетия, ни полученные результаты назвать системными, на мой взгляд, нельзя. Потому, что системы фактически не было или она была разрозненной и несовершенной» (Рудой, 2022, стр.29). В советское время система элитообразования складывалась долго и мучительно. Но она была

заточена под те идеологические догмы, которые господствовали в то время. В заключение своего выступления Яков Андреевич отметил, что «что создание адекватной, эффективной системы элитообразования для современной России принципиально важно и, несмотря на всевозможные сложности, такую систему надо обязательно создать» (Рудой, 2022, стр.33).

В докладе «Цифровизация современной России: к некоторым проблемам внедрения в политико-управленческий процесс» Майя Арташесовна Аствацатурова (д.полит.н., профессор, Директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований, ПГУ, г. Пятигорск) отмечает, что внедрение новых технологий расширяет поле профессиональных возможностей. Цифровые технологии проникают во все большие сферы. «С одной стороны, цифровизация является объективной и соответствует запросам интенсификации всех сторон жизнедеятельности общества и государства. С другой стороны, цифровизация существенно меняет традиционный ход вещей и традиционные форматы организации общественной жизни. С третьей стороны, цифровизация предъявляет большие требования и к системе организации жизни общества, и к институтам государственной власти, политики и управления» (Рудой, 2022, стр.150). В целом, цифровизация повышает качество жизни, но в то же время предъявляет большие требования, как к жизнедеятельности каждого гражданина, так и к жизни всего общества и к функционированию государства.

Она особо отмечает, «что цифровизация в РФ в целом и цифровизация в сфере управления требует системного и постоянного организационного внимания со стороны государства. Цифровизация не может быть успешной в условиях общего низкого уровня жизни граждан, при невысоких темпах роста ВВП, при сохраняющейся инфляции и девальвации курса национальной валюты, при кризисных явлениях экономики, бизнеса. Также сложно предположить, что на фоне общего сужения объёма и снижения качества социальных услуг государства обществу цифровизация станет общим драйвером поступательного социально-экономического и общественно-политического развития» (Рудой, 2022, стр.155).

С докладом на тему «Формирование нового типа политических элит в условиях цифровой трансформации» выступил Григорий Леонидович Акопов (д.полит.н, профессор, директор Ростовского филиала МГТУ ГА, г. Ростов-на-Дону). В своем выступлении он, в частности, отмечал, что «в современном социуме, который претерпевает бурную цифровую трансформацию, участие политических элит в налаживании политических интернет-коммуникаций становится основополагающим требованием со стороны гражданского общества... В этой связи особо остро встает вопрос о формировании элит нового типа, способных осуществить цифровую трансформацию для модернизации общественных отношений. Если в стране недостаточно эффективно работают социальные лифты, наблюдается явный дефицит новых политических игроков,

то, может быть, стоит подумать о новой модели рекрутинга элиты для государственного управления» (Рудой, 2022, стр.234).

Особенностью трансформации политических элит России в условиях информатизации социума является то, что они вынуждены быть лидерами этого процесса. «Общественное признание и поддержка политических элит со стороны социума является основой стабильной и эффективной политической системы. В цифровом, информационно ориентированном социуме, добиться поддержки и легитимности без использования цифровых технологий становится крайне затруднительно. Современные политические коннотации интернет-сетевого сообщества, позволяющие человеку не только ощущать свою идентичность, но и обеспечивающие общественное признание власти либо общественное противостояние политическому управлению. Современные технологии позволяют каждому индивиду принять активное участие в политическом процессе, заявить свои требования, либо претензии, а возможно и поддержку политическому курсу, тем самым легитимизируя процесс политического управления в обществе нового типа, основанного на цифровых технологиях» (Рудой, 2022, стр.236). Все это требует провести существенную модернизацию всей системы подготовки управленческих кадров с учетом потребностей настоящего времени и ближайшего будущего.

В своем выступлении «Информационно-коммуникационные технологии в обеспечении элитно-лидерского позиционирования» Евгений Васильевич Охотский (д.социол.н., профессор, эксперт Научно-исследовательского центра государственной службы и управления РАНХиГС, г. Москва) акцентирует внимание на том, что «в последние годы фиксируется устойчивый рост массива деструктивной информации. На некоторых направлениях ситуация по своему цинизму достигает уровня информационного кризиса. Во все более жестком режиме начинает действовать закономерность обратной направленности: чем выше информационная культура общества, особенно на высшем управленческом уровне, тем надежнее социальная безопасность, тем выше социально-политическая устойчивость социума, тем эффективнее власть и ее высший элитно-лидерский потенциал...В производстве конструктивной информации ведущая роль принадлежит науке, а в ее продвижении – официальным каналам публичного администрирования, средствам массовой информации, а также специально учрежденным интернет-коммуникациям. Отсюда обоснованность того, что для элиты, претендующей на лидерские позиции, необходим лидерский уровень информационного обеспечения, необходима лидерская информационная культура» (Рудой, 2022, стр.45).

В настоящее время элиты и лидеры оказались в пространстве социальных сетей. Здесь правит уже «не закон и не нравственный императив, а, как говорится, «демон информационного общества». Демократия становится привилегией лишь «правильных демократов». Именно это является одним из «достижений» современного цифрового общества». Вывод: информация, нарастающая мощь информационных потоков, современные IT-технологии и мощь

цифровизации — не только действенный фактор информационно-интеллектуального обеспечения и технический управленческий ресурс, но и серьезный коллективный организатор. Если требуется, он легко может быть использован также в деструктивных целях, в том числе в качестве разрушителя элитно-лидерского позиционирования» (Рудой, 2022, стр.48). Политические элиты все в большей мере будут сталкиваться с проблемами информационной манипуляции и откровенной фальсификации. Причем они сами будут выступать в роли заказчика этих фейков. По его мнению, в основе сокрытия и дезинформации такого уровня лежит факт авторитарности, элитарной безответственности и закрытости системы.

Тему своего выступления д.полит.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Александр Иванович Соловьев обозначил как «Деинституализация правящей политической элиты: механизмы и практики». В нем он, в частности, отмечает, что в последнее время явно обозначилось «противоречие институализации и партикуляризации, демонстрирующее несовпадение двух базовых траекторий жизнедеятельности правящей элиты: необходимости сохранять общегражданский профиль своей деятельности, соответствующий нормативным требованиям институтов власти, или же использовать свои официальные прерогативы в собственных (частных или групповых) интересах» (Рудой, 2022, стр.21). По его мнению, «основным источником рисков в изменении местоположения правящей элиты является относительная автономность ее позиционирования. С одной стороны, это обусловлено сугубо структурными обстоятельствами (необходимостью наличия специальной группы людей, управляющих массовыми социальными процессами), а с другой, возможностью вариативного использования своих статусных полномочий (включающих наряду с ответственным правлением и представительством интересов населения еще и вполне самостоятельную стратегию, не опирающуюся на какую-либо ответственность перед гражданским населением)» (Рудой, 2022, стр.22).

Опираясь на анализ политической действительности, Александр Иванович отмечает: «важнейшим и определяющим направлением деинституализации правящего слоя является качественное усиление закрытости процесса принятия ключевых государственных решений, сказывающихся на всех основных траекториях развития общества и характере распределения общественных благ. Во многих постсоветских странах, несмотря на активное развитие информационной среды, механизмы принятия ключевых государственных решений (связанных с деятельностью влиятельных «политических тяжеловесов») все плотнее погружались в скрытую от общества, латентную сферу политических взаимодействий. От года к году в этих странах нарастал объем непроницаемой для общества темной политической материи, подчас скрывающий такие явления, о существовании которых не могли себе представить даже представители аналитического сообщества» (Рудой, 2022, стр.23).

В своем докладе «Современные элиты в поиске новых властно-институциональных порядков» Александр Михайлович Старостин (д.полит.н.,

профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, научный руководитель института междисциплинарных исследований глобальных процессов и стратегического управления РГЭУ РИНХ, г. Ростов-на-Дону) уделил большое внимание проблемами методологического сопровождения современных элитологических исследований. Он подчеркивает, что «Концепты «элиты», «политические элиты» и соответствующее тематическое поле политологических исследований занимают видное место в отечественной политологии, позиционируясь в качестве одного из значимых направлений не только российской, но и мировой политологии» (Рудой, 2022, стр.117). Так называемая «элитологическая парадигма» завоевывает все больший авторитет и новые области применения. «Опора на инструментальный и эмпирические результаты, полученные в рамках данной парадигмы, позволили наметить пути определенной переориентации от доминирования объектоцентрических позиций в рамках социально-научной парадигмы – на субъектно-средовые, социально-экологические и социально-синергетические позиции, определяемые элитологической парадигмой, и расширить понимание идеалов и норм научного познания в контексте гуманитарных исследований, что в итоге также позволило расширить репертуар репрезентации активно-проектных элементов в развитии социума, обозначить как элементы инновационно-эмерджентного типа («креативный класс», «управленческие элиты», «экспертные сети», «социально-информационные платформы»), так и консервативно-традиционного типа (касты и кланы, традиционные элиты) (Рудой, 2022, стр.117-118).

Александр Михайлович отмечает, что «анализ динамичных изменений в современном социуме позволяет зафиксировать, во-первых, значимую взаимозависимость активной, авангардной его части и более инертной его части и, во-вторых, усиление активно-проектного воздействия авангардной и элитной его части на эволюцию массовых слоев, что позволяет говорить о продолжающемся процессе социальной цефализации (усиление влияния целенаправленного регулирования и управления) и проявлении симптомов ноосферизации. Иначе говоря, о переходе к более высоким и сложным уровням субъектного воздействия (прежде всего за счет деятельности новых генераций элит) на всех уровнях организации и институализации социума: глобальном, национально-государственном, локально-территориальном, что в итоге усложняет и методологические подходы к пониманию новых этапов социальной эволюции, постепенно смещая акценты с классических объект-объектных (на уровне социума) и субъект-объектных схем детерминации – к субъект-(объект-объектным) и субъект- (субъект-объектным) нелинейным подходам, в том числе применимых в рамках элитологической парадигмы и новых ее неклассических форматов» (Рудой, 2022, стр.118).

Тема выступления Карабущенко Павла Леонидовича (д.филос.н., профессора Астраханского государственного университета, г. Астрахань) была посвящена современной карнавальной политической культуре: «Карнавальная

политическая культура: хроники современного политического цирка (проблема когнитивной безопасности)». В условиях системного кризиса профессиональных компетенций правящих (особенно западных) элит появляется и весьма стремительно развивается феномен карнавальной политической культуры. Реальность таких политических элит воспринимается и оценивается через призму политического карнавального действия. То, что ныне мы наблюдаем в природе политических (особенно западных) элит иначе как политическим цирком назвать крайне сложно.

Докладчик отмечал, что «последние годы политический карнавал захватил власть в поведении политических элит и их лидеров, и начал диктовать им свои правила оценки действительности. Наблюдение за этим политическим цирком приводит нас к убеждению о существовании в элитных политических слоях карнавальной политической культуры, в кривых зеркалах которой искажаются все политические события и лица» (Рудой, 2022, стр.134).

Все, кто занимался этой проблемой, отмечают, что природа политического карнавала разнообразна. «Но главная суть политического карнавала заключается в маскировке дефицита профессионализма политических элит, в их способности виртуозно уходить от ответственности за совершенные ими ошибки и преступления. Сам по себе политический карнавал является сущностью профессиональной некомпетентности элит. Он может возникать ситуативно и принимать самые различные формы и временные отрезки. Для элит он, как правило, носит деструктивный характер, тогда как для гражданского общества он открывает истинное лицо власти, маркером помечая ее основные недостатки» (Рудой, 2022, стр.127-128). Именно в этом многообразии и повышенной изменчивости и кроется залог успеха природы политического карнавала.

Политический карнавал возникает и проявляет себя как предвестник общего системного упадка всей политической системы. «Карнавальная политическая культура – маркер упадка профессионализма в политических элитах и их лидерах; это признак декаданса; упрощение до примитивного уровня этических норм, выхолащивание профессионального мышления и деградация воли; манипуляция политическими ценностями; имитация деятельности; неограниченная демагогия; намеренное нарушение правил (провокационный выход за грань допустимого); живут в системе двойных стандартов. Мы наблюдаем выгорание элитности в элитах, потому, что субъекты элитных сообществ откровенно служат своим «бесам» и сами становятся таковыми. Из элитологической экспертизы куда-то ушла серьезность и объективность. Все чаще вместо них мы встречаем карикатурность и откровенный троллинг практикующих в политической сфере элитарных группировок, которых назвать «элитами» тоже не поворачивается язык» (Рудой, 2022, стр.134). Именно подобные негативные тенденции способствуют процессу деструктивности элит, разрушая ее внутриэлитный консенсус.

Вопросам историографии было посвящено выступления профессора Арушана Арушановича Вартумяна (д.полит.н., профессора ПГУ, г. Пятигорск) на тему «О новейшей историографии элитологических исследований (анализ публикаций журнала «Вопросы элитологии»)». Автором справедливо отмечается, что «уверенный рост количества публикаций по элитологической проблематике, свидетельствует о наметившемся качественном прорыве в этой отрасли обществоведческого знания. При этом особо следует подчеркнуть появившиеся в последние десятилетия научные периодические издания, которые на регулярной основе предлагают свои проекты научных исследований. В идеале, с количественным увеличением работ по элитологии мы вправе ожидать и их качественный рост. Но не всегда это удастся отследить и оценить. Оригинальных работ не так уж и много. А если учитывать общий кризис отечественной политической науки, то новых актуальных обсуждаемых проблем и оригинальных концепций оказывается и того меньше. В этих условиях появление нового журнала всегда вызывает острый интерес, особенно если редакция этого журнала нацелена на поиск новых направлений и оригинальных решений прежних проблем» (Рудой, 2022, стр.118). В качестве такого научного издания А.А. Вартумян и рассматривает публикационную активность научного электронного журнала «Вопросы элитологии», который выходит в России (Астрахань) с 2020 г.

Редакция журнала предлагает специализированные (тематические) номера по проблемам, вызывающим наибольший интерес у научной общест-венности. Речь фактически идет о расширении сферы элитологических исследований, когда заявленная проблематика не ограничивается одними только социально-политическими темами, а выходит далеко в область гуманитарных наук – философии, культурологи, истории, психологии и даже педагогики.

Профессор А.А. Вартумян отмечает, что в этом новом издательском проекте чаще всего рассматриваются вопросы, связанные с духовным совершенством человека и анализ его креативных способностей. Как правило, речь в таких случаях идет о культурных элитах, как прошлого, так и настоящего. Данная проблема еще недостаточно разработана в отечественной элитологической мысли, поэтому здесь есть крайне интересные темы и направления, предполагающие подключение специалистов из таких направлений науки, как философия, культурология, психология, педагогика, история.

В качестве критического замечания, автор указывает на ряд имеющихся, по его мнению, недостатков, главным образом в содержательной части. В частности, на его взгляд, отсутствуют проблемы социологии и психологии элит. Хотя в своих программных заявлениях редакция журнала и указывает на необходимость развития этих направлений, но и в вышедших номерах мы с вами работ на эту тему не найдем. Будем надеяться, что в будущем на страницах «Вопросов элитологии» появятся работы и по этому направлению.

В завершении своего обзора профессор А.А. Вартумян отметил, что данный журнал является инициативой научного сообщества, поэтому должен рассматриваться как проявление активности российского гражданского общества. Он не стеснен административными рамками академических университетских структур, поэтому может себе позволить быть независимым изданием.

Выступающий обратил внимание на просветительская функция этого журнала. Редакция «Вопросов элитологии» отмечает, что «политика журнала состоит в том, чтобы находиться вне какой-либо политической идеологии и занимать нейтральную по отношению к религии позицию. Перед нами стоит единственная научная цель – заниматься пропагандой и популяризацией элитологических идей и учений, направленных на улучшение всех сфер общественной и духовной жизнедеятельности человека, содействовать сплочению рядов элитологов и вести открытую конкурентную научную дискуссию» («Вопросы элитологии», Т.1. №1. 2020.С.13-14). Профессор А.А. Вартумян согласен с такой постановкой вопроса и высказал надежду на то, что заявленные редакцией цели будут полностью реализованы.

Как уже отмечалось ранее, работа Конгресса прошла на высоком теоретическом научном уровне. Выступления его участников отличались объективностью, креативным подходом в анализе обсуждаемых проблем, открытым обменом мнения. Работа прошла в духе демократического плюрализма, научного либерализма и высокой патриотической ответственности.

Особые слова благодарности следует сказать организаторам Конгресса и особенно его бессменному руководителю программного комитета профессору доктору политических наук Александру Васильевичу Понеделкову. Для нас Александр Васильевич является живым примером самоотверженного служения своему делу. Научная общественность высоко оценивает его как талантливого организатора, вдохновителя и подвижника. В условиях современного непростого времени ему удалось не только организовать научное сообщество, но и найти финансовые средства на проведения мероприятий Конгресса.

Список литературы

Рудой, В. В. (2022). Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: Новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества (А. В. Понеделков, & А. Ю. Голобородько, Ред.; с. 512). Изд-во ЮРИУРАНХиГС.

References

Rudoy, V. V. (2022). Power and elite in the era of digital transformation: New challenges and threats, trajectories of socio-political development of modern society (A. V. Ponedelkov & A. Y. Goloborodko, Ed.) p. 512. Publishing house of YURIU RANEPa. (In Russian).

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие "Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор: д.ф.н. Павел Леонидович Карабущенко

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:
elitologyjournal[at]gmail.com

Телефон: +7 (927) 559-92-40

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2020 Вопросы элитологии. E-ISSN: 2712-8415

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief: Dr. Pavel L. Karabuschenko

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
elitologyjournal[at]gmail.com

Phone: +7 (927) 559-92-40

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2020 Issues in Elitology. E-ISSN: 2712-8415